

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2020 – 1

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год

МОСКВА 2020

ББК 81
С 69

Центр гуманитарных научно-информационных исследований

Отдел языкознания

Редакционная коллегия серии «Языкознание»:

В.З. Демьянков – д-р филол. наук, главный редактор, *Э.Б. Яковлева* – д-р филол. наук, заместитель главного редактора, *Л.Р. Комалова* – д-р филол. наук, ответственный секретарь, *В.М. Алпатов* – д-р филол. наук, *Н.С. Бабенко* – канд. филол. наук, *В.Н. Желязкова* – д-р филологии, *Е.А. Казак* – канд. филол. наук, *И.В. Кангро* – д-р филологии, *В.Г. Кузнецов* – д-р филол. наук, *Е.М. Миронеско-Белова* – д-р филологии, *А.В. Нагорная* – д-р филол. наук, *Е.О. Опарина* – канд. филол. наук, *В.А. Пищальникова* – д-р филол. наук, *В.А. Плунгян* – д-р филол. наук, *Р.К. Потапова* – д-р филол. наук, *В.В. Потапов* – д-р филол. наук, *М.Б. Раренко* – канд. филол. наук, *С.А. Ромашко* – канд. филол. наук, *К.Я. Сигал* – д-р филол. наук, *Н.Н. Трошина* – канд. филол. наук

Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: С 69 РЖ / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. – М., 2020. – № 1. – 181 с.

В журнале представлены новые отечественные и зарубежные исследования, посвященные проблемам общего и сравнительно-исторического языкознания, теоретическим проблемам лингвистики, работы по фонетике и фонологии, морфологии и синтаксису, лексикологии и стилистике, по прикладному языкознанию, психолингвистике и социолингвистике.

ББК 81

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти Ульриха Аммона

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

- 2020.01.001. Скорвид С.С. Атрибутивные посессивные конструкции в истории славянских языков 9
- 2020.01.002. Шоков Н.Н., Дмитрийчук А.Ю. Язык записок ученых-путешественников второй половины XVIII в. 13

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Теоретические проблемы и отдельные методы

- 2020.01.003. Бондарчук Г.Г., Яроцкая Л.В., Шевелева Е.О. Аналогия в языке: Теория и образовательная практика 21
- 2020.01.004. Виноградов В.А. Статьи по общему языкознанию, компаративистике, типологии 25
- 2020.01.005. Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка 26
- 2020.01.006. Семантика коннекторов: Контрастивное исследование 29
- 2020.01.007. Теория языка и метаязыка филологических наук 35
- 2020.01.008. Н.Н. Трошина. Креолизованные тексты. (Обзор) 45

Психолингвистика

- 2020.01.009. Ассоциативный эксперимент: Теоретические и прикладные перспективы психолингвистики: 50
- 2020.01.010. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме..... 56

Социолингвистика

- 2020.01.011. Брженек О. Речевые практики и оценка языка в Австрии: На примере языка молодого поколения 63

Прикладное языкознание. Перевод, переводоведение

- 2020.01.012. М.Б. Раренко. К проблеме адекватности перевода. (Обзор) 67
- 2020.01.013. М.Б. Раренко. К вопросу о разработке словарей в помощь переводчикам. (Обзор) 80

Коммуникация. Дискурс. Речевые жанры

- 2020.01.014. Е.О. Опарина. Исследования речи Дональда Трампа. (Обзор) 87

Лингвокультурология

- 2020.01.015. Качинская И.Б. Термины родства и языковая картина мира: (По материалам архангельских говоров) 96
- 2020.01.016. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропологический код культуры 105

Корпусная лингвистика

- 2020.01.017. Л.Р. Комалова. Корпусные исследования в лингвистике применительно к медицинской практике. (Обзор) ... 115

УРОВНИ ЯЗЫКА

Лексикология. Лексикография. Фразеология. Ономастика

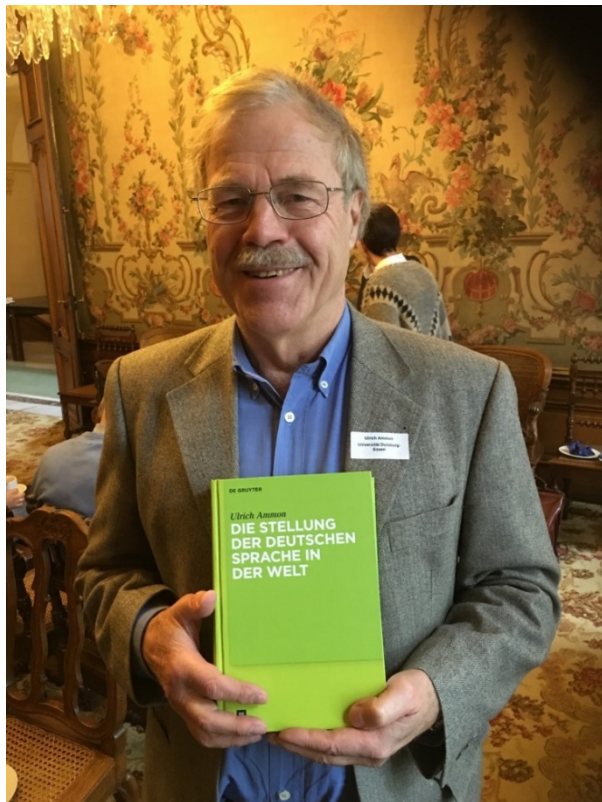
- 2020.01.018. Белов В.А. Семантическая близость имен существительных в когнитивном аспекте 123
- 2020.01.019. Кибардина С.М., Вашик К. Открытие иконы: Лексикон иконописи 130

2020.01.020. Ковшова М.Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах	134
2020.01.021. М.Б. Раренко. К проблеме изучения термина. (Обзор)	136

ЯЗЫКИ МИРА

2020.01.022. Э.Б. Яковлева. О некоторых особенностях регионального национализма и ревитализации уральских языков. (Обзор)	153
2020.01.023. Э.Б. Яковлева. Современные даргинский и кумыкский языки в концептуально-сопоставительном аспекте. (Обзор)	162
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ЗАГЛАВИЙ РАБОТ, ОПИСАННЫХ НЕ НА АВТОРА	176
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ (№ 1)	177

ПАМЯТИ УЛЬРИХА АММОНА

(3 июля 1943 – 3 мая 2019)

3 мая 2019 г. на 76 году жизни скончался профессор Ульрих Аммон (Ulrich Ammon). Международная германистика потеряла выдающегося ученого – специалиста в области немецкой социолингвистики, национально-языковой вариативности немецкого языка, языковой политики и диалектологии. Он внес огромный вклад в современную германистику, показав и доказав высокий уровень немецкой лингвистики, подробно и всеаспектно описав позиции немецкого языка в условиях глобализации и проблемы с изменением его коммуникативного статуса.

Германистам всего мира Ульрих Аммон известен как автор или издатель 14 книг, в том числе таких фундаментальных трудов, как «Немецкий язык в Германии, Австрии и Швейцарии: Проблема национальной вариативности» («Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz: Das Problem der nationalen Varietäten», 1995); «Место немецкого языка в мире» («Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt», 2015), основанного на его классической монографии «Международная позиция немецкого языка» («Die internationale Stellung der deutschen Sprache», 1991); «Словарь национальных вариантов немецкого языка: Литературный язык в Австрии, Швейцарии, Германии, а также в Лихтенштейне, Люксембурге, Восточной Бельгии и Южном Тироле» («Variantenwörterbuch des Deutschen: Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Ostbelgien und Südtirol», 2004), подготовленный международным коллективом, руководимым У. Аммоном. Этот словарь стал бестселлером 2004 г., затем он был значительно расширен и переиздан в 2016 г.

Широко известен и пользуется большим авторитетом основанный и издаваемый У. Аммоном ежегодник «Sociolinguistica».

Перечисленные труды профессора У. Аммона, а также многие его статьи были отреферированы, и рефераты опубликованы в журнале «Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание».

Изначальной областью интересов У. Аммона была диалектная социолингвистика: его диссертация была посвящена проблемам социальных лифтов, с которыми сталкиваются именно носители диалектов. Эта тема волновала его всю жизнь: не случайно в одной из своих последних статей У. Аммон назвал внутреннюю языковую справедливость (innersprachliche Gerechtigkeit) актуальнейшей темой для исследования.

В течение 34 лет профессор (до 2008 г.) У. Аммон преподавал в Университете им. Герхарда Меркатора в западногерманском городе Дуйсбурге (в 2005 г. этот университет был переименован в Университет Дуйсбурга-Эссена), но и после завершения работы в университете он продолжил активную исследовательскую и издательскую деятельность.

Свои научные исследования профессор У. Аммон сочетал с успешной организационной деятельностью: в течение многих лет

он руководил секцией социолингвистики в «Немецком обществе прикладной лингвистики» (Gesellschaft für angewandte Linguistik), а в 2003–2006-м годах исполнял обязанности президента этого общества. В 2008 г. он возглавил Всемирный конгресс Международной ассоциации прикладной лингвистики (AILA), который состоялся в Эссене.

В качестве приглашенного профессора У. Аммон читал лекции во многих университетах мира, в том числе и в России, где он также участвовал в 2005 г. в работе III съезда Российского союза германистов (Нижний Новгород) и в Международной научной конференции к 100-летию профессора Э.Н. Ризель.

В 2011 г. профессор У. Аммон вместе с профессором РГГУ Д. Кемпером издал книгу «Немецкий язык в России: История. Современность. Перспективы» («Die deutsche Sprache in Russland: Geschichte. Gegenwart. Zukunft»).

У. Аммон был не только человеком исключительной эрудиции, но и большого личного обаяния. Его чувство юмора и готовность делиться научными идеями привлекали к нему коллег и студентов. Не зря они называли его «Unser großer Meister»!

Отдел языкознания ИНИОН РАН

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2020.01.001. СКОРВИД С.С. АТРИБУТИВНЫЕ ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ. – М.: Ин-т славяноведения РАН: МИК, 2018. – 188 с.

Ключевые слова: история славянских языков; притяжательные прилагательные; синтаксическая деривация.

Монография состоит из введения, пяти глав и заключения.

В монографии на материале древнеписьменных славянских языков – в первую очередь древнечешского, но также других – в сравнении с ситуацией в большинстве современных славянских языков и их диалектов анализируется историческая специфика синтаксического функционирования притяжательных и относительных прилагательных в связи с проблемой их частеречного статуса.

В работе верифицируется гипотеза о принадлежности славянских притяжательных прилагательных к субстантивной парадигме, выдвинутая Н.С. Трубецким в 1937 г. применительно к старославянскому языку и развитая позднее исследователями других славянских языков с учетом прежде всего синтаксических валентностей этих морфологически адъективных дериватов существительного. Автор прослеживает далеко не прямолинейное развитие субстантивной синтаксической сочетаемости славянских притяжательных и отчасти относительных прилагательных от древнеязыкового состояния к современному, причем выясняется, что последнее лишь в некоторых случаях связано прямой исторической преемственностью с первым. Автор также сосредоточивает внимание на типологически интересных неизменяемых юго-западночешских диалектных формах притяжательных прилагательных на

-ovo/-ino и конструкциях с ними, какие встречаются также в записях чешского переселенческого говора на Северном Кавказе.

Монография представляет собой итог многолетних историко-языковых изысканий автора, прежде всего как богемиста и, шире, слависта. Так на материале ряда древнеписьменных славянских языков – древнечешского, древнепольского, древнерусского и старославянского – в сопоставлении с современным состоянием анализируется историческая специфика синтаксического функционирования десубстантивных прилагательных (далее ДСП), принадлежащих к сфере синтаксической деривации в трактовке Е. Куриловича или транспозиции в терминологии М. Докулила.

Характером процесса синтаксической деривации, которая означает перевод слова в другую часть речи без изменения его лексической семантики, определяется изначальная близость подобных образований к словоизменению базовой леммы. Иное частеречное включение производящей основы посредством производного слова служит ее адаптации к другой синтаксической функции аналогично флексиям.

При диахронном исследовании синтаксических особенностей ДСП автор исходит из интерпретации данных образований как переходных к субстантивному словоизменению, в структуре которого ДСП находят параллель в категории падежа. Исторически эти дериваты характеризовались наибольшей близостью к парадигме базовой леммы в силу достаточно последовательно осуществлявшейся замены существительных в атрибутивной позиции на ДСП. Такая регулярность формировала, по сути, морфологический тип корреспонденции ДСП с базовой леммой, одновременно создавая предпосылки для проявления у ДСП, в противовес признакам своей части речи, также ряда частеречных свойств, внутренне присущих существительному.

Формальную и функционально-семантическую стороны взаимоотношений ДСП со словоизменением базовой леммы в диахронном и синхронном аспектах рассматривали с тех или иных позиций многие исследователи. В данной работе предпринята попытка примирения различных подходов ученых к такому описанию ДСП и построения его выверенной с учетом всех условий модели. На первый план, однако, выдвинута задача изучения специфической сочетаемости ДСП с относящимися к имени суще-

ствительному зависимыми компонентами в древних славянских языках с целью выяснения причин данного синтаксического явления и его последствий для соотношения ДСП с базовой лексемой. Исследование ориентировано на решение проблемы системной обусловленности наличия свойств существительных в синтаксисе ДСП на ранней ступени развития славянских языков кажется особенно значимой и актуальной.

С древних времен и поныне к существительному в разной степени тяготеют разные семантико-морфологические разряды славянских ДСП.

Ближе всего к субстантивному словоизменению стоят притяжательные прилагательные (далее ПП). Данный термин традиционно подразумевал приписывание соответствующим прилагательным значения принадлежности; в настоящей работе он сохраняется условно – содержание самих этих образований определяется автором иначе. К разряду ПП автор относит образования от собственных и нарицательных имен со значением лица, реж животного (назовем такие существительные лексически одушевленными), большей частью мужского и женского рода, выражающие различные атрибутивные, а в результате трансформации исходно атрибутивных сочетаний и предикативные отношения к единичным индивидам, конкретным или осмысляемым как произвольные, но единичные же представители своего класса. В рамках глубинной семантики это могут быть отношения обладания (собственно посессивные), а также субъектные, объектные и иные, которые в атрибутивном сочетании стилизуются как посессивные, причем перенос ПП в предикативную позицию возможен в обоих случаях, ср. рус. *отцовы вещи* (посессивное отношение) / *отцовы хлопоты* (глубинно субъектное отношение) – *Эти вещи / заботы отцовы, не мои.*

Далее в работе отмечается, что ракурсом проведенного диахронического исследования, его установкой на уточнение частеречных позиций членов системы ДСП и интерпретацию соотношения семантических показателей параллелизма названной категории субстантивному словоизменению со спецификой ее синтаксической синтагматики обусловлено использование в работе в первую очередь метода системно-структурного анализа.

Структурный анализ конкретных отношений на отдельных стадиях языковой эволюции ведется с помощью приема синхронных срезов, при интерпретации же итогов такого анализа в диахронии данный метод применяется во взаимодействии со сравнительно-историческим. Процедура внутри- и межъязыкового сравнения помогает прояснить генезис и выявить общеславянские тенденции развития описываемых систем.

В качестве главного объекта анализа в работе привлекаются данные древнечешского языка с XIV по XVI в. Эксерпции из памятников, используемые на описательных этапах исследования, – в значительной части принадлежат автору. Этот материал автор собрал методом сплошной выборки из доступных изданий разновременных и разнообразных в жанрово-стилевом отношении древнечешских текстов, оригинальных, включая обработки, и переводных. Всего таким образом автором было обследовано более 30 томов.

Состояние в древних славянских языках в работе последовательно соотносится с современным, начиная с XIX в. Совершая экскурсы в синхронию, автор также опирается в основном на материалы других авторов, которые дополняет собственными извлечениями из художественной литературы, фольклорных и диалектных текстов.

Далее отмечается, что в диахронном аспекте состояние системы ДСП, прослеживаемое в древнечешском языке XIV–XV вв., материал которого был отправной точкой проведенного исследования, демонстрирует чрезвычайно ранний и резкий, сравнительно с темпами развития в других славянских языках, отрыв ПП от ОП. С кристаллизацией грамматического содержания стандартизировалось и строение плана выражения субкатегории ПП: конкретно имело место ограничение ее образованиями двух подвергшихся генерализации типов с парой специфичных для данной функции суффиксов, -ov- и -in-, дистрибуция которых постепенно переняла родовую принцип, ставший основополагающим и в субстантивной declinacii. Это позволяет автору заключить, что ПП в древнечешском языке приближались к парадигматичности морфологического типа, хотя она была неравномерной для отдельных групп лексически одушевленных существительных.

На современном этапе большинство славянских языков сохраняет развившуюся раньше, как это имело место в чешском, или позднее формально-морфологическую парадигматичность ПП с суффиксами -ov- и -in-, распределенными в зависимости от рода либо типа склонения существительного; это – вкуче с семантикой – побуждает трактовать их как «ассоциированные» с парадигмой существительного варианты в Р ед. Только в современных русском и польском языках эти образования стали малопродуктивными и отошли на периферию системы, что, однако, не исключает проявления у них некоторых признаков базовых существительных, в том числе синтаксических, которые главным образом и рассматривались в монографии.

Е.А. Казак

2020.01.002. ШОКОВ Н.Н., ДМИТРИЙЧУК А.Ю. ЯЗЫК ЗАПИСОК УЧЕНЫХ-ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. – Белгород: Изд-во Белгород. ун-та кооперации, экономики и права, 2018. – 196 с.

Ключевые слова: ученые-путешественники; жанр «ученого путешествия»; русский язык второй половины XVIII в.; история русского литературного языка; лексика; грамматика.

В монографии рассматриваются язык и стиль записок ученых-путешественников второй половины XVIII в., занимающих важное место как в истории русского литературного языка, так и русской культуре. В первой главе излагаются биографии трех авторов записок – И.И. Лепехина, В.Ф. Зуева и Н.Я. Озерецковского, характеризуется литературный язык второй половины XVIII в. Авторы отмечают стилистическое своеобразие записок, которое проявляется в использовании среднего, научного, публицистического и художественного стилей. Вторая глава посвящена анализу лексике записок, третья – анализу их грамматики.

В работе отмечается, что XVIII век – период стремительного развития русской науки, искусства, художественной литературы и публицистики – не мог не стать одновременно и периодом радикальных сдвигов в области литературного языка. Литературный язык XVIII в., создавший условия для формирования литературно-

го языка Нового времени, заслуживает пристального и всестороннего анализа.

Изучение языка и стиля художественных произведений XVIII в. имеет давние традиции и обширную литературу. Однако язык и стиль научных и научно-популярных произведений изучены недостаточно. Крайне мало специальных исследований посвящено анализу языка и стиля произведений, написанных в жанре «ученого путешествия». Между тем записки ученых-путешественников второй половины XVIII в. занимают важное место как в истории русской культуры эпохи Просвещения, так и в истории русского литературного языка.

Авторы произведений, написанных в жанре «ученого путешествия» – известные ученые-натуралисты того времени. По заданию Российской академии эти ученые совершили ряд научных экспедиций по России. В пути они записывали свои наблюдения над бытом и занятиями людей, растительным и животным миром, минералами и т.п. Эти записки составили многотомные труды. Они были изданы в основном сразу после их написания.

В записках содержатся описания географического рельефа, насекомых, растений и животных, материальной и духовной культуры народов.

Интересны лингвистические наблюдения ученых-путешественников. Ученые проявляют интерес к этимологии и русским диалектам. Они также записывают и объясняют фразеологизмы и пословицы, имеющие местный характер. Авторы ученых путешествий изучают языки разных народов, населяющих Россию.

Ученые путешествия оказали значительное влияние на развитие русского языка. Особенно велика роль записок в формировании его лексической системы. Многие слова, связанные с народной культурой, впервые были зафиксированы учеными путешественниками. Из записок они попали в Словарь Академии Российской (САР) и стали достоянием литературного языка.

«Ученые путешествия» представляют собой яркие образцы научно-популярных произведений второй половины XVIII в. Ученые-путешественники стояли у истоков научно-популярного стиля, поэтому записки ученых путешественников – важнейшие памятники культуры, памятники истории русского литературного языка.

Ученые-путешественники – И.И. Лепехин, В.Ф. Зуев, П.Я. Озерцовский – были глубокими знатоками русского языка.

«Ученые путешествия» относятся к ломоносовскому периоду в истории русского литературного языка.

Жанр «ученого путешествия» выполняет функцию передачи научной информации, функцию популяризации научных знаний, функцию воздействия на сознание читателей путем убеждения.

Основными стилевыми чертами записок являются следующие: 1) использование нескольких вариантов русского литературного языка, а именно: языка науки, для которого характерны точность, строгость, логичность, объективность, отсутствие эмоциональности; языка публицистики, характеризующегося экспрессивностью и эмоциональностью; языка художественной литературы, которому свойственны образность, индивидуально-авторское начало, 2) господство среднего стиля; 3) использование всех типов речи – описания, повествования, рассуждения; 4) доступность и простота изложения.

Автор отмечает, что лексика записок отражает состояние лексической системы литературного языка второй половины XVIII – начала XIX в. Основная масса слов употреблена в значениях, которые зафиксированы в САР. Путешественники употребляют слова в соответствии с принципами стилистического учения Ломоносова. Записки написаны преимущественно средним стилем, и потому в них наряду с нейтральными словами используются книжные и разговорные.

В записках использованы богатейшие ресурсы лексики литературного и национального языка второй половины XVIII – начала XIX в. Не случайно составители САР широко использовали лексический материал, содержащийся в «ученых путешествиях».

Основной лексический пласт образуют общеупотребительные слова, понятные всем читателям. Значение слов, которые могли затруднить понимание текста, путешественники объясняют. К числу слов, подвергнутых специальному толкованию, относятся научные и производственные термины, диалектизмы, иноязычные слова (прежде всего экзотизмы).

В записках использована терминология многих наук (биологии, минералогии, географии и др.). Основной пласт научной терминологии образуют слова исконно русские по происхождению.

Записки насыщены терминами-дублетами, что отражает состояние терминологической системы этого периода, находившейся в стадии формирования. Путешественники сыграли важную роль в создании биологической и географической терминологии. Во-первых, они ввели в научный оборот большое количество новых терминов, во-вторых, устранили из языка науки некоторые многозначные термины.

Многие производственные термины именно в записках получили первую письменную фиксацию. Из записок они попали в толковые словари и вошли в состав лексики литературного языка.

Славянизмы, просторечные слова, фразеологизмы, пословицы, тропы употребляются в записках в соответствии с языковой традицией XVIII в. Их основное назначение – служить средством создания выразительности речи.

Многие синонимы, использованные в записках, не имеют четкого семантического или стилистического дифференциального признака, что было характерно для лексической системы того периода. Синонимы служат средством создания разнообразия форм речи.

Далее автор отмечает, что грамматика записок отражает состояние грамматического строя литературного языка второй половины XVIII в. В записках чередуются нейтральные, книжные и разговорные грамматические формы, господствуют предложения сложной синтаксической структуры, большие по размеру предложения.

Грамматика записок, как и лексика, отличается богатством и разнообразием. Путешественники максимально использовали грамматические ресурсы русского литературного языка своего времени. В записках широко представлены синонимические формы и конструкции, например форма глагола прошедшего времени и историческое настоящее, придаточное определительное и причастный оборот, придаточное обстоятельственное и деепричастный оборот и т.п.

Основу грамматического инвентаря записок образуют широко употребительные в литературной речи того периода грамматические формы и синтаксические конструкции. Путешественники исключают формы и синтаксические конструкции, которые могли бы затруднить понимание текста. Так, в записках отсутствуют запу-

танные синтаксические конструкции, широко используемые в других научных жанрах.

Экспрессивные грамматические формы и конструкции (например, элитив, историческое настоящее, восклицательное предложение, риторический вопрос и др.) служат средством создания выразительности речи.

Записки написаны преимущественно средним стилем, поэтому в них, наряду с нейтральными, использованы книжные и разговорные средства лексики и грамматики.

К книжным средствам лексики относятся славянизмы (паки, воспящать, десница и др.), канцеляризмы (вышеупомянутый, по причине, в рассуждении и др.). Книжные средства грамматики представлены краткими формами прилагательных (тих, чист, здоров и др.), формами прилагательных на -ейший, -ай, -ший (главнейшее, надежнейшего и др.), составными именными сказуемыми, включающими в свой состав связки **есть, суть, казаться, быть, надеяться быть, мниться быть**, атрибутивными словосочетаниями с препозицией существительного, постановкой глагола-сказуемого на конце предложения.

Разговорные средства лексики включают просторечные слова (головорез, напихать и др.), народно-разговорная, фразеологизмы (греть руки, по уши в грязи и др.). К разговорным средствам грамматики относятся формы родительного падежа, существительных мужского р. с окончанием – у- (без разбору, лесу и др.), сравнительная степень прилагательного и наречия на -яе (сильные, скоряе и др.), глаголы многократного действия, включающие в морфемный состав суффикс -ыва- (заганивать, вываживать), деепричастия на -учи (пасучись, идучи).

Записки путешественников относятся к научно-популярной литературе.

Своеобразие жанра ученого путешествия состоит в том, что в нем использованы элементы нескольких разновидностей литературного языка второй половины XVIII в., а именно: языка науки, языка публицистики, языка художественной литературы, что обусловлено полифункциональностью записок.

Жанр выполняет три функции. Основная функция состоит в передаче новой научной информации (что характерно для «чисто» научных произведений). Вторая функция заключается в популяри-

зации научных знаний (что характерно для научно-популярной литературы). Третья функция – воздействие на сознание читателей, чтобы вызвать у них определенное отношение к тем или иным фактам, явлениям (что было характерно для публицистической литературы, например журналов Новикова).

В отличие от художественного путешествия, в котором главным предметом интереса был сам путешественник, его чувства, переживания, в ученом путешествии главным объектом наблюдения и изучения был внешний мир.

В записках описаны разнообразные предметы: растительный и животный мир, минералы, рельеф, промышленность, промыслы, ремесла и т.д. Разнообразие предметов описания обусловило и разнообразие языковых пластов, разнообразие лексико-тематических групп.

При описании растений и животных, минералов, рельефов местности широко используются научные термины. Основной терминологический пласт составляют термины, почерпнутые из народных терминосистем. Среди терминов иноязычного происхождения самую большую группу составляют латинизмы.

В записках широко представлены термины-дублиеты (естество, природа, натура), наличие которых было характерно для терминосистемы XVIII в., находившейся в стадии формирования. Ученые-путешественники ввели в научный оборот большое количество новых терминов, чтобы преодолеть терминологическую недостаточность, затрудняющую научное общение. Среди введенных терминов значительную часть составляют термины ботаники (сосуд, змеявая трава и др.), зоологии (чекан, плешанка, чеграва, двурогий, крестовик и др.), географии (волок, карша, старица и др.).

При описании ремесел, промыслов, производств, охоты ученые-путешественники употребляют производственные термины, многие из которых именно в записках получили первую письменную фиксацию. Из записок они попали в толковые и терминологические словари и вошли в состав лексической системы литературного языка.

Описывая особенности материальной и духовной жизни народа, путешественники используют диалектную и экзотическую лексику. В записках используются диалектизмы этнографические

и собственно лексические. Авторы раскрывают внутреннюю форму многих диалектизмов.

В записках использованы все основные типы речи (описание, повествование, рассуждение). Путешественники описывают животных, растения, промыслы и проч. При описании преобладают предметно-конкретные существительные, прилагательные, среди которых большую долю составляют цветковые прилагательные, формы глагола настоящего времени, выражающие длительный процесс или же процесс, не ограниченный во времени, составные именные сказуемые, выраженные нулевой связкой и прилагательным (полным или кратким).

Авторы записок повествуют о маршруте путешествия, о дорожных происшествиях и проч. Для отрывков повествовательного типа характерен большой удельный вес глаголов (среди которых значительную долю составляют глаголы движения, создающие динамизм речи) и простых глагольных сказуемых.

Для рассуждения характерно наличие вводных слов, помогающих установить смысловые взаимоотношения между частями высказывания, вопросов, на которые отвечает сам автор, что способствует созданию отчетливой композиции изложения.

Записки были и рассчитаны не только на специалистов, но и на широкий круг образованных читателей, поэтому путешественники заботятся о ясности и простоте изложения. Они используют преимущественно общеупотребительные слова. Слова, которые могли быть непонятны читателям, в записках объясняются. Специальному толкованию подвергнуты многие научные и производственные термины, диалектизмы, иноязычные слова (прежде всего экзотизмы). Авторы применяют несколько приемов объяснения значения слова. К ним относятся: отождествление малопонятного слова с общеупотребительным, толкование, сравнение предметов по сходству и различию (предмет, обозначенный непонятным словом, сравнивается с предметом, известным читателю), иллюстрирование (в книге помещается рисунок предмета), объяснение внутренней формы слова, описание предмета (это самый распространенный прием).

Далее отмечается, что путешественники употребляют только те славянизмы, которые были широко распространены в литературном языке XVIII в. и, следовательно, понятны читателям.

Удельный вес славянизмов в записках путешественников значительно меньше, чем в произведениях других научных жанров, даже если эти произведения написаны теми же авторами. Например, в переводе труда Бюффона, выполненного Лепехиным в самом конце XVIII в., удельный вес славянизмов намного больше, чем в его «Дневных записках».

Авторы записок не ограничиваются сухим изложением фактов, как это характерно для «чисто» научных произведений. Они стремятся привлечь внимание читателя, заинтересовать его.

В записках широко используются средства создания выразительности речи – лексические и грамматические.

Приемы популяризации, приемы оживления речи, использованные авторами записок, прочно вошли в арсенал научно-популярной литературы.

Е.А. Казак

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ОТДЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ

2020.01.003. БОНДАРЧУК Г.Г., ЯРОЦКАЯ Л.В., ШЕВЕЛЕВА Е.О. АНАЛОГИЯ В ЯЗЫКЕ: Теория и образовательная практика. – М.: Триумф, 2018. – 162 с.

Ключевые слова: аналогия; словообразование; конвенциональность; креативность; фразеологизм.

Монография посвящена лингвистическому и лингводидактическому анализу аналогии как одного из основных принципов развития языка.

Книга состоит из введения, шести глав и заключения.

Во введении авторы отмечают, что вопросы аналогии привлекали внимание ученых в античной теории языка, в работах младограмматиков и в исследованиях структуралистов первой половины XX в. В настоящий момент ведутся разработки «интенциональных теорий аналогии» [с. 4], в которых определяющую роль играет процесс освоения языка и его использование. В этом смысле научный интерес представляют исследования, посвященные изучению аналогии в детской речи и речи обучающихся.

В главе первой «Сущность аналогии и ее значение для развития и функционирования языка» подчеркивается, что понятие аналогии представляет интерес для различных наук. Это обусловлено тем, что изучение аналогии нередко заменяло систематическое наблюдение и эксперимент. В современной науке аналогия изучается с позиций когнитивной лингвистики на материале единиц разного уровня и на примере разнообразных языковых явлений. Так, интерференция двух языков может рассматриваться как

перенос образца произношения одного языка на речевую деятельность, осуществляемую уже на ином языке.

Аналогия, по мнению авторского коллектива, двойственна и противоречива, что обуславливается двумя противоположными тенденциями: 1) тенденцией к конвенциональности, регулярности; 2) тенденцией к креативности. В первом случае аналогия выступает как «консервирующее и консервативное, организующее и упорядочивающее начало» [с. 11], а во втором случае как «преобразующее начало» [с. 12]. Авторы книги полагают, что «аналогия базируется на экономии языковых средств и на ассоциативном мышлении» [с. 14].

Глава вторая «Из истории изучения аналогии» посвящена анализу аналогии с позиций античной филологии. Подчеркивается, что при нормировании греческой и латинской литературной речи и введении единого стандарта языка использовалась аналогия. Одновременно отмечается и тот факт, что учитывались и речевые употребления. В учении младограмматиков об аналогии авторы книги отмечают роль отклонений от нормы, которые со временем приводят к постепенному превращению индивидуального и мгновенного в общее и узусное. Иными словами, авторы монографии делают вывод о том, что в античной философии изучались регулярные языковые явления, осуществляемые по определенному образцу, в то время как младограмматики исследовали отклоняющиеся формы. Аналогия в работах структуралистов XX в. рассматривалась преимущественно применительно к грамматической аналогии, а также применительно к словообразованию и словоизменению.

В главе третьей «Аналогия в лингвистике второй половины XX века» затрагиваются два подхода к изучению понятия аналогии – с позиции традиционных научных взглядов, описанных в предыдущих главах, и с позиции современных исследовательских практик, которые позволяют рассматривать аналогию и как процесс оптимизации грамматической структуры и как феномен, позволяющий разрабатывать интеракциональные теории. При традиционном подходе выделяется «пропорциональная и непропорциональная аналогия» [с. 45]. Ее пропорциональность определяется уравнением $A : B = C : X$, где «между членами уравнения прослеживаются ассоциативные связи (associated links)» [с. 45], например: nose: noses = eye: x. где $x = eyes$ [с. 45]. Анализ непропорциональной

аналогии представляет на сегодняшний день лингвистическую проблему. В издании отмечается, что зарубежные исследователи выступают за рассмотрение аналогии как процесса оптимизации грамматической структуры [с. 49], в том числе, например, адаптацию, объединяющую в английском языке регулярную суффиксацию с помощью суффикса *-ed* [с. 50]: *sclerosed* «склеротичный», *cirrrosed* «циррозный», *jaundiced* «желчный». По мнению ученых, оптимизационный подход позволяет объяснить следующие свойства пропорций: способность устанавливать связь между базовыми и второстепенными формами, взаимодействовать друг с другом, представлять признаки; предполагать морфологический анализ слов. В результате появляется возможность говорить о пяти параметрах оптимизации грамматической структуры, в том числе о «соответствии системе, единообразии флективных классов, единообразии кодирования, прозрачности: морфология должна быть композиционно недвусмысленной» [с. 54] а также обладать, «иконочностью построения» [там же].

В отечественном языкознании аналогия рассматривалась преимущественно как фактор морфологических преобразований. Позднее появились труды, посвященные действию аналогии в словообразовании. В книге подчеркивается, что действие аналогии особенно заметно при систематическом усвоении форм флексий чужого языка. Дети также склонны говорить по предложенным образцам с опорой на регулярные типы слово- и формообразования. Так, дети (при освоении языка) и обучающиеся (при освоении глагольных форм английского языка) по образцу употребляют *goed, seed, knowed, buyed, bringed* вместо *went* «шел», *saw* видел», *knew* «знал», *bought* «купил», *brought* «принес». В монографии приводятся иллюстративные примеры, выстроенные по аналогии: *ageist* «сторонник дискриминации по возрасту» по аналогии со словами *racist* «расист» и *sexist* «сторонник дискриминации по полу».

В главе четвертой «Новые исследования в области аналогии языка» освещаются вопросы аналогии, возникающие в сфере фразеологии, и рассматривается проблема моделируемости фразеологизмов. В качестве иллюстрации приводится американский фразеологизм *hog in togs* «свинья в цилиндре» (о разодетом лодыре), образованный на базе идиомы *hog in armour* «свинья в латах / рыцарских доспехах». Подобные фразеологизмы рассматриваются в

качестве неологизмов, которые пополняют фразеологический фонд английского языка. При этом речь идет о неологизмах различного характера – от собственно идиом до устойчивых фразеологических комплексов, что подтверждает наличие качественных сдвигов во фразеологических системах, в основе которых лежит их способность выступать в качестве моделей и образцов. В монографии приводятся примеры фразеологических новообразований – окказиональных и кодифицированных, содержащих компонент *revolution* и одновременно обозначение какого-либо цвета или растения, например «*orange / rose / tulip revolution*, что в переводе означает «цветная революция». По мнению авторов, приведенные выше словосочетания возникли по аналогии с фразеологическим единством *velvet revolution* «бархатная революция», используемым по отношению к событиям, происходившим в Восточной Европе в начале 1990-х годов XX в.

Глава пятая «Исследование действия аналогии в категории английских наименований одежды» авторы приводят пример с наименованием *T-dress*, возникшим по аналогии с *T-shirt* «майка без воротника с короткими рукавами или без рукавов, сходная по форме с буквой Т». *T-dress* означает «удлиненную майку такого фасона, которую можно носить как платье».

В книге также подчеркивается возрастание роли словообразования на синтаксической основе. Подобные слова отличаются высокой степенью семантической прозрачности, что позволяет их легко понять, если знать хотя бы одно слово данного ряда, образованного по аналогии: *safari-suit* ««одежда для сафари», *safari-shirt* «майка для сафари», *safari-hat* «головной убор для сафари», *safari-jacket* «куртка для сафари», *safari-boot* «обувь для сафари». Из приведенных выше примеров можно вывести «общую схему их дефиниции и при необходимости восстановить синтаксическую конструкцию любого из этих аналогических наименований» [с. 96]: в данном случае речь идет об одежде, которую носят или принято носить во время сафари. Далее приводятся примеры, не обладающие такой прозрачной семантической структурой, и по этой причине требующие глубоких знаний языка и культуры, а также применения различных стратегий распознавания и интерпретации сложных слов, образованных по аналогии. Прежде всего, это касается сложных слов, в расшифровке которых лежат разные

схемы дефиниции: если *workwear* – это родовое название одежды для работы, то *jeanswear* является в настоящее время родовым наименованием для всех видов джинсовой одежды, хотя несколько лет назад оно означало только джинсы всех моделей.

В главе шестой «Аналогия в образовательной практике» приводятся сценарии проведения занятий с учетом специфики языковых явлений, образованных по аналогии.

В заключение подчеркивается необходимость дальнейшего изучения аналогии, в том числе словообразовательной, на примере которой «можно усмотреть одно из проявлений сложной взаимосвязи языка и мышления, тесного переплетения концептуальной и языковой картины мира» [с. 146].

И.А. Гусейнова

2020.01.004. ВИНОГРАДОВ В.А. СТАТЬИ ПО ОБЩЕМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ, КОМПАРАТИВИСТИКЕ, ТИПОЛОГИИ / сост. и ред. Красухин К.Г. – 2-е изд-е. – М.: Изд. Дом ЯСК, 2019. – 544 с. – (Studia philologica).

Ключевые слова: общее языкознание; африканистика; фонология; компаративистика; социолингвистика.

Виктор Алексеевич Виноградов – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН¹, специалист в области общего языкознания, фонологии, в африканистике и социолингвистике.

В сборнике опубликованы работы известного российского лингвиста Виктора Алексеевича Виноградова (1939–2016) по теории фонологических систем, сингармонизму, принципам реконструкции праязыка, контактными явлениям в языке, когнитивной лингвистике и языковым концептам (начиная с автореферата его кандидатской диссертации «Сингармонизм и фонология слова»

¹ Автор работ: Лингвистика и обучение языку. – М., 2003. – 370 с.; Исследования по грамматике африканских языков. – 2-е изд. – М., 2011. – 314 с.; (в соавт. с Коваль А.И., Порхомовским В.Я.): Социолингвистическая типология: Западная Африка. – М., 1984. – 128 с.; (в соавт. с Коваль А.И., Порхомовским В.Я.): Социолингвистическая типология: Язык и общество; Типология коммуникативных сред; Генерализация коммуникативных сред. – Изд. 2-е, испр., доп. – М., 2008. – 126 с; изд. 3-е, стереотип. – 2009; и др.

1966 г. и заканчивая статьей «Некоторые вопросы изучения языковых заимствований» 2015 г.). Статьи расположены в строго хронологическом порядке, чтобы показать сферы интересов ученого в различные периоды его научной жизни.

В предисловии, написанном К.Г. Красухиным, приводятся основные данные биографии В.А. Виноградова, в частности отмечается, что его интерес к лингвистике сформировался во многом под влиянием языкового многообразия Закарпатской Украины, которая является своего рода «лингвистическим заповедником» [с. 7], где помимо русинских диалектов украинского языка, используются венгерский, румынский, немецкий, албанский и греческий языки. В.А. Виноградов закончил филологический факультет Ужгородского университета, работал в Институте языкознания РАН под руководством А.А. Реформатского, где «на всю жизнь стал адептом Московской фонологической школы (МФШ). Строгость ее методов он переносил и на другие уровни языка, которыми занимался, – морфологию и синтаксис, а также на проблемы социолингвистики, а в конце жизни – и на концептуальный анализ» [с. 8]. Как уточняется в послесловии (автор – А. Кибрик) к настоящему сборнику, для В.А. Виноградова был характерен интердисциплинарный подход к разрабатываемым проблемам.

В.А. Виноградов много занимался африканскими языками, сочетая эти исследования с работами по общему языкознанию, компаративистике и социолингвистике: в начале 80-х годов XX в. он с коллегами теоретически обосновал и практически воплотил унифицированную типологически ориентированную схему описания языков мира. Впоследствии это дало начало многотомному энциклопедическому изданию «Языки мира».

Н.Н. Трошина

2020.01.005. **ПАДУЧЕВА Е.В.** ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА. – М.: Издат. Дом ЯСК, 2018. – 440 с. – (Studia philologica).

Ключевые слова: эгоцентризм; субъективность в языке.

Падучева Елена Викторовна – доктор филологических наук, профессор, иностранный член Американской академии наук и искусств, член Европейской академии.

Монография состоит из предисловия, 16 глав и заключения.

Работа посвящена субъективности в языке, а именно, словам и категориям с подразумеваемым (а также эксплицитным) говорящим. В основном – с подразумеваемым говорящим. Дается определение понятия говорящего. Определены различия между говорящим и наблюдателем. Рассмотрена роль говорящего и наблюдателя в семантике слов, модальных показателей, в семантике времени и вида, в конструкциях с генитивным субъектом в семантике эвиденциальных показателей, в глаголах с эгоцентрической семантикой типа *оказаться*, в семантике дискурсивных слов типа *пожалуй*, в семантике союзов *а* и *но*, в семантике частиц и временных оборотов.

В исследовании отмечается, что сфера субъективного в языке богата и многообразна. Работа питается идеями Э. Бенвениста и Р. Якобсона, а также продолжает исследования, начатые в публикациях Е. Падучевой, подводя некоторые итоги.

В книге определено понятие эгоцентрическая единица языка (эгоцентрик) – это слово, грамматическая категория, синтаксическая конструкция, семантика которой подразумевает, в качестве одного из участников описываемой ситуации, говорящего.

Определено понятие режима интерпретации эгоцентрических единиц – различается диалогической, иначе – речевой, режим, который требует канонической коммуникативной ситуации, и нарративный режим, который не предполагает коммуникативной ситуации с полноценным говорящим. Большое внимание уделяется также гипотаксическому режиму (гипотаксическому контексту), который ограничивает возможности говорящего.

Определено понятие гипотаксической и нарративной проекции, которое объясняет системные изменения, касающиеся исполнителя роли говорящего. Так, в высказывании *Зина сказала, что Иван едва ли придет* роль говорящего, предсказанную семантикой *едва ли*, выполняет не говорящее лицо, а Зина – имеет место гипотаксическая проекция; говорящий пропадает.

Далее в монографии разграничены первичные и вторичные эгоцентрики – на этом разграничении базируется понятие проекции: оно определено только для вторичных эгоцентриков. Первичные и вторичные эгоцентрики играют роль в определении основных повествовательных форм – традиционном нарративе допустимы только вторичные эгоцентрики; первичные эгоцентри-

ки в распоряжении персонажа маркируют повествование как свободный косвенный дискурс.

Определено понятие наблюдателя – это имплицитный говорящий, удовлетворяющий определенным условиям: наблюдатель – это вторичный эгоцентрик с семантической ролью субъекта восприятия (наблюдения).

Центральными в проделанном исследовании являются фигуры говорящего и наблюдателя. Оказалось необходимым расщепление понятия говорящего. Выяснилось, что термин «говорящий» употребляется в лингвистической семантике в двух разных смыслах: он может обозначать говорящее лицо в канонической коммуникативной ситуации, а может обозначать роль. Во втором случае говорящий – это участник ситуации, охарактеризованный своей ролью в акте коммуникации: ролью говорящего. Например, в значении частицы *едва ли* входит участник с коммуникативной ролью говорящего; его семантическая роль – субъект сомнения. Эта роль может выполняться говорящим лицом, как в высказывании *Иван едва ли придет*, сделанном в конкретной коммуникативной ситуации, но может выполняться с другим лицом – в случае гипотаксической или нарративной проекции. В нарративе отсутствует говорящее лицо; роль говорящего не исключена, но исполняется другим лицом – повествователем или персонажем.

Другое важное обстоятельство, которое выяснилось в ходе исследования, касается наблюдателя. В большинстве контекстов наблюдатель – это имплицитный (т.е. не выраженный местоимением *я*) говорящий. Однако не во всех. В контексте глагола *выглядеть* возникает фигура стороннего наблюдателя, который взирает на говорящего со стороны. Так, спрашивая *Как я выгляжу?*, человек не имеет в виду узнать, как он выглядит в собственных глазах.

Далее автор отмечает, что масса проблем, касающихся говорящего и наблюдателя, связана с движением времени (метафорическим). Не исключено, что проблему можно свести к анализу отдельных лексем (типа *наступить* как в *наступила суббота; предстоять* и др.). Но пока вопрос остается открытым.

За пределами рассмотрения осталась экспрессивная и стилистически окрашенная лексика. Между тем она в высокой степени эгоцентрична.

2020.01.006. СЕМАНТИКА КОННЕКТОРОВ: КОНТРАСТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ / под науч. ред. Иньковой О.Ю. – М.: ТОРУС-ПРЕСС, 2018. – 396 с.

Ключевые слова: коннекторы; лингвоспецифичность; функциональная семантика; количественный анализ; иллокутивная неоднородность; А; ВОООБЩЕ; ЕСЛИ; КАК; ТАКЖЕ; ХОТЯ; SINON.

Коллективная монография посвящена описанию лингвоспецифичности семантики коннекторов, или языковых единиц, выполняющих связующую функцию. По определению А.А. Зализняк¹, лингвоспецифичными называются языковые единицы, заключающие в себе уникальную концептуальную конфигурацию, которая во всей своей полноте не представлена ни в одной языковой единице в сопоставляемом языке. Описание семи коннекторов (А, ВОООБЩЕ, ЕСЛИ, КАК, ТАКЖЕ, ХОТЯ, SINON) выполнено с опорой на результаты семантического, корпусного и статистического анализа моделей перевода.

Монография состоит из предисловия, методологической главы, семи глав, в которых выполнено описание семи коннекторов, и приложения.

В предисловии О.Ю. Инькова обосновывает лингвоспецифичный характер коннекторов тем, что: 1) один и тот же коннектор может выражать разные логико-семантические отношения в разных контекстах; 2) коннекторы могут устанавливать одно и то же отношение на разных семантических уровнях (пропозициональном, иллокутивном, метатекстовом). Для решения проблем описания таких единиц авторами создана надкорпусная база данных² коннекторов как надстройка над параллельным корпусом Национального корпуса русского языка, которая позволяет проводить аннотирование речевых реализаций коннекторов путем: 1) объе-

¹ Зализняк Анна А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам Междунар. конф. Диалог'2015. – М., 2015. – С. 651–662.

² Кружков М.Г. Информационные ресурсы контрастивных лингвистических исследований: Электрон. корпуса текстов // Системы и средства информатики. – М., 2015. – Т. 25, № 2. – С. 140–159.

динения коннекторов в состав семантических кластеров; в результате устанавливается основная форма и варианты коннектора; 2) приписывания речевым реализациям коннекторов признаков шести классов: Отношения, Структура, Позиция, Порядок, Статус и Расположение; это позволяет описать отношения между исходным и переводным вариантами функционально эквивалентного фрагмента (ФЭФ); 3) определения признаков самой моноэквивалентности¹ в ситуации сближения ФЭФ текста языка оригинала и перевода.

В главе первой «Лингвоспецифичность коннекторов: Методы и параметры описания» О.Ю. Инькова предлагает решать проблему описания лингвоспецифичности коннекторов с учетом функционально-семантических критериев. Коннекторы определяются как единицы, относящиеся к функциональному классу недескриптивных языковых единиц, чья функция состоит в том, чтобы сигнализировать, что между двумя связываемыми ими фрагментами текста существует некоторое логико-семантическое отношение. При этом в зависимости от смыслового содержания соединяемых ими фрагментов текста они могут выражать разные отношения или устанавливать одно отношение, но на разных семантических уровнях (пропозициональном уровне, уровне высказывания, металингвистическом уровне).

Предлагается выделять шесть типов коннекторов.

Например, тип I (отношение R, выражаемое коннектором K_A в языке A, выражается в языке B языковой единицей U_B , не принадлежащей к функциональному классу коннекторов) иллюстрируется двумя ФЭФ, где отношение сопутствования выражается в русском языке коннектором ПРИ ЭТОМ, а во французском – деепричастным оборотом *добавляя* (*en ayant soin d'ajouter*): *Маруся дарила сестре платья и кофты. При этом говорилось: – Синюю кофту бери, а зеленую я еще поношу...* (Сергей Довлатов. Иностранка) и *Maroussia donnait à sa cousine ses robes et ses blouses en ayant soin d'ajouter: «Prends la blouse bleue, la verte je la porterai encore un peu...»* (Trad. Par Jacques Michaut-Paterno).

¹ Используется термин «моноэквивалентность» как случай эквивалентности один к одному (одного коннектора другому в языке перевода). – *Прим. реф.*

Для определения степени лингвоспецифичности коннекторов далее применяется количественный анализ, в основу которого положен ряд параметров: при переводе с русского языка – наличие большого количества ФЭФ, доля дивергентных ФЭФ, нулевой ФЭФ (слово остается без перевода); при реверсивном переводе на русский язык – большое количество СП¹, доля дивергентных СП, нулевой СП. Проведенное количественное исследование позволяет определить, к какому типу коннекторов относятся анализируемые единицы при анализе моноэквивалентных пар и моделей перевода (в том числе нулевых и дивергентных моделей).

В главе второй «Союз А» А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян исследуют лингвоспецифичность данного коннектора с опорой на надкорпусную базу французского подкорпуса НКРЯ и классификацию логико-семантических отношений между коннекторами². Выявляются три структурно-коммуникативных типа предложений с участием коннектора А: Тип 1 (двумерное сопоставление), например, контрастное сопоставление в *Маша умная, а Катя глупая, Там летом жарко, а зимой холодно*, и нейтральное сопоставление в *Маша рисует, а Катя поет, Летом мы катаемся на велосипеде, а зимой – на лыжах*; Тип 2 (одномерное сопоставление), например, в значении несоответствия в *Идет дождь, а у Коли нет зонта, Дело к весне, а мороз все жестче, Мужчина, а плачет*, и в аддитивном значении в *Посреди комнаты стоял стол, а на стене висела картина*; Тип 3 (анафорическое сопоставление), например, при реализации значения несоответствия в *Рыбак ловит рыбку, а она не клюет*, и значения аддитивности в *За деревней было поле, а за полем начинался лес*. Наиболее частотным переводным эквивалентом А является союз *et*, используемый, например, в значениях: 1) нейтрального сопоставления в *У него рыжая лошадь, а у меня ворона*. (И.А. Гончаров. *Обломов*) и *Il a un cheval roux, et moi, j'en ai un torgéau*. (Trad. Par Luba Jurgenson); 2) ассимилирующего сопоставления в *Лицо у него было окровавлено, а из глаз текли слезы*. (М.А. Булгаков. *Белая гвардия*) и *Son visage était ensanglanté et*

¹ СП – стимулов перевода, т.е. тех языковых единиц оригинала, «реакцией» на употребление которых является употребление русской языковой единицы. – *Прим. реф.*

² Inkova O. Le relazioni logico-semantiche tra gli enunciati: Una proposta di classificazione // *Studi di linguistic slava*. – Napoli, 2017. – P. 105–124.

des larmes coulaient de ses yeux. (Trad. par Claude Ligny); 3) контрастного сопоставления в *В Афганистане, между прочим, льется кровь, а здесь рекой течет шампанское!..* (С.Д. Довлатов. Иностранка) и *En Afghanistan par exemple, pendant ce temps-là le sang coule, et icic'est le champagne qui coule à flots!..* (Trad. Par Jacques Michaut-Paternò) и др. Модель перевода ZERO (отсутствие какого-либо средства передачи значения) реализуется: 1) при нейтральном сопоставлении, например, в *Обломов с упреком поглядел на него, покачал головой и вздохнул, а Захар равнодушно поглядел в окно и тоже вздохнул.* (И.А. Гончаров. Обломов) и *Oblotov le regarda avec reproche, hocha la tête, puis laissa échapper un soupir. Zakhar regarda par la fenêtre avec indifférence et poussa un soupir, lui aussi.* (Trad. par Luba Jurgenson); 2) при контрастном сопоставлении в *Ты жесток, а тот жестоким не был.* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита) и *Tuescruel, lui n'était pas.* (Trad. par Claude Ligny); 3) в значении аддитивности в *Будто бы шел Петька по зеленому большому лугу, а на этом лугу лежал сверкающий алмазный шар, больше Петьки.* (М.А. Булгаков. Белая гвардия) и *Petia marchait dans une grande prairie verte, dans laquelle se trouvait une grosse boule étincelante comme du diamant, plus grosse que Petia.* (Trad. par Claude Ligny) и др. На основании проведенного анализа и полученных количественных данных авторы утверждают наличие высокой степени лингвоспецифичности русскоязычного коннектора А.

В главе третьей «ВООБЩЕ» О.Ю. Инькова определяет тип и меру лингвоспецифичности данного коннектора в парах языков «русский – французский» и «русский – итальянский». В качестве основного логико-семантического отношения рассматривается генерализация в следующих видах: 1) индуктивная в *Маша, ты спишь? Ты слышишь, как мама с тобой говорит. Мама любит тебя. Папа любит тебя, вообще все в семье любят тебя;* 2) обосновывающая в *Действительно, содержательно понятие актанта, вообще говоря, призвано моделировать именно нетривиальную сочетаемость. Поэтому в каких-то сложных случаях этот критерий действительно помогает.* (В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. Парадоксы валентностей); 3) интенциональная и экстенциональная в *Вообще говоря, солнечные вспышки и солнечные факелы – это два разных явления, хотя и близкой природы.* (Михаил Вартбург.

Солнечный факел. «Знание-сила») и *Понимаю, что мои оценки Козырева, наверное, грешат субъективизмом. Как и вся эта книга вообще. Таков уж жанр.* (Александр Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства). Для каждого из видов генерализации автор анализирует значительное количество моделей перевода, учитывая трансформации вида и наличие нулевых ФЭС. В целом демонстрируется распределение частотности употребления **ВООБЩЕ** для выражения интенциональной и экстенциональной генерализации, в то же время наблюдается полное отсутствие дивергентных переводов, что вместе свидетельствует о среднем лингвоспецифичном статусе рассматриваемой единицы.

В главе четвертой «ЕСЛИ, ЕСЛИ... ТО, ЕСЛИ... ТАК» А. Егорова рассматривает особенности семантики одноместного коннектора ЕСЛИ в сопоставлении с двухместными коннекторами ЕСЛИ... ТО и ЕСЛИ... ТАК. Устанавливается, что для коннекторов ЕСЛИ и ЕСЛИ... ТАК единственным типом выражаемых логико-семантических отношений является отношение условности, например, в *Если машины участвовали в киносъёмках, хозяин сопровождал их.* (С.Д. Довлатов. Чемодан) и – *А! Если ты меняешь меня на немца, – сказал он, – так я к тебе больше ни ногой.* (И.А. Гончаров. Обломов). В то же время для ЕСЛИ... ТО есть дополнительное значение сопоставления, например, в *Если первая половина жизни Роберта Викторовича проходила в крупных и шальных географических бросках из России во Францию, потом в Америку, на Балканы, в Алжир, снова во Францию и, наконец, опять в Россию, то вторая половина, отбитая лагерем и ссылкой, проходила в мелких перебежках: Александров, Калинин, Пушкино, Лианозово.* (Л.Е. Улицкая. Сонечка). При анализе моделей перевода были разграничены временные, противительные, уступительные, причинно-следственные и другие варианты условных и сопоставительных отношений. Автор определяет, что коннекторы ЕСЛИ, ЕСЛИ... ТО, ЕСЛИ... ТАК лингвоспецифичны по относительно высокому числу моделей перевода, однако процент нулевых и дивергентных ФЭФ невелик, при этом самый частотный вариант перевода – одноместный коннектор *si*. Все перечисленное дает автору возможность утверждать наличие невысокой степени

лингвоспецифичности рассматриваемых коннекторов в русском и французском языках.

В главе пятой «КАК И ЕГО ДВУХМЕСТНЫЕ ВАРИАНТЫ» И.М. Кобозева и О.Ю. Инькова описывают ряд сравнительных и выделительно-ограничительных конструкций с участием коннектора КАК, а также конструкций Не прошло и NP, как S (*Не прошло и дня, как работа была уже закончена*), не + VP'начать / кончить', как S (*Он еще не кончил объяснять, как все принялись за дело*), стоило / достаточно VP_{inf}, как S (*Стоило нам только начать, как все пошло как по нотам*) и др. Далее выявляются виды отношений, выражаемых КАК, например, собственно изъяснительное, присоединительное, сравнительное, временное и др. При анализе статистических данных моделей перевода в парах «русский – французский» и «русский – итальянский» языки обнаруживается, что одноместный КАК имеет невысокие значения показателей лингвоспецифичности, так как в наиболее частотном сравнительном значении он совпадает со своими эквивалентами в этих двух языках (фр. *comme* и ит. *come*), например, в *Мы шли, как ходят по льду / On marchait comme on marche sur la glace / Camminavo come si cammina sul ghiaccio* Наличие дивергентных моделей перевода обусловлено использованием оборотов быть *похожим / походить на* (ит. *sembra*); наличие нулевых эквивалентов прослеживается в изъяснительных и сравнительных употреблениях. Наибольшей степенью лингвоспецифичности обладают двухместные КАК... ТАК и КАК... ТАК И, что связано с их полисемичностью, а также с тем, что в некоторых из своих значений (результативной и временной аналогии, временного значения) эти коннекторы не имеют системных эквивалентов в сопоставляемых языках.

В главе шестой «ТАКЖЕ» Н.А. Попкова устанавливает ряд семантических отношений коннектора ТАКЖЕ через функционально-семантические параметры его компонента ЖЕ, а именно, параметры тождества референтов (*Она была в том же платье, что и вчера*), тождества образа действия (*Она живет так же, как ее сестра: обеспеченно*), тождества степеней признаков или количества (*Он шел так же быстро, как и его спутник; Петя ест столько же, сколько Вася*). При анализе лингвоспецифичности ТАКЖЕ в русско-французских соответствиях обнаружено, что данное слово (без дифференциации функций) отличается большим

числом дивергентных переводов (помимо *aussi* «это» *également, de la même manière, ainsi que, avant tout* и др.) присутствуют и нулевые ФЭФ, что свидетельствует о высокой степени лингвоспецифичности.

В главе седьмой «ХОТЯ» В.А. Нуриева и главе восьмой «ФРАНЦУЗСКИЙ КОННЕКТОР SINON» Н. Бунтман и О.Ю. Иньковой выполнен анализ указанных коннекторов по разработанной методике. В пользу средней лингвоспецифичности ХОТЯ свидетельствуют данные францужско-русского подкорпуса НКРЯ, а именно, наличие переводных моделей *bienque, quoique, mais, alorsque, (et) pourtant, (et) cependant* и др.; при этом число случаев перевода нулевым эквивалентом и не коннектором ХОТЯ сравнительно небольшое. В исследовании Н. Бунтман и О.Ю. Иньковой описываются функциональные свойства фр. SINON, выявляются стимулы его перевода в русском языке (например, *иначе, а иначе, а то, или, если не, ведь иначе* и др.) и устанавливаются отличия в их функционировании и функционировании SINON на основе четырех его значений (отрицательной альтернативы, гипотетической альтернативы, исключения, комплементарности).

В целом, предложенная в коллективной монографии технология анализа, сочетающая контрастивный и количественный методы, позволяет выявить в функционировании коннекторов те особенности, которые, как правило, остаются незамеченными при моноязычном описании, но, в то же время, представляют интерес для теоретической грамматики, лексической типологии, теории и практики перевода и сопоставительного изучения языков.

М. Киосе

2020.01.007. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И МЕТАЯЗЫКА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК // Образы языка и зигзаги дискурса: Сб. науч. статей к 70-летию В.З. Демьянкова / отв. ред. Фещенко В.В.; ред. колл.: Зыкова И.В., Соколова О.В., Тарасова М.А. – М.: Культурная революция, 2018. – С. 14–155. – Режим доступа: https://iling-ran.ru/library/stepanovcenter/obrazy_jazyka_demyankov.pdf (Дата обращения: 22.09.2019 г.)

Ключевые слова: парадигмы лингвистики; функциональная лингвистика; полипарадигмальность; межпарадигмальные переходы; смысловые модификации при трансферизации знания; мета-

языковая рефлексия; конвертируемость терминов; специализация терминов; лингвоэстетический поворот; постмодернистский текст; смыслообразование.

В данном разделе сборника обсуждается проблема трансформации лингвистических парадигм и обслуживающего их метаязыка современной лингвистической науки в контексте глобального знания. Демонстрируются возможности межпарадигмальных переходов научного знания в условиях лингвистического поворота современной метанауки.

В статье «Парадигмы лингвистики XIX–XXI вв.» В.М. Алпатов исследует пути развития лингвистического знания в условиях смены научных парадигм со структурной на функциональную. В числе трех основных парадигм XIX в. автор называет: 1) философскую парадигму В. фон Гумбольдта (развиваемую впоследствии Х. Штейнталем, А.А. Потемной, К. Фосслером и их школами); 2) эмпирическую сравнительно-историческую парадигму Ф. Боппа, Р. Раска, А. Шлейхера и др.; 3) эмпирико-индуктивную историко-филологическую парадигму. В XX в. три перечисленные парадигмы сохраняют свое значение и совершенствуют свою методологию (например, сравнительно-историческое языкознание обогатилось методами внутренней реконструкции и глоттохронологии). При этом значимо появление новой структурной парадигмы (связанной с работами Ф. де Соссюра), которая, с одной стороны, расширила лингвистическую проблематику за счет включения синхронных исследований (однако, значим и факт признания необязательного характера диахронической перспективы при проведении лингвистического анализа). С другой стороны, новая структурная парадигма сузила лингвистическую проблематику путем утверждения лингвистики языка в качестве основного предмета анализа (и остаточности речи) с исключительным вниманием к его (языка) внутренней системе и структуре. Идеи структурализма показаны как имеющие значительное влияние в отечественном языкознании, например в концепции И.А. Мельчука «Модель “Смысл ↔ Текст”» (в ее основу помимо структуралистских легли идеи генеративизма и математизации науки о языке)¹. Так, данная модель

¹ См., например: Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст»: Семантика. Синтаксис. – М., 1974. – 314 с.

заявлена как: 1) сложно организованная совокупность правил; 2) имеющая совершенно формальный (и формализованный) характер; 3) не демонстрирующая психологической, нейрофизиологической, исторической, социальной вариативности; 4) построенная исключительно на естественно-научных принципах.

К 60–70-м годам XX в. получает развитие генеративная парадигма, становление которой связано, прежде всего, с работами Н. Хомского. Новаторство парадигмы состояло в: 1) моделировании деятельности носителя языка (самого лингвиста); 2) признании значимости опыта носителя языка; 3) менталистском характере генеративных моделей, связанным с «обнаружением психической реальности, лежащей в основе реального поведения»¹; 4) концепции лингвистического антропоцентризма, восходящей к идеям «Грамматики Пор-Рояля» и философии языка В. фон Гумбольдта. При этом генеративизм унаследовал от структурализма принципы использования сложного математического аппарата для формализации языка и моделирования некоторой формальной системы, представленной определенными правилами.

В XXI в. происходит становление новой функциональной парадигмы, которая начинает определять генеративизм как формальное направление. К основоположникам функционализма В.М. Алпатов относит Э. Сепира и А.Е. Кибрика. Так, при разработке проблемы взаимодействия языка и мышления Э. Сепир выделяет наряду с коммуникативной символическую функцию языка (получившую в современной лингвистической науке название когнитивной, или познавательной), которая обеспечивает «символизацию опыта»² и закрепление в языке наших представлений о мире. Помимо собственно когнитивной лингвистики функциональная парадигма, по замечаниям У. Чейфа, включает антропологическую лингвистику, социо- и психолингвистику, прагматику, дискурсивные исследования, документирование языков³.

¹ См.: Chomsky N. *Aspects of the Theory of Syntax*. – Cambridge (Mass.), 1965. – P. 10.

² Сепир Э. *Язык [1933]* // Звегинцев В.А. *История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях*. – М., 1960. – Ч. 2. – С. 185–186.

³ Чейф У. *На пути к лингвистике, основанной на мышлении // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика*. – М., 2015. – С. 60–88.

В статье А.Е. Кибрика «Лингвистические постулаты» сформулированы существенные черты функциональной парадигмы, такие, как: 1) «все, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики»; 2) «как содержательные, так и формальные свойства синтаксиса в значительной степени предопределены семантическим уровнем»; 3) «исходными объектами лингвистического описания следует считать значения»; 4) «устройство грамматической формы отражает тем или иным образом суть смысла»¹. В качестве ключевых функциональных направлений отечественной лингвистики В.М. Алпатов называет типологию и семантику, которые стремятся к большей объяснительности и охвату всех уровней языка.

В статье «О межпарадигмальных переходах в полипарадигмальном пространстве постижения лингвистической реальности (Диалектический мир А.Ф. Лосева)» В.И. Постовалова исследует феномен сосуществования нескольких парадигм как «конститутивную черту научного познания, отличающую ее от иных сфер познания, таких как философия и религия с их установкой на внепарадигмальность и надпарадигмальность видения познаваемой реальности» [с. 37]. В развитие концепции В.З. Демьянкова о разных видах реальности в науке о языке («языковой», «внеязыковой», «психологической», «коммуникативной») ² поднимается вопрос о природе реальности в науке, последовательно разграничиваются онтологический и гносеологический смыслы лингвистической реальности как наименования собственно языкового ракурса реальности и ракурса, воспринимаемого сквозь призму лингвистического знания. В современном лингвистическом знании существует много толкований понятия «парадигма», однако наблюдается относительное единство в понимании полипарадигмальности научного познания (см., например, концепции Ю.С. Степанова, Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянкова), надпарадигмальности и внепарадигмальности философского и религиозного познания (см., на-

¹ Кибрик А.Е. Лингвистические постулаты [1983] // Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. – М., 1992. – С. 17–27.

² Демьянков В.З. Лингвистическая теория: Теория языка и теория лингвистики // Когнитивные исследования языка. – М.; Тамбов, 2018. – Вып. 23: В поисках смыслов языка: Сб. науч. тр. в честь 90-летия Е.С. Кубряковой. – С. 63–84.

пример, в концепциях А.Ф. Лосева, Геронимуса, В.Ф. Постоваловой).

Автор описывает ряд «метaparадигм, или универсальных парадигм, лежащих в основе всех парадигм» (с. 39), методологическим основанием которых может являться семиотическое изучение межпарадигмальных контактов: 1) структурно-функциональная метапарадигма, существующая в рамках имманентно-семиотического подхода, где лингвистическая реальность представлена системой отношений различных единиц; 2) антропологическая (лингвокультурологическая, лингвокогнитивная, дискурсивно-коммуникативная) метапарадигма, в основе которой лежит имманентно-антропологический подход к пониманию лингвистической реальности, когда язык рассматривается в контексте человека и его мира; 3) теоантропокосмическая парадигма, сформированная в русле трансцендентно-религиозного подхода, где язык понимается «как важнейший момент в общей коммуникативной динамике бытия и как форма проявления и формирования целостного человека» [с. 42]. Автор сосредоточивается на анализе смысловых модификаций знания при межпарадигмальных переходах, рассматриваемых в учениях теоантропокосмической и антропологической парадигм, сквозь призму диалектики А.Ф. Лосева в осмыслении вопроса о том, «как мы можем остаться цельными при всеобщем разъединении и противоречии»¹. Теоантропокосмическая парадигма постижения лингвистической реальности в творчестве А.Ф. Лосева характеризуется единством диалектики и мифологии, которое осуществляется при помощи перехода от «исходной мифологемы к осмысляющей ее философеме» и «от этой философемы к конструируемой философемой новой мифологеме» [с. 49]. Антропологическая парадигма разрабатывается во втором периоде творчества А.Ф. Лосева: философ создает теорию языковой сигнификации, или изучения движения от чистой мысли к языку как непосредственной действительности мысли. Для осуществления межпарадигмальных переходов А.Ф. Лосев применяет ряд смысловых модификаций, касающихся соотношения логической формы и содержания знания (мифологизация, демифологиза-

¹ Лосев А.Ф. «Мне было 19 лет...»: Дневники. Письма. Проза. – М., 1997. – С. 22.

ция и перемифологизация), адаптации трансферируемых элементов в условиях концептуального многоязычия (спецификация, редукция и смысловые наращения), интеграции в цельном познании философского, научного и художественного стилей мышления (метаязыковые переходы, трансформация личностных смыслов).

В работе «Филологические термины как понятия креативной поэтики» Н.А. Фатеева исследует проблему соотношения и разграничения языка-объекта и метаязыка описания в поэтической речи. В некоторых случаях, например в стихотворении «Лингво-политики» Д. Авидана, названия специфических языковых явлений (*Мы определяем междоулексические связи. / Мы – это формирующее понимание / семантики, семиотики, образа, тени, звука. / Мы определяем твое понимание данных пониманий. / Ибо мы – это лингво-политики, / решающие первыми и последними в мире политики языка*) используются терминологически; однако в большинстве случаев, как в стихотворении «Вспомнить тебя, а не твои фотографии» В. Павловой, с помощью филологических терминов порождаются новые смыслы в тексте (*Смогу ли судьбу упростить / выправить согласованья, склоненья, спряженья, / хоть немного синтаксис упростить?*) за счет их образного переосмысления. Н.А. Фатеева указывает, что такие термины: 1) «оказываются в центре композиции всего стихотворения, определяя его текстовое развертывание» [с. 72]; 2) часто задействуют грамматические формы и категории, уже ушедшие из русского языка; 3) имеют в качестве субъекта творческого осмысления языковых фактов «Я» самого поэта; 4) отражают собственное понимание поэтами языковых категорий и фактов; 5) характеризуются «перетекаемостью» [с. 75] разных частей речи. Существование перечисленных особенностей свидетельствует о том, что поэтическая, метаязыковая и когнитивная функции языка вступают в поэтической речи в тесную интеракцию, формируя основания жанра авторефлексивной поэзии. В данном случае, «благодаря образному переносу, термины, не теряя своего исходного значения, получают расширительное толкование и становятся понятиями креативной поэтики» [с. 78].

Работа И.В. Зыковой «К проблеме конвертируемости терминов при построении метаязыка междисциплинарной науки» посвящена изучению особенностей формирования понятийно-

терминологического аппарата современной науки на примере лингвокультурологии как междисциплинарной науки. Под конвертируемостью терминов автор понимает «преобразование терминов, обусловленное их функционированием в 'новой' междисциплинарной области научного знания и необходимостью адаптации к теоретико-методологическим задачам 'новой' междисциплинарной науки» [с. 81]. Междисциплинарный трансфер терминов представляет собой не простой перенос термина из одной научной системы в другую, а «особый технологический процесс многократной и разновекторной конвертации вербально воплощенного знания, в результате которого формируется сложно устроенная метаязыковая система активно развивающейся междисциплинарной науки» [с. 83]. Среди характеристик междисциплинарного термина И.В. Зыкова отмечает: 1) его способность к мигрированию, что позволяет термину принадлежать сразу нескольким системам; 2) его возможность базироваться на интеграции гомогенных (однородных) и гетерогенных (разнородных) знаний разных наук в рамках взаимодействия таких глобальных факторов, как культура, история, социум и язык; 3) его функционирование как средства достижения научного консенсуса между представителями разных наук; 4) наличие определенной степени частнонаучной ассимиляции термина, которая во многом детерминирована сохранением связи данного термина с родовым термином и его видовыми вариантами. Специализация такого термина в науке происходит за счет преобразования его структуры и содержания. При анализе метаязыка лингвокультурологии на примере ее констант автор указывает, что некоторые константы, например «личность», «культура», «язык», являются центральными единицами метаязыка, хотя и могут подвергаться дальнейшей спецификации. Другие константы, например «концептосфера», «память», «информация», «креативность», изначально получают спецификацию, представая в таких формах, как «концептосфера культуры», «(лингво) культурный концепт», «культурная память», «культурная информация», «лингвокреативность». На формальном уровне такие термины могут представлять собой простые терминологические понятия («личность»), составные понятия («лингвокреативность»), терминологические выражения («концептосфера культуры» как концептуальная сфера культуры). Анализ семантики междисциплинарных

терминов должен предусматривать: 1) изучение первичных значений слов, выступающих родовыми терминологическими элементами; 2) определение дефиниций родовых терминов в науках-источниках, или науках-донорах; 3) установление их значения в частных науках. На примере термина «культурная информация» автор демонстрирует реализацию данных этапов анализа, привлекая этимологический и лексикографический анализ, семантический анализ термина в науках-донорах и лингвокультурологии через корреляции со смежными терминами типа «культурная коннотация», «культурные смыслы», «культурный фон», «фоновые знания» и др. Проводимый таким образом анализ междисциплинарных терминов позволяет увидеть процесс их специализации в динамике.

В статье «Философия – эстетика – лингвистика: К истории трехсторонних трансферов» В.В. Фещенко исследует основания формирующейся междисциплинарной методологии анализа художественного текста и языка художественной литературы – «лингвоэстетики» [с. 100]. Так, уже в античной философии формируются разные взгляды на соотношение *techne* (ремесло, технология), *logos* (слово, речь) и *poesis* (творчество, искусство) при решении вопроса о том, является ли речь искусством (творчеством) или ремеслом. В эпоху романтизма и гумбольдтианства в результате определения разных видов речи (обыденная, научная, прозаическая, поэтическая) дифференцируется и отношение к ним, а именно, поэзия и проза выделяются в специфические формы существования и функционирования языка – языки искусства (В. фон Гумбольдт), языки творчества (Г. Гербер, К. Фосслер), языки эстетики (Б. Кроче, Г. Шпет). Особую роль в развитии концепции эстетики языка играет Г. Шпет, осмысливая идею творчества в тесной связи с поэтическим (художественным) творчеством, которое преобразует уже наличные языковые формы. Г. Шпет разграничивает эстетические и внеэстетические (собственно номинативные) элементы высказывания, предлагает отделять словесную эстетику от других разновидностей эстетики, признает возможность существования беспредметной поэзии, разрабатывает методологию эстетики слова (в терминах «поэтическая методология», «логика символа», «персона автора слова», «интерпретация слова», «внутренняя логическая форма слова» и «внутренняя поэтическая форма слова», «субъективность слова», др.). Значимый вклад

в развитие эстетики художественного слова внесли С.А. Аскольдов, М.М. Бахтин, В. Волошинов. Проблема поэтического языка находит отражение и в семиотике искусства, зарождающейся в работах Э. Кассирера и Дж. Дьюи¹ при одновременном становлении семиотической терминологии, описывающей идею взаимного перехода искусств.

Во второй половине XX в. формируются перформативное и феноменологически-герменевтическое направления в изучении художественного дискурса. При этом, как отмечает В.В. Фещенко, в рамках перформативного подхода внимание к собственно поэтическому и художественному языку ослаблено, а перформативность представлена в рамках дискурса вымысла (Дж. Серль, Дж. Остин). В то же время в феноменологии и герменевтике (М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер) «язык поэзии рассматривается как фундаментальный экзистенциал человеческого бытия» [с. 118]: поэтическое высказывание обладает большей открытостью по сравнению с обыденной речью, строится как «равновесие звучания и смысла», осуществляет «саморепрезентацию» языка (т.е. слово направлено на самого себя)². Таким образом, в становлении лингвоэстетики значительную роль играет междисциплинарный трансфер в трехстороннем взаимодействии философского знания, эстетической теории и лингвистических идей.

А.К. Киклевич в работе «Постмодернизм и современная филология» рассматривает современный научный дискурс как постмодернистский, что имеет как положительные (стимулирующие научное познание), так и отрицательные (имеющие иррациональный характер) стороны. В целом, для постмодернистских текстов типичны такие черты, как: 1) повышенная эмоциональность сообщений; 2) поверхностный и дилетантский подход к постановке и решению проблем; 3) скептицизм и агностицизм; 4) технологический детерминизм; 5) приоритет интерпретации перед описанием; 6) приоритет прагматического аспекта и маргинализация семантического аспекта; 7) контекстоцентризм. Объектом критики автора

¹Cassirer E. Language and art // Cassirer E. Symbol, myth and culture: Essays and lectures. – New Haven, 1979. – P. 166–195; Dewey J. Art as experience // Art and its significance: An anthology of aesthetic theory. – Albany, 1994. – P. 205–223.

²См. в: Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. – М., 1991. – Ч. 1. – С. 266–323.

становятся работы по когнитивной и антропологической лингвистике, в частности, в отношении отмечаемых им «тенденций к избеганию языка», «уменьшения интереса исследователей к формальной стороне языковых единиц», «переключения внимания на интерактивный аспект», зависимости категориального аппарата лингвистики от других наук (психологии, социологии, антропологии, культурологии) [с. 133]. Так, современная когнитивная лингвистика, по мнению автора: 1) отличается чрезмерной экстраполяцией, которая заключается в том, что «лингвистические объекты интерпретируются в терминах когнитивной психологии без какой-либо психологической верификации» [с. 135]; 2) «фокусируется только на отдельных аспектах познавательной системы, <...>, в то время как предметная область когнитивной психологии намного шире» [там же]; 3) смешивает существенное со случайным путем экстраполяции некоторого общего правила на частные случаи, например при развитии теории концептуальных метафор.

А.В. Вдовиченко в работе «Порождение знака. О коммуникативной концепции семиозиса» рассматривает вопросы правомерности выделения знака и смыслообразования при использовании знака. Автор подвергает сомнению идею («спонтанную презумпцию») [с. 143] о существовании знаков и обладании ими понимаемым значением, высказанную Ч.С. Пирсом, Г. Фреге, Ф. де Соссюром, Ч. Моррисом на том основании, что связь формы и содержания («ассоциирование») [там же] является произвольным допущением с введением параметров производимого ассоциирования. Автор отмечает, что «стабильным и определенным в классической теории семиозиса можно считать только внешнюю форму знака, которая не гарантирует никакого «означаемого», но зато соблазняет и провоцирует исследователя на то, чтобы говорить о каком-то «теле знака» как о самом «знаке»» [с. 146]. А.В. Вдовиченко развивает коммуникативную (динамическую) концепцию знака, основу которой составляют следующие положения: 1) любой акт с участием знаков выполняет только функцию воздействия, т.е. изменяет когнитивное состояние мыслимого адресата; 2) смыслообразование является всецело коммуникативным феноменом, где «фокус интерпретации знака» [с. 148] смещается с отношения «тело знака – десигнат» на отношение «действие – мыслимый результат»; 3) условием существования значения знака

является «возможность видеть личный конкретный коммуникативный процесс (семиотический поступок) за какими-то «телами знаков» (совокупностью намеков на семиотический поступок)» [с. 149]; 4) конструирование знака существует как в сфере означаемого, так и в сфере означающего в ходе создания замысла коммуникативного поступка. Таким образом, утверждается, что в языке смыслообразование невозможно, оно может происходить только в естественном коммуникативном процессе.

М. Куосе

2020.01.008. Н.Н. ТРОШИНА. КРЕОЛИЗОВАННЫЕ ТЕКСТЫ. (Обзор).

Ключевые слова: креолизованный текст; иллюстрированный текст; дискурс; фреймы; скрипты; демотиваторы; визуальная стилистика; визуальная синекдоха; визуальная гипербола; визуальная литота; визуальный граффон; визуальная градация; транскультурный подход; надкультурный смысл; децентровка культурного кода.

Характерной чертой современной лингвистики является ее «текстоцентризм» [Креолизованные тексты, 2017, с. 5], вовлекший в научный оборот самые разнообразные виды текстов, в том числе и семиотически осложненные, т.е. креолизованные. Они выделяются наличием синкретичной информации, т.е. в них «границы информационных слоев размыты / склеены» [там же, с. 6].

Цитируемая коллективная монография «Креолизованные тексты в различных видах дискурса: (На материале английского языка)» [Креолизованные тексты, 2017], состоит из предисловия (М.А. Кулинич), введения «Креолизованные тексты и их отличие от иллюстрированного текста» (О.В. Мишина) и семи глав: 1) «Креолизованные тексты в юмористическом дискурсе» (Ю.С. Чаплыгина, О.В. Мишина, М.А. Кулинич); 2) «Креолизованные тексты в политическом дискурсе, средствах массовой информации и блогах» (А.Г. Кириллов); 3) «Креолизованные тексты в рекламном дискурсе» (А.В. Блохина, Ю.Ю. Строева); 4) «Креолизация в песенном дискурсе» (Ю.Е. Плотницкий); 5) «Креолизованные эпистолярные тексты в ритуальном и этикетном дискурсе» (Н.Ю. Бусоргина); 6) «Место креолизованных текстов в педагоги-

ческом дискурсе» (М.А. Кулинич); 7) Работа с креолизованными текстами в процессе обучения языку» (М.А. Кулинич).

Как отмечается в предисловии, обращение к визуальному компоненту текста актуально, так как компьютерные технологии позволяют компенсировать недостаток вербальной информации с помощью мультимедийных средств. Медиаэкологи констатируют развитие «новой идентичности – ‘визуальной’ в противовес ‘вербальной’. Если при изобретении письма и печатного станка, полагают они, произошел переход от ‘устного’(oral) к ‘грамотному’ (literate) сознанию, то сейчас наблюдается обратный процесс, результатом которого становится существенное снижение способности вербального выражения и восприятия и компенсация ее с помощью ‘картинок’ и иных зрительных образов» [Креолизованные тексты, 2017, с. 6].

Во введении дается краткий обзор специальной литературы по креолизованным текстам (Г.Г. Слышкин, М.А. Ефремова, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Е.Е. Анисимова, Ю.С. Чаплыгина, Р. Барт, Р. Клёпфер, У. Мантель-Оомен, Б. Шпильнер). Подчеркивается отличие иллюстрированного текста от креолизованного: в случае иллюстрации рисунок окружает текст, не связывая слово с изображением предметно, как, например, рисунки А.С. Пушкина в рукописях; в случае креолизованного текста рисунок выступает как эквивалент слова: значения слова и рисунка образуют сложно построенный смысл.

Как специфические формы юмористического креолизованного дискурса рассматриваются: 1) карикатуры: анализ проводится с использованием теории фреймов и скриптов; 2) комедийный сериал: особое внимание уделяется понятию «комическая картина мира», которая имеет трехчастную структуру: а) ядра, состоящего из инвариантного универсального комизма, т.е. явлений интернационального юмора, понятных представителям различных лингвокультурных общностей; б) средней части, т.е. национально-специфических особенностей комического; в) периферии, т.е. индивидуального авторского способа комического мировидения; 3) лимерик, т.е. небольшое по объему юмористическое стихотворение.

Анализируются следующие типы креолизованных текстов политического дискурса: политический плакат, карикатура, фотоколлаж (информационное табло, в котором представлены основ-

ные вехи события, описываемого в тексте), инфографика, комплексный креолизованный текст (например, наложение карты, фотографии, вербальной иллюстрации и информационного табло), демотиваторы / демотивационные постеры (изображение, состоящее из картины или фотографии в черной рамке и надписи / слогана, комментирующего в лаконичной – как правило, ироничной – форме смысл интернет-послания (например, под фотографией Белого дома помещен текст *барак Обамы*).

Креолизованные тексты рекламного дискурса описываются на материале английских путеводителей и авиационных рекламных сообщений.

В песенном дискурсе, креолизованность которого основана на соединении вербальных и мелодических средств, обнаруживается, как правило, крайне мало чисто нарративных текстов: в основе большинства песенных текстов лежат типовые скрипты и фреймы. Например: возлюбленная покидает возлюбленного (или наоборот), возлюбленные по каким-то причинам не могут воссоединиться, между ними нет взаимопонимания, т.е. варианты скрипта *love story*. При этом мелодический компонент в какой-то степени маскирует литературно-художественные недостатки вербального компонента.

Креолизованные эпистолярные тексты ритуального и этикетного дискурса исследуются на материале поздравительных писем (в том числе и видео-клипов), писем-благодарностей, приглашений писем и ответов на них, пожеланий выздоровления. Все эти типы текстов анализируются по следующим параметрам: ценности, цели, участники, хронотоп, символика, дискурсивные формулы.

Педагогический дискурс представлен в коллективной монографии словарями культурной грамотности, в которых имеется много цветных вкладок, фотографий людей, репродукций картин, географических карт и т.п. (например, в «Оксфордском путеводителе по британской и американской культуре» [Oxford Guide to British and American culture, 1999]) и «Электронным календарем учителя» (Teacher's / Educator's Calendar) на сайте «TeacherVision.com». На этом сайте учителя могут найти более 22 000 страниц готовых планов уроков и другие ресурсы.

Авторы статьи о визуальной стилистике [К вопросу о терминологическом аппарате..., 2018] также указывают на технический прогресс как важнейший фактор трансформации коммуникативных процессов и возникновения новых способов и форм передачи информации. Интернет-коммуникация позволяет воздействовать на глобального реципиента, владеющего английским языком, но неоднородного по своей культурной принадлежности, что приводит к созданию и активной эксплуатации в таких текстах визуальных стилистических средств. Это, в свою очередь, способствует становлению и развитию целостной системы визуальных средств, предназначенных для передачи информации глобальному реципиенту.

В данной статье представлен сравнительный анализ визуальных стилистических средств социальной интернет-рекламы с англоязычным и нидерландскоязычным вербальным компонентом. Все образцы рекламы для материала исследования статичны, не содержат активных гиперссылок, не имеют аудиального сопровождения или динамичного видеоряда. В ходе анализа выявлены и проанализированы следующие визуальные стилистические средства: визуальная метафора, визуальное сравнение, визуальная аллюзия, визуальная синекдоха, визуальная гипербола, визуальная литота, визуальный граффон.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие дефиниции: 1) визуальная синекдоха – изображение части вместо целого объекта, частного вместо общего понятия и наоборот, эксплицирующих приемлемую социальную оценку определенной социальной проблемы или явления; 2) визуальная гипербола – намеренно увеличенное изображение оцениваемого социального объекта или явления, используемое, как правило, для демонстрации масштаба таргетируемой социальной проблемы или бедствия; 3) визуальная литота – намеренно уменьшенное изображение оцениваемого социального объекта или явления, используемое, как правило, для демонстрации тщетности разрозненных действий по борьбе с определенными социальными проблемами; 4) визуальный граффон – визуализация коммуникативных особенностей людей с нарушениями речи с целью привлечения внимания к проблеме толерантности к таким людям; 5) визуальная градация –

изображение, инкорпорирующее ряд образов, отличающихся друг от друга по определенным признакам.

В статье С.А. Петровой [Петрова, 2018] феномен креолизации анализируется на основе транскультурного подхода к языковым явлениям, предполагающего выход за границы национальных и этнических культур с целью создания надкультурных смыслов. Исследуется креолизация франкоязычного антильского художественного дискурса. Материалом исследования послужили художественные и публицистические произведения антильских писателей Э. Глиссана и П. Шамаузо, получившие признание во всем мире.

Транскультурный подход как стратегия креолизации художественного дискурса предполагает среди прочих средств децентровку французского культурного кода, расшатывание зафиксированных во французских языковых нормах и клише бинарных оппозиций, а также избавление от доминирующих во французской культуре ценностей и смыслов. Все перечисленные приемы в совокупности обеспечивают творческое обогащение и новаторство в культуре.

В основе транскультурного подхода лежит «позиция остранения, ‘внезаходимости’ по отношению к существующим культурам и процесс освобождения от детерминации ‘своей’, ‘врожденной’ культуры» [Эпштейн, 2017, с. 366]. В литературе транскультурный подход означает творить на границах разных национальных культур, что позволяет выявить их нереализованные возможности, обнаружить в них новые смыслы, ускользающие от тех, кто ограничивает себя одной культурой. Для франкоязычной антильской литературы данный подход предполагает также возможность выйти за рамки французского языка, что подразумевает не только создание языковых образований, отражающих своеобразие креольской культуры, но и выявление и развитие некоторых нереализованных языковых возможностей в области формообразования и смыслопорождения. Одним из путей творческого обновления языка является изменение значений слов и устойчивых словосочетаний, доминирующих в другой культуре. Если во французском языке выражение *lieu commun* означает «общее (избитое) место, штамп», то антильский писатель и философ Э. Глиссан подразумевает под ним прежде всего «место встречи с иным, соприкосновение культур и цивилизаций».

Проведенный в статье анализ позволяет сделать вывод о том, что при транскультурном прочтении креолизованному художественному дискурсу присущи два характерных свойства: с одной стороны, он предстает как некий непрерывный пространственно-временной континуум, объёмлющий две (или более) культуры, с другой – как культурное разнообразие.

Список литературы

К вопросу о терминологическом аппарате визуальной стилистики текста: Визуальные стилистические средства в социальной рекламе / Каменева В.А., Рабкина Н.В., Араева Л.А., Горбачева О.Н. // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2018. – № 3 (69). – С. 96–104.

Креолизованные тексты в различных видах дискурса: (на материале английского языка): монография / Кулинич М.А., Блохина А.В., Бусоргина Н.Ю. и др.; под общ. ред. Кулинич М.А. – Самара: СГСПУ, 2017. – 158 с.

Петрова С.А. Стратегии и приемы креолизации французского языка в англйском литературно-художественном дискурсе: (по произведениям Патрика Шамуазо) // Вестн. МГЛУ. – М., 2018. – № 2 (791). – С. 149–160.

Эпштейн М.Ю. Проективный словарь гуманитарных наук. – М., 2017. – 616 с.

Oxford Guide to British and American culture / Ed. by Crowther J., Kavanagh K. – Oxford, 1999. – 609 p.

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

2020.01.009. АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: Теоретические и прикладные перспективы психолингвистики: монография / Пищальникова В.А., Карданова-Бирюкова К.С., Панарина Н.С., Степыкин Н.С., Хлопова А.И., Шевченко С.Н.; под ред. Пищальниковой В.А. – М.: Р-Валент, 2019. – 200 с.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент; картина мира; динамика лексического значения; семантическое варьирование; ассоциативное значение; классификация ассоциатов; прецедентный текст.

Реферируемая монография написана сотрудниками Лаборатории психолингвистики Московского государственного лингвистического университета и поднимает ряд важнейших теоретико-методологических проблем, связанных с использованием данных,

полученных в так называемом свободном ассоциативном эксперименте. Во введении к монографии отмечается, что «свободный ассоциативный эксперимент стал в отечественной психолингвистике одним из основных методов сбора эмпирических данных при моделировании ассоциативного поля, которое, в свою очередь, используется для решения самых разных теоретических и прагматических задач» [с. 5]. Авторы отмечают, что именно в ассоциативном эксперименте обнаруживается деятельностное отношение человека к действительности, «представленное специфической связью стимула и реакции в условиях конкретной деятельности, в том числе и речевой» [там же]. В этом отношении обнаруживаются, с одной стороны, актуальные для индивида стратегии вербальной деятельности, с другой – хотя и опосредованно – специфика концептуализации мира. Полученные экспериментальные данные объединяются в ассоциативные поля слов-стимулов, а ассоциативное значение стимула определяется посредством анализа дистрибуции реакций. Это «позволяет устанавливать актуальную психологическую структуру личностного смысла, репрезентируемого стимулом, и выявлять сдвиги в психологическом значении слова-стимула» [там же]. Таким образом, ассоциативный эксперимент выявляет глубинные ментальные связи слова, представления о которых могут использоваться при решении самых разнообразных психолингвистических задач.

Однако при всей внешней простоте свободного ассоциативного эксперимента, отмечают авторы монографии, его проведение и подготовка связаны с серьезной работой по установлению параметров исследования объекта. Еще более сложным является обработка полученных данных, поскольку интерпретация психического процесса ассоциирования до сих пор представляется одной из самых теоретически сложных и не вполне решенных проблем. Тем более интересна позиция авторов монографии, включавших в эксперимент разный лексический материал.

Авторы подчеркивают то, что специфику значения слова трудно установить с помощью других исследовательских приемов, тогда как в ассоциативном эксперименте проявляется способ актуализации психологического значения слова как предмета активной деятельности индивида. «Исследуя такие способы, можно представить себе не только интегративный “механизм” динамики

значения, но и выделить хотя бы некоторые психолингвистические принципы изменения семантики языка в стихийной речевой деятельности членов социума» [с. 6]. Психолингвисты установили, что предпочтения индивида в способах действия со словом определяются спецификой его образа мира и мотивами деятельности, которые формируются под воздействием культуры. Ассоциативный эксперимент создает эмпирическую базу для опосредованного изучения культуры, поскольку «ассоциативный тезаурус – это и способ фиксации языковой способности носителя языка, <...> и база для установления универсального и индивидуального в его организации» [там же].

Известно, что в последнее время число лингвистических работ, выполненных на базе свободного ассоциативного эксперимента, резко увеличилось. Активно развивается и ассоциативная лексикография. Помимо широко известных «Словаря ассоциативных норм русского языка»¹, «Ассоциативного фразеологического словаря русского языка»², «Русского ассоциативного словаря»³, «Славянского ассоциативного словаря»⁴, создаются новые ассоциативные словари различного типа, в том числе и электронные: «Ассоциативный словарь подростка»⁵, «Русский сопоставительный ассоциативный словарь»⁶, «Словарь-тезаурус ЕВРАС»⁷, элек-

¹ Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. Леонтьева А.А. – М., 1977. – 192 с.

² Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. – М., 1994. – 116 с.

³ Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – Т. 1: От стимула к реакции. – 784 с.; Т. 2: От реакции к стимулу. – 992 с.

⁴ Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. – М.: Изд-во Ин-та языкознания РАН, 2004. – 800 с.

⁵ Гуц Е.Н. Ассоциативный словарь подростка. – Омск: Вариант-Сибирь, 2004. – 156 с.

⁶ Черкасова Г.А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2008. – 781 с.

⁷ Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2014. – Т. 1: От стимула к реакции; Т. 2: От реакции к стимулу. – Режим доступа: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras>

тронный ассоциативный словарь в рамках проекта «Базовые ценности регионального языкового сознания русских Приенисейской Сибири»; «Сибирский ассоциативный словарь (СиБАС)»¹, а также различные дву- и трехязычные словари, в частности «Русско-алтайский ассоциативный словарь. (Алтай-орус ассоциативный сбзлик)»², в том числе специальные, например «Русско-англо-немецкий ассоциативный словарь туризма»³ и многие др. Кроме того, определенный ассоциативный материал представлен в ряде кандидатских и докторских диссертаций.

Современная психолингвистика располагает «серьезной эмпирической базой для решения актуальных теоретических вопросов о сущности речевого действия и его соотношения с речевой операцией; о вербализации психологически актуального смысла и его моделировании на основе ассоциативных полей слов-стимулов; о специфике динамических смысловых процессов и способах / средствах их диагностики и др.» [с. 6]. Такая база позволяет по-новому осмысливать некоторые фундаментальные проблемы этнопсихолингвистики (специфические признаки этнической культуры, характер репрезентации национальной культуры в языке) и лингвистики, например, вопрос о сущности внутренней формы языка. Расширяется и проблематика межкультурной коммуникации, увеличивается количество исследований, «направленных на осуществление социальных программ, в том числе региональных, связанных с вербальным диагностированием внутриэтнической и межэтнической напряженности и напряженности в отношениях между разными социальными группами населения страны» [с. 7]⁴. Кроме того, усиливается интерес к сопоставлению базисных

¹ Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русский региональный ассоциативный словарь: (Сибирь и Дальний Восток): В 2 т. / отв. ред. Уфимцева Н.В. – М.: Моск. ин-т лингвистики, 2014. – Т. 1: От реакции к стимулу. – 537 с. – Режим доступа: <http://adictru.nsu.ru>

² Голикова Т.А. Русско-алтайский ассоциативный словарь (Алтай-орус ассоциативный сбзлик). – М.: Изд-во ОЛСИБ, 2004. – 380 с.

³ Кузина О.А. Русско-англо-немецкий ассоциативный словарь туризма. – Омск, 2007. – 186 с.

⁴ См.: Адамова З.Г. Вербальная диагностика этнической напряженности: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 212 с.; Пищальникова В.А., Рогозина И.В. Концепт как инструмент диагностики межэтнической напряженности // Языковое

духовно-нравственных ценностей / антиценностей¹ на материале разных языков: русского, китайского, немецкого, итальянского и др. Перспективным авторам представляется изучение идеалов современной личности и факторов, определяющих социально-психологическую адаптацию человека к условиям мегаполиса, в том числе психолингвистические исследования по лингвистической безопасности². Ряд исследователей³ делает попытки создания специальных программ частичной социально-психологической и психолингвистической адаптации детей, подростков, пенсионеров к условиям современной жизни и, в частности, с учетом специфики интернет-среды.

Вместе с тем, отмечают авторы монографии, «имеющийся массив ассоциатов <...> не устраняет целого ряда проблем, связанных с проведением ассоциативного эксперимента и характером интерпретации реакций <...> Это обуславливается <...> неразработанностью самой экспериментальной методики в применении к конкретным задачам исследования процесса порождения и восприятия (понимания) речевой деятельности» [с. 8]. Более того, авторы монографии полагают, что в настоящее время отсутствует целенаправленная программа сопоставительных этнопсихолингвистических исследований. Это приводит к тому, что чаще всего та-

сознание: Теоретические и прикладные аспекты. – М., 2004. – С. 121–128; Кирилина А.В., Терентий Л.М. Опыт лингвистической диагностики межнациональной напряженности в интернет-дискурсе // *Вопр. психолингвистики.* – 2016. – № 1 (27). – С. 130–139.

¹ См.: Пэй Ц. Экспериментальное исследование структурно-содержательной специфики антиценности 腐败 / коррупция // *Филологические чтения им. П.Г. Демидова: Сб. трудов конференции.* – Ярославль, 2018. – С. 112–117.; Хлопова А.И. Вербальная диагностика динамики базовых ценностей: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2018. – 213 с.

² См.: Баженова И.В., Пищальникова В.А. Актуальные проблемы лингвистической безопасности. – М.: Юнити-Дана, 2015. – 151 с.

³ См.: Бутакова Л.О., Гуц Е.Н., Козловская Е.А. Детство в дискурсивном пространстве региона: Комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций. – Омск: Издат. дом «Наука», 2018. – 446 с.

Реферат данной монографии см. на с. 41–49 в № 1 за 2019 г. реферативного журнала «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание». – *Прим. реф.*

кие работы связаны со знанием того или иного европейского языка (чаще английского или немецкого) их авторами или принадлежностью исследователя к определенной национальной общности. Накопленные психолингвистами «факты языковых сопоставлений и данные ассоциативных экспериментов нуждаются в более основательном обобщении на основе статистической обработки и в более глубокой культурной интерпретации» [с. 18].

Это необходимо и для решения важных теоретико-методологических проблем. Так, нужно уточнить содержание научного конструкта «ассоциативное поле», чтобы повысить его интерпретативный потенциал, чтобы «такой конструкт был не просто совокупностью реакций на определенный стимул, а реальным инструментом интерпретации отношений между этими стимулами» [с. 19], для чего «необходимо выделить определенные устойчивые параметры задаваемого конструкта, которые бы одновременно определяли и направление анализа стимулов» [там же]. В связи с этим авторы предлагают рассматривать ассоциативное поле как модель, отражающую значимость конкретного слова в определенном языке, поскольку такое поле представляет контексты употребления слова (его когнитивную сочетаемость) в свернутом виде. Субъективность ассоциатов должна ограничиваться: 1) синтаксикой языка (исследованием соотношения актуального смысла и системной значимости слова-ассоциата); 2) изучением способов расширения парадигматических связей слова-стимула (исследованием когнитивных структур, фиксированных в паре «слово-стимул – слово-ассоциат»).

Авторы монографии обращают внимание на еще один аспект проблемы изучения ассоциативного поля. Исследования последних лет показали, что, опираясь на сгруппированные по единому признаку ассоциаты, можно моделировать не только структуру, но и динамику значения отдельных содержательных компонентов слова и прогнозировать пути их изменения¹. Так, в работах

¹ См., например: Панарина Н.С. Психолингвистическое моделирование механизма реализации прецедентности: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2017. – 257 с.; Шевченко С.Н. Структурная специфика ассоциативного поля лексических единиц, обозначающих полезные ископаемые, как проявление семантических различий лексем: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2017. – 272 с.; Хлопова А.И. Вербальная диагностика динамики базовых ценностей: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2018. – 213 с.

Н.С. Панариной, А.И. Хлоповой, С.Н. Шевченко экспериментально доказано, что «семантический сдвиг в психологической структуре значения начинается с изменения эмоционально-оценочного компонента содержания, изменения, имеющего градуальный характер: четких границ между этапами развития значения нет, но каждый из них характеризуется специфическими признаками, обусловленными закономерностями осуществления интеллектуальной и предметной деятельности в конкретных социально-коммуникативных условиях (например, изменение содержания прецедентных имен *Сусанин, Пушкин, Цезарь, Наполеон*). Хотя пути развития такого сдвига принципиально различны, эмоционально-оценочный компонент, представленный в системе ассоциатов со все возрастающей частотностью, с течением времени располагается все ближе к ядру значения. При этом лексикографические источники не фиксируют и не могут зафиксировать эту динамику. (Для более точной констатации эмоционального содержания стимула в свое время было предложено верифицировать данные свободного ассоциативного эксперимента разными видами шкалирования). Развивая подобные исследования, необходимо определить принципы группировки ассоциатов, которые позволили бы установить основания структурной аналогии лексического и ассоциативного значений слов» [с. 21].

Л.Р. Комалова

2020.01.010. МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ: Монография / Зубарева Е.О., Исаева Е.В., Иценко А.В., Костева В.М., Мощанская Е.Ю., Шустова С.В.; науч. ред. д-р филол. наук, проф. Ерофеева Т.И. – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2019. – 163 с. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37214780>¹

Ключевые слова: миграция; язык; дискурс; когнитивистика; концепт; миграционная лингвистика; немецкий язык; русский язык; языковые процессы; языковые контакты; языковая ситуация; вариативность; глобализация; воздействие; СМИ; институ-

¹ Реферат подготовлен в рамках государственного задания по темам исследования «Языковые аспекты миграционных процессов: Языковая динамика в эпоху глобализации», «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий».

циональный дискурс; перевод; языковая политика; ассоциативный эксперимент.

В реферируемой коллективной монографии авторы принимают попытку рефлексии отдельных аспектов лингвистической науки в проекции на миграционную лингвистику, намечают подходы к исследованию влияния миграционных процессов на языковую ситуацию в целом и на формирование образа социальных агентов, в частности. Издание состоит из пяти разделов, каждый раздел снабжен списком цитируемой литературы.

В первом разделе (авторы: Шустова С.В., Исаева Е.В.) в фокусе внимания оказываются вопросы становления миграционной лингвистики. По мнению авторов, «в сфере миграционной лингвистики речь идет о вариативности языка / речи как способности языка создавать конкурирующие средства выражения на всех уровнях (фонетическом, морфемном, лексическом, синтаксическом, стилистическом) под воздействием внешних причин» [с. 9]. *Объектом* миграционной лингвистики могут выступать язык мигрантов, моделирование динамических языковых процессов, обусловленных миграционными процессами и моделирование миграционного дискурса. *Предметом* миграционной лингвистики могут выступать модели миграционного дискурса; формирование базовых категорий миграционной лингвистики; формирование и развитие теоретико-методологической базы; разработка системы методов миграционной лингвистики.

К *задачам* миграционной лингвистики авторы относят: 1) выявление пространственно специфических и контактных лингвистических аспектов взаимодействия языков различных этносов, проживающих на одной территории (пиджинизация, креолизация); 2) описание взаимодействия национальных, титульных языков и языковых анклавов; 3) выявление критериев сопоставления; 4) разработку типологии языковых анклавов; 5) характеристику положительных и отрицательных сторон мобильности этносов в лингвистическом аспекте; 6) моделирование лингвокультурной полифонии языковой картины мигранта; 7) анализ причин языковой агрессии со стороны титульной нации и мигрантов; 8) сравнительный анализ нормативно-правовых актов стран в области языковой политики в аспекте выделения участников, их прав и обязанностей, включая организации; 9) разработку типологии язы-

ковых ситуаций, возникновение которых обусловлено миграционными процессами и желанием мигрантов сохранить свою идентичность; 10) определение роли политической лингвистики, контактной лингвистики, вариативной лингвистики, пространственной лингвистики и лингвоэкологии в формировании миграционной лингвистики; 11) анализ туристической миграции в лингвистическом аспекте; 12) разработку типологии коммуникационных пространств, обусловленных миграционной мобильностью; 13) анализ динамических процессов в языке (на всех уровнях), обусловленных миграционными процессами; 14) введение понятия «мобильное многоязычие»; 15) моделирование процессов ослабления речевой конфликтности; 16) моделирование миграционных процессов в лингвистическом аспекте; 17) изучение вопросов идентичности и аккультурации, роли социальных сетей и гибридизации [с. 10–12].

Базовым компонентом миграционного дискурса является *миграция*, актуализирующаяся в миграционном дискурсе как *наука*, как *бизнес*, как *перемещение (переселение, передвижение)*. Миграция рассматривается как инструмент обогащения культуры труда и становится в один ряд с туризмом, как феномен современной жизни, с одной стороны, как проблема глобальных масштабов – с другой. *Миграция* соотносится с такими объектами-отношениями: *беженцы, интеграция, убежище, рост населения, диаспора, глобализация, мобильность, криминал, терроризм, торговля людьми, идентичность* [с. 16].

Области исследования миграционной лингвистики соответствуют измерениям модели Т. Крефельда¹: 1) язык в условиях экстратерриториальности (устойчивые заимствования, а также изоляционные феномены, которые базируются на разграничении экстратерриториальных вариантов от области титульного язык); 2) притязания говорящего: структура репертуара и сетевого общения (условия жизни и труда, проживания и мобильности определяют индивидуальное пространственное размещение каждого мигранта, что ведет к расширению репертуара благодаря созданию двуязычной компетенции в области принимающего языка);

¹ Krefeld Th. Einführung in die Migrationslinguistik: Von der Germania italiana in die Romania multipla. – Tübingen: Gunter Narr Verl., 2004. – 173 S.

3) говорение в условиях изменения кода: смешение (mixing) и переключение (switching) (относительная прагматическая близость партнеров по коммуникации) [с. 20].

Сформулированные авторами положения применяются при анализе таких специфических подязыков, как молодежный сленг *verlan* (от французского наречия (*à l'envers* – наоборот), «немецко-русский русский» (использование русского языка эмигрантами последней волны в условиях, когда вся бытовая и профессиональная сферы функционируют на немецком языке).

Авторы выделяют два объекта миграционной лингвистики: 1) моделирование динамических процессов в языке, обусловленных миграционными процессами, и 2) моделирование миграционного дискурса. *Миграционный дискурс* рассматривается как социальная практика, как речевая деятельность, включающая лингвистические и экстралингвистические аспекты и как идеологический конструкт, с помощью которого формируется определенная позиция общества по отношению к миграционному процессу и разным аспектам, сопровождающим данный процесс [с. 49]¹. В условиях глобализационных преобразований мигранты становятся новой *целевой аудиторией рекламы*: мигрантоориентированный рекламный дискурс характеризуется алгоритмизированностью, последовательностью шагов, предпринимаемых действий; доминируют архетипы, актуализирующие уважительное, терпимое отношение к мигрантам; используются прагматические интенсификаторы типа *бесплатно, дешевле* [с. 50–51]. Основным **социальным агентом мигрантского дискурса** является мигрант, портретирование которого может быть осуществлено на базе следующих критериев: трудовой статус, профессиональные качества, юридический статус, временной статус, тип перемещения, тип миграционных обстоятельств, длительность пребывания, возрастной критерий, национальность, конфессиональный критерий, правовое состояние, моральные и юридически наказуемые поступки, критерий нравственного сознания, идеологический статус и др. [с. 52]. По мнению авторов, в аспекте метафорического моделирования образа «мигрант» могут быть выделены следующие типы

¹ Цит. по: Зубарева Е.О. Номинативное поле концепта «мигрант» // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 4 (71). – С. 420–422.

метафор: милитаристская, криминальная, маркетинговая, математическая / морская, природно-ландшафтная, зооморфная, психологическая, социальная, архитектурная, физическая / морская, театральная, медицинская [с. 53].

Во **втором разделе** (автор: Зубарева Е.О.) исследуется матричная структура миграционного и мигрантского дискурсов. На основе результатов практических исследований и обращения к научной литературе автор конструирует жанровую модель миграционного дискурса (рис. 1) и модульную схему миграционного дискурса (рис. 2). Автор указывает на то, что *в лингвистике под миграцией* понимается «постоянный или временный процесс трансформации языка как титульной нации, так и языка мигрантов, который напрямую зависит от категории пространства, времени, мотивации и социокультурных факторов и который отражает идеологическую и прагматическую составляющую в конкретный период времени, что позволяет моделировать разные коммуникативные ситуации для эффективного межкультурного взаимодействия» [с. 78].

Описываются результаты исследования по методу ассоциативного эксперимента с привлечением 205 испытуемых в возрасте 18–25 лет (получено 1222 ассоциаций на слово-стимул «миграция»), а именно модель ассоциативно-вербального поля «миграция». «Исходя из ядерных признаков, миграция представлена как переезд в другую страну в поисках лучшей жизни, избавление от существующих проблем, бегство от войны. Основными участниками миграции являются беженцы, это означает, что миграция воспринимается как некое вынужденное действие для людей, также отмечены такие участники как иностранцы и мигранты» [с. 88]. Автор определяет уровневую структуру ассоциативно-вербального поля «миграция», дает когнитивную интерпретацию ассоциатов в соответствии с выделенными 35 дифференциальными когнитивными признаками и конструирует когнитивно-семантическую модель концепта «миграция» (см. на: [с. 103–106]).

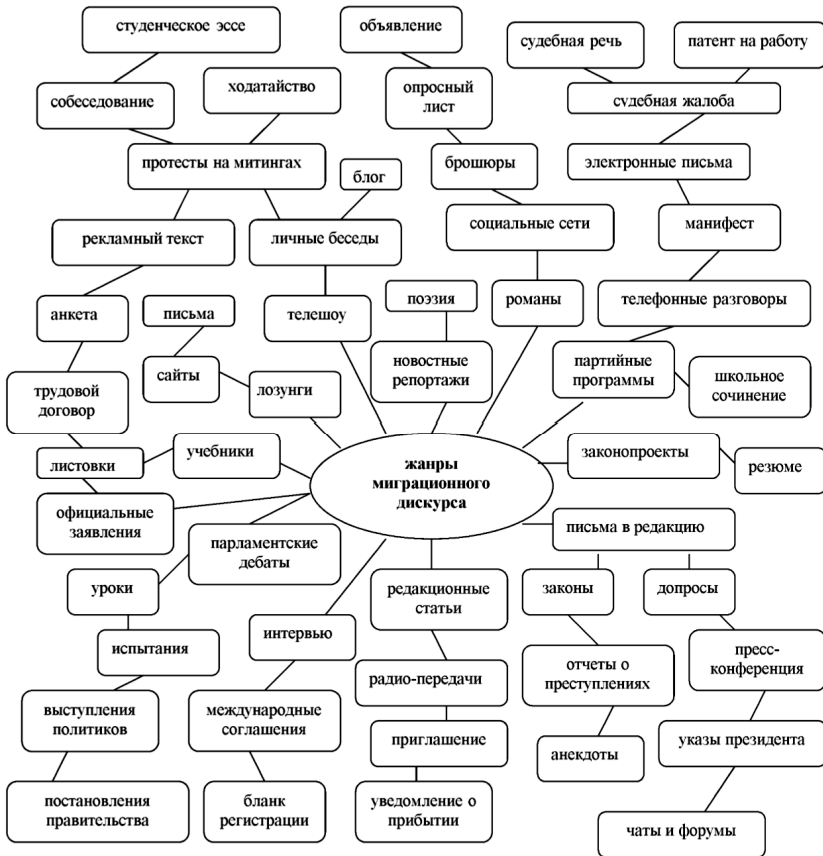

Рис. 1. Жанровая модель миграционного дискурса [с. 68]

В третьем разделе (автор: Иценко А.В.) описывается феномен русского языка зарубежья. Приводится теоретический анализ ветвей, волн и поколений русской эмиграции [с. 114–123], а также используемых исследовательских методов (социолингвистический, лингвокультурологический, лингвоперсоналогический, дискурсивный).

Рис. 2. Модули миграционного дискурса [с. 69]

В **четвертом разделе** (автор: Костева В.М.) ставятся вопросы о терминологизации в рамках новых направлений, в частности в миграционной лингвистике или лингвистике миграции.

В **пятом разделе** (автор: Мощанская Е.Ю.) представлена функциональная парадигма перевода в аспекте предлагаемой «концепции мигрирующих теорий». Автор приходит к следующим выводам: «1) мигрирующие теории обладают как сходной, так и различающейся терминологической базой; 2) каждая из вновь созданных научных систем опирается на имеющиеся и вводит новые элементы; 3) в результате взаимодействия теорий возникает синергетический эффект, порождается новое знание» [с. 159].

Л.Р. Комалова

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

2020.01.011. БРЖЕНЕК О. РЕЧЕВЫЕ ПРАКТИКИ И ОЦЕНКА ЯЗЫКА В АВСТРИИ: На примере языка молодого поколения. BŘENEK O. Sprachgebrauch und Sprachbeurteilung in Österreich am Beispiel der jüngeren Generation. – В.: Frank & Timme, 2017. – 104 S.

Ключевые слова: национальный вариант языка; австрийский вариант немецкого языка / австрийский немецкий; австрицизмы; полицентричная модель языка; кодификация языка; национальный языковой центр / полуцентр.

Олдржих Брженек – доктор филологических наук, директор языкового центра в Университете им. Франтишека Палацки в г. Оломоуц (Чехия), специалист в области морфологии, диалектологии немецкого языка и социолингвистики.

В книге описываются основные особенности австрийского варианта полицентричного немецкого языка¹ в речи современной австрийской молодежи.

Книга состоит из введения, пяти глав и заключения.

Во введении подчеркивается, что специфика австрийского варианта особенно акцентировалась в послевоенные годы в связи со стремлением дистанцироваться от немецкого языка ФРГ. В результате в школьной программе предмет «немецкий язык» (Deutsch) был переименован в «язык обучения» (Unterrichtssprache)².

Дискуссия по поводу австрийского немецкого различалась по степени актуальности в различные периоды: 1) в 1950–1980-е годы она была весьма остра, так как в эти годы австрийский немецкий воспринимался как язык «второго ранга» по сравнению с немецким языком в ФРГ (Randstellung der deutschen Sprache in Österreich im Gegensatz zur deutschen Sprache in der damaligen Bundesrepublik Deutschland) [с. 9]; 2) в 1995 г. обеспокоенность по поводу сохранения австрийской специфики усилилась в связи с вступлением Австрии в Евросоюз и даже был подписан «Протокол

¹ Современный немецкий язык существует в трех основных языковых центрах – в Германии, Австрии и немецкоязычной Швейцарии. – *Прим. реф.*

² Прежнее название «Deutsch» было возвращено в 1995 г. – *Прим. реф.*

№ 10» о сохранении типично австрийских наименований экспортируемых продуктов питания¹; 3) в период развития глобализационных процессов (в конце 90-х годов) эта дискуссия потеряла свою актуальность.

Дифференцируются «специфические / собственно австрийские / первичные языковые формы» (*spezifische / eigentliche / primäre Varianten*) [с. 9], бытующие только в Австрии, и «неспецифические / несобственно австрийские / вторичные языковые формы» (*unspezifische / uneigentliche / sekundäre Varianten*) [с. 9], распространенные также в Южной Германии (в Баварии, в Верхнем Пфальце) и в Швейцарии.

Целью исследования является выяснение, насколько полицентричная модель современного немецкого языка признается молодым поколением австрийцев (20–40 лет). С 1 апреля по 30 октября 2014 г. был проведен социолингвистический опрос образованной молодежи (имеющей аттестат зрелости или закончившей университет) в Вене и Граце, а также в нескольких федеральных землях Австрии. Сравнивались языковые формы не только в соседних федеральных землях (например, Нижней и Верхней Австрии), но и географически отдаленных (например, Зальцбурга и Бургенланда). При этом учитывается факт кодификации этих языковых форм в «Австрийском словаре»² и в «Словаре национальных вариантов литературного немецкого языка»³. Акцент делается на оценке молодыми австрийцами их родного языка или диалекта и литературного немецкого языка в его австрийском варианте.

В главе «Дискуссия о немецком языке после 1945 года», которой предпослан эпиграф «Ничто не различает так австрийцев и немцев, как их общий язык»⁴, излагается история формирования понятия «национальный вариант языка», причем подчеркивается

¹ Например, *Obers* «сливки» (ср. нем. *Sahne*), *Topfen* «творог» (ср. нем. *Quark*), *Ribisel* «смородина» (ср. нем. *Johannisbeeren*), *Weichseln* «вишня» (ср. нем. *Sauerkirschen*). – *Прим. ред.*

² *Österreichisches Wörterbuch* / Hrsg. Pabst Chr. M. – Wien, 2018. – 1062 S.

³ *Variantenwörterbuch des Deutschen: Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol* / Ammon U., Bickel H., Ebner J. et al. – B.; N.Y., 2004. – LXXV, 954 S.

⁴ *Zeman D. Überlegungen zur deutschen Sprache in Österreich.* – Hamburg, 2009. – S. 13.

значительный вклад советских лингвистов Э.Г. Ризель и А.И. Домашнева в разработку этой проблемы. Дается аналитический обзор концепций полицентричного языка и выделяются три точки зрения на это понятие: 1) национально-австрийская (*österreichisch-nationaler Standpunkt*): австрийский немецкий считается самостоятельным языком (Р. Мур, М. Кляйн, Г. Мёкер, В. Поллак, Р. Водак); 2) интегративно-немецкая (*deutsch-integrativer Standpunkt*): существование австрийских особенностей немецкого языка отрицается, так как многие австрицизмы присутствуют и в южно-немецком регионе и неизвестны в западной Австрии (Н.Р. Вольф, Г. Шойрингер, Г.Д. Поль); 3) интегрально-австрийская (*österreichisch-integraler Standpunkt*): немецкий язык в Австрии является суммой отдельных географически разрозненных языковых явлений, соответствующих, однако, общеавстрийской норме (П. Винцингер, Р. Шрот).

Глава «Немецкий язык в Австрии» концептуально основана на теории полицентричности немецкого языка (У. Аммон¹), согласно которой различаются немецкие национальные языковые центры (*Vollzentren*) (Германия, Австрия, немецкоязычная Швейцария), в которых немецкий язык кодифицирован, и языковые полцентры (*Halbzentren*), где немецкий язык не кодифицирован (Лихтенштейн, Люксембург, Восточная Бельгия и Южный Тироль). Констатируется существование континуума основных форм существования немецкого языка – диалектов и литературного стандарта (*Dialekt-Standard-Kontinuum*) [с. 29]. Отмечается особая языковая ситуация в федеральной земле Форарльберг, где алеманский диалект особенно сильно отличается от других австрийских (баварских в своей основе) диалектов. В Форарльберге существует особая форма диалектного обиходно-разговорного языка «беделе» (*Bödele*) как основного средства бытового общения, причем во всех социальных слоях населения, т.е. использование диалекта не является средством социального маркирования и дистанцирова-

¹ Ammon U. Die nationalen Varietäten des Deutschen im Spannungsfeld von Dialekt und gesamtdeutschen Standard // Muttersprache: Vierteljahresschrift für deutsche Sprache. – Wiesbaden, 1996. – H. 106. – S. 243–249; Variantenwörterbuch des Deutschen: Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol / Ammon U., Bickel H., Ebner J. et al. – B.; N.Y., 2004. – S. XXXI–LXXXV.

ния. Таким образом, О. Брженек констатирует высокий престиж диалекта в Форарльберге, что делает языковую ситуацию в этой федеральной земле похожей на таковую в соседней Швейцарии. «И тем не менее Форарльберг не является языковым продолжением Швейцарии на австрийской земле. Здесь чаще, чем в немецкоязычной Швейцарии, используется литературный стандарт или близкие к нему языковые формы и, разумеется, здесь приняты многие австрицизмы, особенно в официальном общении» [с. 37].

Описываются грамматические признаки австрийского варианта немецкого языка (системы имени существительного, прилагательного, глагола, предлогов), зафиксированные в австрийском языковом кодексе, кратко охарактеризованном в главе «Кодификация австрийского литературного языкового стандарта».

В следующих двух главах («Методика и проведение социолингвистического опроса» и «Методы оценки результатов») описываются использованные методы и цели социолингвистического исследования, опросный лист (300 опросников) и параметры оценки результатов (социальное происхождение, возраст, пол, семейное положение, образование, профессия, отношение к родному языку и его оценка). Сформулирован основной тезис проведенного опроса: «Частотность единиц, кодифицированных как общеавстрийские, в реальности неодинакова в различных федеральных землях» [с. 52].

Задавались следующие вопросы. 1. Можно ли назвать немецкий язык в Австрии не немецким, а австрийским? Ответы: да – 42%, нет – 58%. 2. Как Вы относитесь к диалектной речи? Ответы: положительно – 31%, отрицательно – 1, зависит от ситуации – 68%. 3. Используете ли Вы диалект? Ответы: да – 81%, нет – 19%. 4. На каком языке Вы говорите в быту? Ответы: на обиходно-разговорном языке – 67%, на диалекте – 27, на литературном языке – 5%. 5. Где используется сегодня литературный язык? Ответы: в университете – 39%, в театре, на телевидении, на радио – 36, в официальной сфере – 16, нигде – 9%.

Результаты опроса обрабатывались с применением методов дескриптивной статистики и дескриптивного анализа, представленные в виде таблиц и диаграмм.

В заключении указывается, что молодое поколение австрийцев склонно к замене австрицизмов общенемецкими лексемами,

например: австр. *Erdäpfel* «картошка» → нем. *Kartoffeln*, австр. *Kasten* «шкаф» → нем. *Schrank*, австр. *Spital* «больница» → нем. *Krankenhaus*. Причину этого автор видит во влиянии СМИ, например в трансляции зарубежных фильмов в том варианте немецкого языка, который используется в ФРГ, в широком распространении книг, издаваемых также в ФРГ.

Н.Н. Трошина

ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ПЕРЕВОД, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

2020.01.012. М.Б. РАРЕНКО. К ПРОБЛЕМЕ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА. (Обзор).

Ключевые слова: язык; семантика; изменение; оригинал; перевод; адекватность; дискурсивный маркер; функциональный эквивалент; субтитрование; дубляж; переводческие трансформации; художественный перевод; лексикография; двуязычные словари.

Проблема адекватности перевода по-прежнему остается одной из центральных в переводоведении. В статье И.Ф. Беляевой и Г.Т. Хухуни «Семантические изменения лексических единиц и проблема адекватности перевода» рассматриваются проблемы, связанные с семантическими сдвигами в исходном и переводном языке и необходимостью их учета при оценке адекватности перевода. Отмечается, что в подобных случаях современное употребление таких единиц и отражающие последнее словари могут стать причиной их неверного понимания и приводить к неадекватной интерпретации текста.

Авторы отмечают, что неадекватности при переводе могут произойти даже при передаче произведений, созданных (по отношению ко времени перевода) относительно недавно, то тем более не исключено их появление при осуществлении диахронического (хронологического) перевода, когда временная дистанция между созданием подлинника и перевода становится значительной, в силу чего некоторые слова могут приобретать новые значения, утрачивая старые.

В качестве примера авторы приводят историю со словом *пошлый* в русском языке, подробно исследованную отечественными учеными, в частности В.В. Виноградовым¹, которое в своем основном современном значении («Низкий в нравственном отношении; безвкусно-грубый») стало известно с XVIII в., а до этого времени понималось как «старинный, исконный, искони принадлежащий, прежний, обычный».

По мнению авторов, наиболее показательные иллюстрации случаев, когда семантический сдвиг существенным образом влияет на восприятие переводного текста, можно обнаружить при анализе версий Священного Писания, которое неоднократно подвергалось переводу на протяжении истории (например, число английских переводов приближается к нескольким сотням). Переводы Священного Писания дают возможность судить об изменениях как принципов его передачи, так и конкретных решений, обусловленных названным процессом.

В реферируемой статье авторы обращаются к русским переводам Священного Писания. Первая полная русская Библия появилась гораздо позднее европейских – в 1876 г. и рассматривалась как вспомогательная по отношению к принятой до сегодняшнего дня в богослужении Библии церковнославянской. Работа над ней началась за шесть десятилетий до того и была надолго прервана по независящим от авторов причинам, а происходившие как раз в этот период процессы, связанные с формированием русского литературного языка, в тексте Синодального перевода почти не отразились, что сказалось и на его лексическом составе, т.е. в определенном отношении к моменту своего опубликования он уже содержал в этом плане возможность неверной интерпретации читателями. Перевод представляет особый интерес, поскольку этот перевод, с одной стороны, призван был облегчить знакомство со Священным Писанием тем, для кого церковнославянский текст был малопонятен, а с другой – не должен был слишком резко контрастировать с последним. И, наконец, вплоть до конца XX столетия этот перевод оставался, по существу, единственной русской Библией, относительно (хотя и мало) доступной отечественному

¹ Виноградов В.В. История слов. Пошлый. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/198>. (Дата обращения 29.01.2019).

читателю, причем налет архаичности с течением времени неизбежно усиливался.

На некоторые неадекватности, содержащиеся в этом переводе Священного Писания, обращали внимание не только специалисты в области теории перевода (прежде всего, естественно, библейского), но и представители Русской православной церкви.

И речь идет, в первую очередь, о вызванной сдвигом семантики неверной интерпретации *номинативного значения* тех или иных лексем, но также не исключены и случаи изменения *значения коннотативного*, придающего тексту вместо ожидаемой высокой сниженную окраску. В качестве примера авторы приводят показательный в этом отношении известный случай, когда при осуществлявшейся в начале позапрошлого столетия работе Российского библейского общества по переводу Священного Писания, передавая один из псалмов Давида, переводчики сочли имеющееся в нем слово «улыбается» недостаточно подходящим для библейского текста и предложили заменить его словом «осклабляется», мотивируя данное решение тем, что последнее, «яко славянское более приличествует здесь, нежели улыбаться». Церковнославянская лексика в своем большинстве воспринималась (как и сегодня) в первую очередь как средство создания именно *возвышенного стиля*. Современные же словари русского языка квалифицируют данную лексему как имеющую *просторечный* характер.

В связи с вышеуказанным, возникает опасность явления, известного как «лингвистический шок», т.е. столкновения с языковыми элементами, выглядящими, с точки зрения носителя языка, смешно и / или неприлично, что при переводе сакрального текста представляется особо нежелательным.

В заключение авторы отмечают, что при рассмотрении вопроса о способе передачи тех или иных фрагментов в различных переводах необходимо принимать во внимание как время их создания, так и процессы, происходившие в соответствующую эпоху в языке.

А.А. Блюднева в статье «Функциональная эквивалентность в переводе дискурсивного маркера *you know* на русский язык при субтитровании и дубляже художественных фильмов» обращается к проблеме текстовых и межличностных функций дискурсивного маркера *you know* в кинодиалоге, а также средствам его функцио-

нального перевода при субтитровании и дубляже фильмов. В исследовании субтитрованные и дублированные версии фильмов сравниваются по доле опущения маркера и доле функциональных потерь.

Автор статьи отмечает, что коммуникация, главная цель которой состоит в передаче информации от одного лица другому, представляет собой чрезвычайно сложный процесс, и для того чтобы обеспечить полное и адекватное восприятие сообщаемых фактов адресатом, адресанту нередко приходится прибегать к различным *вспомогательным средствам*, которые несут дискурсивно-прагматическую, а не фактическую информацию.

Дискурсивные маркеры представляют собой *транскатегориальный* класс единиц, к которому относятся слова разных лексико-грамматических категорий – частицы (*oh, um*), наречия (*just, only*), союзы (*however*) – а также свободные сочетания слов (*in a way, so to speak*) и предикативные конструкции (*if you like, I mean, you know*).

Указанные выше языковые единицы являются *грамматически факультативными*, т.е. они слабо связаны с синтаксической структурой предложения и могут быть изъяты без вреда для его структурной целостности. Более того, эти единицы не вносят вклад в информативное содержание высказывания, но наделены определенным *прагматическим значением* – служить средством выражения коммуникативной установки адресанта.

Из вышесказанного следует, что, являясь носителем прагматического значения, маркеры, с одной стороны, выполняют текстовую функцию – организуют и структурируют дискурс, устанавливают отношения связности и целостности между его частями, а с другой – выполняют межличностную функцию – регулируют межличностные отношения собеседников, выражают отношение адресанта к содержанию высказывания, адресату и ситуации общения.

В силу своей природы, перевод дискурсивно-прагматических единиц требует к себе иного подхода, нежели перевод денотативных единиц. Прагматическое значение маркеров уточняется в зависимости от контекста, применительно к их переводу можно говорить не о постоянных межязыковых соответствиях, а о *контекстуальных речевых соответствиях*. При переводе маркера

необходимо исходить из того, что в данном речевом контексте подбираемые средства передачи маркера должны обладать тождественным прагматическим значением. Автор статьи отмечает, что в коммуникативном контексте дискурсивный маркер исходного текста и средства его перевода должны выполнять эквивалентную функцию, или быть *функциональными эквивалентами*.

Реферируемая статья посвящена одному из наиболее частотных разговорных маркеров английского языка – маркеру *you know* и его переводу на русский язык.

В статье отмечается, что прагматическое значение данного маркера состоит в том, чтобы указать на наличие *воображаемого общего знания* [между адресантом и адресатом].

Особенности функционирования данного дискурсивного маркера были исследованы на материале 11¹ англоязычных художественных фильмов, снятых в период с 1997 по 2017 г., в которых встретилось 77 случаев использования дискурсивного маркера *you know*. При определении контекстуальной функции – текстовой или межличностной – дискурсивного маркера А.А. Блюднева опиралась на следующие лингвистические: интонационно-просодический контур высказывания, тип высказывания, позиция маркера в высказывании, его ближайшее окружение и сочетаемость – и экстралингвистические параметры: мимика и язык тела коммуникантов, их социальный статус, образование, эмоциональное состояние и межличностные отношения. В результате проведенного лингвистического и экстралингвистического анализа в каждом случае определялась функция дискурсивного маркера *you know*.

¹ 1. Шоссе в никуда (*Lost Highway*, Д. Линч, 1997), детектив, триллер; 2. О, где же ты, брат? (*O Brother, Where Art Thou?*, Дж. Коэн, И. Коэн, 2000), приключения, комедия, мюзикл; 3. Бесславные ублюдки (*Inglourious Basterds*, К. Тарантино, 2009), приключения, военная драма; 4. Драйв (*Drive*, Н.В. Рефн, 2011), криминальная драма; 5. Бёрдмэн (*Birdman, or (The Unexpected Virtue of Ignorance)*, А.Г. Иньярриту, 2014), комедия, драма; 6. Одержимость (*Whiplash*, Д. Шазелл, 2014), музыкальная драма; 7. Да здравствует Цезарь! (*Hail, Caesar!*, И. Коэн, Дж. Коэн, 2016), комедия, детектив; 8. Ла-Ла Ленд (*La La Land*, Д. Шазелл, 2016), комедия, драма, музыка, мюзикл, мелодрама; 9. Бегущий по лезвию 2049 (*Blade Runner 2049*, Д. Вильнёв, 2017), драма, детектив, научная фантастика, триллер; 10. Леди Бёрд (*Lady Bird*, Г. Гервиг, 2017), комедия, драма; 11. Проект «Флорида» (*The Florida Project*, Ш. Бэйкер, 2017), драма.

Далее анализировались средства перевода данного маркера на русский язык в субтитрах и дубляже.

В результате анализа текстов оригиналов и их переводов на русский язык было установлено, что частота использования маркера *you know* в рассматриваемых фильмах варьируется от 0,12 («Ла-Ла Ленд») до 0,0057 употреблений («О, где же ты, брат?») на 100 слов диалога и в среднем составляет 0,06. В 51 из 77 случаев маркер выполняет текстовую функцию, в межличностной функции маркер используется в 26 случаях.

Автором статьи были выявлены следующие текстовые функции маркера *you know*.

1. Смена коммуникативных ролей. *You know* обозначает коммуникативный шаг одного из собеседников: с помощью маркера адресант берет слово, обозначает начало своего высказывания. В данной функции маркер используется в начале высказывания, с восходящей интонацией, нередко после маркера следует пауза; *A: Look at me. – B: You know, || I've always dreamed of being a Broadway actress... (Бёрдмэн, 00:46:22).*

Маркер смены роли используется в англоязычном диалоге чаще всего (22 единицы), при этом как при субтитровании, так и при дубляже переводится 54,5% этих единиц. Ни в субтитрах, ни в дубляже значительный процент опущения маркера не приводит к функциональным потерям, так как зритель ориентируется в смене коммуникативных ролей, следя за невербальным компонентом фильма. Как предлагает автор статьи, маркер смены роли необходимо переводить только в том случае, если это не приводит к нарушению пространственно-временных рамок субтитрования и не вредит синхронному звучанию ИТ и дублированного ПТ. При передаче маркера смены роли переводчик нередко прибегает к буквальному переводу с помощью форм глагола «знать» (например, «знаешь», «знаете»), часто в комбинации с личным местоимением («ты знаешь»), а также союзом («а знаете») или частицей («ну, ты знаешь»). Функциональными эквивалентами также являются формы глаголов «смотреть» («смотри») и «слушать» («слушай»), обращения и частицы («ну», «просто»).

2. Указание на смену темы разговора. Маркер смены темы также используется в начале высказывания, с восходящей интонацией, и за ним может следовать пауза: *A: I guess you won't be going*

to any dances in college. This is our last one. || You know, || Davis has a terrific theater (Леди Бёрд, 01:06:26).

Маркер смены темы встречается в оригинальном саундтреке 9 раз, и в подавляющем большинстве случаев в тексте субтитров и дубляжа ему соответствует эквивалент – в 88,9 и 77,7% случаев соответственно. В качестве функциональных эквивалентов выступают единицы русского языка, используемые для смены темы разговора: формы глагола «знать» («знаешь», «знаете»), частицы «ну-ка», «ведь», «и вообще», «да», «же» и союзы «а», «но».

3. Пояснение. Маркер пояснения используется как средство уточнения предшествующего фрагмента дискурса. Маркер пояснения используется в начале или в середине высказывания, оформляется с помощью восходящей интонации, и за ним следует пауза: *A: Hey! How'd you get into all this? You know, movies, acting... (Ла-Ла Ленд, 00:40:40).*

В оригинальном саундтреке встретилось восемь маркеров пояснения, для значительной доли из них были найдены соответствия в русскоязычных субтитрах и дубляже – в 62,5 и 50% случаев соответственно. В качестве функциональных эквивалентов маркера пояснения выступают следующие средства русского языка – формы глагола «понимать» («понимаешь», «понимаете»), свободное сочетание слов «в том числе» и частица «ну».

4. Поиск формы выражения мысли. Маркер поиска выражения помогает адресанту взять паузу для выбора подходящего слова или выражения. Как правило, маркер поиска выражения используется в середине предложения, оформляется с помощью восходящей интонации и с двух сторон выделяется паузами: *A: She's not crazy, she's just, || you know, || she has a big heart. She's very warm (Леди Бёрд, 00:44:07).*

Маркер поиска выражения встречается в оригинальном саундтреке 11 раз, в субтитрах и дубляже он переведен в 63,6 и 36,36% случаев соответственно. В качестве функциональных эквивалентов используются формы глагола «понимать» («понимаешь», «понимаете»), а также частицы «как бы», «короче», «вроде» и «в смысле».

5. Ввод примера, иллюстрирование той информации, которая сообщалась в предшествующем фрагменте дискурса. В анализируемых фильмах встретился только один маркер ввода примера:

он используется в начале высказывания, оформляется с помощью восходящей интонации, и ему предшествует пауза: *A: I'm using the Studio Band playlist. || You know, «Caravan», «Whiplash» (Одержимость, 01:22:26)*. Ни в субтитрах, ни в тексте дубляжа маркер ввода примера переведен не был, что, однако, не приводит к функциональной потере, так как значение опущенного маркера легко восстанавливается зрителем из предшествующего контекста фильма. В дубляже этому также способствует перечислительная интонация.

Автор статьи отмечает, что помимо текстовых функций, маркер *you know* выполняет ряд межличностных функций.

1. Призыв к солидарности со стороны собеседника. Как правило, маркер призыва к солидарности используется в конце предложения, с восходящей интонацией, оформляется в виде вопроса, и ему предшествует пауза: *A: Some people aren't built happy, || you know? (Леди Бёрд, 01:11:01)*.

В оригинальном саундтреке А.А. Блюднева выявила 14 случаев использования маркера призыва к солидарности, в субтитрах и дубляже маркер переводится в 71,4 и 64,3% случаев соответственно. Чаще всего в качестве функциональных эквивалентов выступают формы глаголов «понимать» («понимаешь», «понимаете»), «знать» («знаешь», «знаете»), «видеть» («видишь»), а также частицы «ведь», «правда» и «же».

Автор статьи отмечает, что при переводе маркера призыва к солидарности в субтитрах наблюдается значительное количество функциональных потерь (в пяти из 14 случаев): а) связанные с неоправданным опущением маркера в переводе, в результате чего переводное высказывание выглядит формально и в нем отсутствует какое-либо указание на то, что персонаж ищет понимание у собеседника; и б) обусловленные тем, что переводчик неверно определяет функцию маркера в ИТ и, следовательно, подбирает неправильный функциональный эквивалент.

2. Повышение категоричности речи. Маркер повышения категоричности речи, как правило, используется в финальной позиции, с нейтральной или нисходящей интонацией и не выделяется паузой:

A: Well, whatever, all right? It's just time to grow up, you know! (Ла-Ла Ленд, 01:22:04). С его помощью адресант подчеркивает свою убежденность в содержании высказывания.

В оригинальном саундтреке маркер повышения категоричности речи использовался 6 раз, в субтитрах и дубляже он переводился в 66,6 и 16,6% случаев соответственно. Автор статьи отмечает, что средства, подбираемые для перевода маркера в субтитрах, в половине случаев оказываются неадекватными и приводят к функциональной потере. К таким неадекватным средствам межъязыковой передачи относятся: а) буквальный перевод («знаешь», «ты знаешь»); б) неправильное определение функции маркера: например, переводчик идентифицирует функцию *you know* как призыв к солидарности и переводит маркер как «понимаешь», что приводит к изменению тональности высказывания с категоричной и раздраженной на доверительную.

3. Понижение категоричности речи. Маркер используется как средство смягчения силы высказывания и как инструмент вежливости в конфликтных ситуациях. Маркер понижения категоричности речи употребляется в середине или в конце предложения, с нейтральной или восходящей интонацией, и выделяется паузой с одной (после маркера) или обеих сторон: *A: I know that's not, || you know, || enough, but I'm just really sorry* (Одержимость, 01:23:41).

Маркер понижения категоричности речи встретился в оригинальном саундтреке 4 раза, при этом в субтитрах и дубляже он переводился в 25 и 75% случаев соответственно. То обстоятельство, что в субтитрах маркер в большинстве случаев опускается, приводит к функциональным потерям: переводное высказывание выглядит формально, невежливо и даже грубо. При дубляже опущение маркера не приводит к функциональной потере благодаря интонационной игре актеров. Наиболее удачные функциональные эквиваленты – «мне кажется», «да так», «я знаю, что..., но».

4. Уклонение от сообщения информации. Маркер в этой функции используется в финальной позиции, с восходящей интонацией и выделяется паузами с обеих сторон: *A: How's it going with the smoking, dear? – B: Oh, || you know...* (Да здравствует Цезарь!, 01:07:32).

Маркеры уклонения от сообщения информации – это самая малочисленная группа межличностных маркеров: в оригинальном

саундтреке встретилось всего два случая употребления *you know* в этой функции. Как в субтитрах, так и в тексте дубляжа в обоих случаях маркер переведен на русский язык, причем переводчикам удалось подобрать адекватные средства перевода. Наиболее удачные функциональные эквиваленты – «ну, так», «ну, это», «понимаешь».

В заключение автор статьи отмечает, что в рассматриваемом корпусе художественных фильмов дискурсивный маркер *you know* выполняет текстовые (смена роли, смена темы, пояснение, поиск выражения и ввод примера) и межличностные функции (призыв к солидарности, повышение и понижение категоричности речи и уклонение от сообщения информации). Дискурсивный маркер *you know* чаще опускается в тексте дубляжа, чем в субтитрах: текстовые маркеры опускаются в 47%, а межличностные в 42,3% случаев (для сравнения, в субтитрах – в 37,3 и 34,6% случаев соответственно), что, по мнению А.А. Блюдневой, связано с общей тенденцией дублированного перевода отклоняться от оригинального текста в интересах естественности звучания.

Передача маркера в субтитрах нередко приводит к функциональным потерям: доля функциональных потерь составляет 7,8 и 42,3% при передаче текстовых и межъязыковых маркеров соответственно. К функциональным потерям приводит неоправданное опущение маркера, а также неправильное определение функции маркера и, как следствие, выбор неадекватного средства перевода. Потеря коммуникативного эффекта значительно чаще происходит при межъязыковой передаче межличностных, чем текстовых маркеров.

Несмотря на то, что маркеры чаще опускаются при дублировании, в тексте дубляжа не удалось обнаружить ни одной функциональной потери при передаче текстовых и межличностных маркеров. По мнению автора, залогом сохранения коммуникативного эффекта в дублированных фильмах является то, что актеры, озвучивающие текст перевода, могут использовать интонационно-просодические средства, чтобы показать связь частей дискурса и отношение персонажа к содержанию высказывания, собеседнику или ситуации общения.

В статье Л.Ю. Губочкиной «Трансформационные способы художественного перевода и их роль в развитии лексикографии»

рассматривается проблема использования переводческих трансформаций в художественных произведениях. Основной целью работы является исследование лексико-семантических способов перевода и изучение их влияния на развитие лексикографии.

Лексикография как лингвистическая наука имеет тесную связь с теорией и практикой перевода, поскольку именно практика перевода, в результате которой образуются новые словарные соответствия, является одним из главных источников пополнения состава словаря. Однако, следует отметить, что, с одной стороны, двуязычные словари обеспечивают основную работу переводчика в момент процесса преобразования текста с одного языка на другой, а с другой – не всегда словарь может содержать всю необходимую информацию, не всегда возможно подобрать словарный эквивалент.

Словарь не учитывает контекстуальное окружение той или иной лингвистической единицы или сопоставление экстралингвистической информации в тексте, поэтому переводчику приходится прибегать к различным видам переводческих преобразований, на основе которых и образуются новые словарные соответствия. Согласно мнению М.Я. Цвиллинга, двуязычный словарь располагает не только соответствиями-эквивалентами, но и такими единицами, которые вошли в его состав путем использования трансформационных способов перевода: калькирования, транскрибирования, генерализации и конкретизации, десемантизации и дифференциации значений, синонимического и антонимического способов перевода¹.

На примере сказки О. Уайльда автор статьи показывает взаимосвязь между трансформационными способами перевода языковых единиц и их влиянием на появление новых словарных значений.

Так, встречающееся в тексте сказки словосочетание *our warm fire* на русский язык переводится как наш теплый очаг. Автор статьи отмечает, что в словаре Ю.Д. Апресяна² сочетание *warm fire* определяется как *огонь, пламя*, а в переводе словосоче-

¹ Цвиллинг М.Я. О некоторых принципах составления переводных словарей // Тетради переводчика. – М., 1983. – Вып. 20. – С. 86–90.

² Апресян Ю.Д. Новый большой англо-русский словарь. – 5-е изд. – М., 2000. – С. 767.

тание подвергается трансформационному изменению. Таким образом, появляется новое соответствие, не входящее в состав словаря, но выделенное переводчиком на основе преобразований.

Автор также отмечает, что благодаря контекстуальному окружению слова многие полисемантические существительные и глаголы в английском языке приобретают новое лексическое значение, тем самым, теряя основное, т.е. происходит процесс десемантизации слов, представляющий особый интерес для переводчиков и лексикографов и заключающийся в том, что объем значений слова оказывается широким, т.е. слово имеет несколько значений, и в этом случае переводчик не может руководствоваться каким-либо одним значением или хотя бы ограниченным набором значений такого слова. Автор перевода вынужден опираться на контекст в момент преобразования текста, а это неизменно влечет за собой необходимость применения переводческих приемов, одним из которых является языковая конкретизация. В качестве примера автор статьи приводит английское существительное *thing*, приобретающее значение в зависимости от конкретной ситуации. Так, в одном случае *thing* переводится как *фраза*, в другом – *речи, вопросы*. ...if you say the same *thing* over and over great many times, it becomes true¹. ...если повторять одну и ту же *фразу* много раз подряд, она в конце концов станет истиной².

...but Hans never troubled his head about *these things*, and nothing gave him great pleasure than to listen to *all the wonderful things* the Miller used to say about the unselfishness of true friendship³. ...Но Маленький Ганс никогда не ломал головы над *подобными вопросами*, и ничто не доставляло ему такого удовольствия, как вслушиваться в *те восхитительные речи*, которые произносил Мельник о самопожертвовании истинной дружбы⁴.

¹ Wilde O. «The Happy Prince» and other fairy tales. – М.: Радуга, 2001. – P. 44.

² Уайлд О. Счастливый принц и другие сказки. – М.: Радуга, 2001. – С. 189.

³ Wilde O. «The Happy Prince» and other fairy tales. – М.: Радуга, 2001. – P. 32.

⁴ Уайлд О. Счастливый принц и другие сказки. – М.: Радуга, 2001. – С. 174.

В заключение автор отмечает, что сопоставительные исследования в области переводоведения и лексикографии являются основным источником пополнения состава двуязычных словарей. Практика перевода и его комментариев представляют особый интерес для исследователей-лексикографов. С помощью сравнительно-сопоставительного анализа единиц перевода появляются новые словарные значения, появляются единицы с различными лексическими оттенками, а трансформационные способы перевода, в результате которых происходит обновление семантического значения языковой единицы, играют огромную роль в развитии лексикографии.

Список литературы

Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т. Семантические изменения лексических единиц и проблема адекватности перевода // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф [Электрон. текстовые дан. (15,6 Мб)]: Сборник статей по материалам Междунар. науч.-практич. конф. памяти д-ра филол. наук, проф. Юрия Николаевича Марчука (г. Москва, 1–2 марта 2019) / редкол.: отв. ред. Валуйцева И.И., отв. сек. Савченко Е.П., ред. англ. текста Улиткин И.А.; под общ. ред. Валуйцевой И.И. – М.: ИИУ МГОУ, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 79–88.

Блюднева А.А. Функциональная эквивалентность в переводе дискурсивного маркера you know на русский язык при субтитровании и дубляже художественных фильмов // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф [Электрон. текстовые дан. (15,6 Мб)]: Сборник статей по материалам Междунар. науч.-практич. конф. памяти д-ра филол. наук, проф. Юрия Николаевича Марчука (г. Москва, 1–2 марта 2019) / редкол.: отв. ред. Валуйцева И.И., отв. сек. Савченко Е.П., ред. англ. текста Улиткин И.А.; под общ. ред. Валуйцевой И.И. – М.: ИИУ МГОУ, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 93–101.

Губочкина Л.Ю. Трансформационные способы художественного перевода и их роль в развитии лексикографии // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф [Электрон. текстовые дан. (15,6 Мб)]: Сборник статей по материалам Междунар. науч.-практич. конф. памяти д-ра филол. наук, проф. Юрия Николаевича Марчука (г. Москва, 1–2 марта 2019) / редкол.: отв. ред. Валуйцева И.И., отв. сек. Савченко Е.П., ред. англ. текста Улиткин И.А.; под общ. ред. Валуйцевой И.И. – М.: ИИУ МГОУ, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 200–203.

2020.01.013. М.Б. РАРЕНКО. К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ СЛОВАРЕЙ В ПОМОЩЬ ПЕРЕВОДЧИКАМ. (Обзор).

Ключевые слова: лексикография; переводческий словарь; научно-технический перевод; общенаучная лексика; переводной эквивалент; семантические поля; толковые словари; переводные словари; полисемия.

Л.И. Борисова в статье «Об опыте создания переводческого словаря-справочника общенаучной лексики» дает анализ специального словаря-справочника для профессиональных переводчиков, включающего общенаучные слова, которые вызывают трудности в процессе научно-технического перевода; специфические общенаучные эквиваленты этих слов, часто отсутствующие в общих словарях; иллюстративные примеры (контексты) с этими лексическими единицами из англо-русских переводов.

Автор статьи отмечает, что создание переводческого словаря-справочника общенаучных неологизмов было обусловлено потребностями двуязычной научно-технической коммуникации: в процессе профессионального научно-технического перевода постоянно возникают затруднения при передаче значений общенаучных лексических средств, с помощью которых описываются объекты, процессы и явления в любом подязыке науки и техники.

Редко возникающие переводческие ошибки связаны как со случаями неправильного перевода терминов, так и неверной передачи общенаучных слов (слов-терминов), причем последние, по свидетельству автора статьи, существенно преобладают. Особое внимание следует обращать на перевод общенаучных лексических средств, поскольку большой процент переводческих ошибок приходится именно на них. Важность исследований общенаучной лексики и научно-исследовательских текстов определяется и тем, что эта лексика составляет большой процент лексического состава языка науки и техники. Как отмечает Л.И. Борисова, результаты многих статистических исследований показывают, что доля терминов узкой предметной области, т.е. собственно терминов, не превышает 25%, в то время как более 75% лексики составляют слова-нетермины (общенаучные и общеупотребительные слова), т.е. слова, которые обслуживают и другие предметные области.

Следует отметить, что основные трудности перевода общенаучной лексики вызваны тем, что актуальная (реальная, контекстная) семантика этой лексики еще недостаточно изучена и неадекватно описана в лексикографических источниках. Анализ употреблений общенаучной лексики и выявление переводческих эквивалентов общенаучных слов осуществлялись на протяжении последних 40 лет в процессе сопоставительного анализа научно-технических переводов с учетом нашего опыта перевода научно-технических текстов.

Словарь-справочник Л.И. Борисовой и В.А. Загородней «Англо-русский словарь общенаучной лексики»¹ решает частную задачу двуязычной научно-технической лексикографии – дает рекомендации по переводу общенаучной лексики, вызывающей затруднения при переводе. По своему назначению он является переводческим словарем и предназначается прежде всего переводчикам-профессионалам научно-технической литературы. Автор статьи отмечает, что такая ориентация словаря обусловила как соответствующий отбор лексики, так и ее двуязычное описание. В словарь включены трудные для перевода английские общенаучные слова и дана их семантизация в помощь русских переводных эквивалентов, которые можно непосредственно использовать в процессе профессионального научно-технического перевода. По своему типу словарь относится к словарям-справочникам. С помощью словаря можно получить справку о возможных способах перевода слов-нетерминов (лексического окружения терминов), которые зачастую не отражены в общих переводных англо-русских словарях. Словари-справочники являются словарями не предписывающего, а описывающего типа.

В основу разработки словаря описывающего типа положены два актуальных для современной лексикографии принципа: тезис о создании словаря, адекватного действительности, и идея функционально-стилистической перспективы создания словарей.

Включенные в словарь общенаучные слова в основном представляют собой семантические неологизмы (известные слова в новых общенаучных значениях) и новые семантические упот-

¹ Борисова Л.И., Загородняя В.А. Англо-русский и русско-английский словарь-справочник общенаучных неологизмов. – М.: Тезаурус, 2010. – 583 с.

ребления лексики (новые употребления в научно-технических контекстах известных слов). Принципиально новые слова – «неологизмы» (типа союза *iff*) составляют лишь небольшой процент лексики.

В переводческих словарях принят, как правило, алфавитный порядок расположения лексических единиц как наиболее удобный для переводчика. Семантизация слов в основном корпусе словаря-справочника проводится при помощи переводных эквивалентов, а также примеров. В качестве примеров использовался двуязычный иллюстративный материал (английские контексты и их русские переводы). Каждая словарная статья основного корпуса словаря содержит английское общенаучное слово, русские переводные эквиваленты, характерные для научно-технического перевода, а также примеры употребления общенаучного слова в контекстах с переводом этих контекстов на русский язык. Иллюстративные примеры представляют собой полные или усеченные предложения, а также примеры на сочетаемость. В каждом из этих текстовых отрезков выделены общенаучные английские слова (в английских примерах) и их русские переводные эквиваленты (в русских переводах примеров).

Как отмечает Л.И. Борисова, для более оптимального использования словарного материала в конце словаря-справочника помещены два указателя: английский содержит перечень английских заглавных слов основного корпуса словаря, и русский, содержащий русские переводные эквиваленты английских слов. Оба указателя имеют алфавитный порядок расположения слов с соответствующими страницами, по которым можно найти слово в основном корпусе словаря. За этими указателями следует раздел, включающий англо-русский словник неологизмов (английские общенаучные слова из основного корпуса словаря-справочника с их русскими эквивалентами, без примеров их употребления в контекстах).

Экземплификация заглавных общенаучных слов при помощи текстовых отрезков и их русских переводов (двуязычного иллюстративного материала), а также включение в структуру словаря двух указателей, позволяет использовать словарь-справочник при переводе с английского языка на русский и с русского языка на английский.

С.В. Гринев-Гриневи́ч в статье «Некоторые проблемы отражения мира в словарях» рассматривает проблемы представления мира в семантических полях и полисемии в толковых и переводных словарях.

Исследователь отмечает, что одним из наиболее актуальных направлений в современной лингвистике стали исследования языковой картины мира. Наиболее ярко особенности языковой картины мира проявляются на уровне лексики языка, поэтому изучение исторического развития языковой картины мира может послужить основой реконструкции эволюции сознания человека.

Однако, как отмечает автор статьи, такой проект трудно реализуем в связи с исключительной трудоемкостью такой работы – словарь современных развитых языков насчитывает сотни тысяч лексем, поэтому эта проблема может быть решена разбиением общей лексической картины мира на отдельные фрагменты, предметные области, которые могут быть представлены в виде семантических полей.

К настоящему времени накоплен большой опыт исследований семантических полей, отраженный в сотнях диссертационных исследований и статей, а также нескольких монографиях. С.В. Гринев-Гриневи́ч отмечает, что сложившаяся соответствующая терминология употребляется непоследовательно. Разные авторы одно и то же понятие называют *семантическим полем*, *понятийным полем*, *лексическим полем*, *лексико-семантическим полем*, *словесным полем*, *лингвистическим полем*, *предметным полем*, *тематическим полем*, *концептуальным полем* и т.д. В то же время, как отмечается в статье, многие из этих терминов используются в разных значениях. Автор делает вывод о том, что эта терминология нуждается в упорядочении, без чего невозможно ясное представление об используемых понятиях.

Под *семантическим полем* обычно принято понимать фрагмент действительности, выделенный в человеческом опыте и имеющий в языке соответствие в виде автономной лексической системы. Фрагмент онтологической картины мира (фрагмент действительности, онтологическое поле) – *предметное поле* в сознании человека преломляется в семантическое поле, которое находит материальное выражение в языке в виде *лингвистического поля*. Очевидная разница между семантическим и лингвистическим по-

лами выражается в том, что одно и то же семантическое поле получает разное наполнение в лингвистических полях разных языков.

С.В. Гринев-Гриневиц предлагает в лингвистических полях различать поля *понятийные* – системы взаимосвязанных понятий, организованных вокруг центрального понятия и *лексические* – гнезда слов, производных от одного, объединяющего слова.

Понятийные поля, которые имеют наибольшее значение в терминоведении, делятся на гипонимические (или логические) – основанные на классификации понятий, например *болезнь – наследственная болезнь, инфекционная болезнь, кожная болезнь* и т.д. – и ассоциативные – основанные на психологических ассоциациях понятий, например *болезнь – симптомы, лечение, профилактика, лекарства, боль, здоровье* и т.д. Исследования показывают, что если при овладении специальностью важную роль играют гипонимические, иерархические отношения понятий, отраженные в учебниках, то в практике работы специалиста важнее ассоциативные отношения, которые являются более типичными для мышления специалиста. В обыденном мышлении понятийным полям соответствуют поля представлений. Лексические поля могут быть далее разделены на синонимические, антонимические, деривационные, синтагматические и т.д. С.В. Гринев-Гриневиц отмечает, что проблемой лексикологических исследований семантических полей является трудоемкость сбора материала. В 1990-е годы сбор лексики отдельных предметных областей для дипломных (свыше 50) и кандидатских (около десяти) исследований, проводимых в Московском педагогическом университете, осуществлялся путем сплошного просмотра словарей, что было весьма трудоемкой и долгой работой. В начале XXI в. в рамках лексических и антрополингвистических изысканий в России и Польше для скорейшего сбора лексического материала курсовых, дипломных, бакалаврских и магистерских исследований тематических групп лексики был разработан метод комплексного анализа синонимических семантических полей, что дает возможность использования в качестве источника английских словарей синонимов и значительно сокращает трудоемкость работы.

С.В. Гринев-Гриневиц отмечает, что проводимые в последнее время исследования толкований слов в толковых словарях позволили выявить скрытую полисемию, когда толкование слова

описывает несколько представлений. Например, в толковом словаре русского языка можно встретить толкования, указывающие на многозначность толкуемого слова: – *абонемент* – документ, предоставляющий право на пользование чем-н., какое-н. обслуживание, а также само такое право; – *агентство* – местное отделение какого-н. учреждения, а также название некоторых информационных, посреднических учреждений – *агентура* – разведывательная или сыскная служба.

Диахронические исследования терминологий позволили обнаружить еще одну разновидность скрытой полисемии – *разновременную скрытую полисемию*. При этом в ряде случаев первоначальное значение отличалось от современного – анализ истории появления терминов основных эмоций и развития их значений показал, что в половине случаев первоначальное значение было иным. В ряде случаев исходное значение – причина эмоции: *wonder* – нечто, вызывающее удивление, *fear* – опасность, то, что вызывает страх, *grief* – то, что причиняет страдание, *anger* – то, что причиняет боль или раздражение, *distress* – нажим, напряжение (причина страдания), *fun* – трюк, практическая шутка (причина веселья).

Исследования эволюции терминологии, отражающей эволюцию сознания и культуры человека, позволяют установить наличие исходной многозначности (первобытный полисемантизм), определяемой также как семантический синкретизм, поскольку в ряде случаев отдельные значения переплетаются.

По мнению автора статьи, развитие человеческого познания, в частности декларативных знаний (картины мира), совершается путем снятия *исходного синкретизма* первоначальных достаточно расплывчатых, широких значений слов, в которых не замечалась разница между, с современной точки зрения, различных представлений. В ходе более глубокого понимания окружающей действительности для отражения более конкретных представлений и понятий появляются новые слова, снижающие исходную скрытую многозначность большинства слов начального периода развития языка.

Проводимые в последнее время исследования толкований слов в толковых словарях позволили выявить скрытую полисемию, когда толкование слова описывает несколько представлений

или дефиниция термина фактически предполагает более одного понятия.

В области переводной лексикографии значительной нерешенной проблемой остается представление в словарях эквивалентных терминов. Правильный перевод иноязычных терминов в значительной степени определяет качество перевода, поэтому многое зависит от качества переводных словарей, используемых в научно-техническом переводе.

С.В. Гринев-Гриневиц полагает, что в том случае, если бы в переводном словаре каждому иноязычному термину соответствовал только один эквивалент, задача переводчика существенно упростилась бы, и одновременно был бы сделан огромный шаг в разработке промышленных систем машинного перевода, но изучение современных переводных словарей показывает, что проблема установления строгих соответствий терминов различных языков еще далека от своего решения.

Эффективность работы переводчика в большой мере зависит от качества словаря, большое значение приобретает проблема *искусственной полисемии* в переводных словарях. Во многих случаях переводимому термину в словарях соответствуют несколько терминов, часть из которых не являются эквивалентами исходного термина и приводят к ошибкам перевода. Для начинающегося переводчика ситуации, когда в переводном терминологическом словаре приводятся дополнительные неправильные эквиваленты, являются весьма опасными.

Автор статьи отмечает, что более 90% существующих переводных словарей содержат лишние и зачастую неправильные переводы. Даже в тех случаях, когда лишние варианты перевода являются точными соответствиями, они вызывают колебания переводчика, создают иллюзию различия между значением предлагаемых эквивалентов и приводят к замешательству переводчика. В особенности сложной становится ситуация при переводе с родного языка на иностранный.

В заключение С.В. Гринев-Гриневиц отмечает, что несмотря на погрешности и существующие недостатки, словари в целом дают полную и многообразную картину современного языка, отражающую образ мира в различные эпохи.

Список литературы

Борисова Л.И. Об опыте создания переводческого словаря-справочника общенаучной лексики // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф [Электрон. текстовые дан. (15,6 Мб)]: Сб. статей по материалам Междунар. науч.-практич. конф. памяти д-ра филол. наук, проф. Юрия Николаевича Марчука (г. Москва, 1–2 марта 2019) / редкол.: отв. ред. Валуйцева И.И., отв. сек. Савченко Е.П., ред. англ. текста Улиткин И.А.; под общ. ред. Валуйцевой И.И. – М.: ИИУ МГОУ, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 117–121.

Гринев-Гриневиц С.В. Некоторые проблемы отражения мира в словарях // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф [Электрон. текстовые дан. (15,6 Мб)]: Сборник статей по материалам Междунар. науч.-практич. конф. памяти д-ра филол. наук, проф. Юрия Николаевича Марчука (г. Москва, 1–2 марта 2019) / редкол.: отв. ред. Валуйцева И.И., отв. сек. Савченко Е.П., ред. англ. текста Улиткин И.А.; под общ. ред. Валуйцевой И.И. – М.: ИИУ МГОУ, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 190–199.

КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

2020.01.014. Е.О. ОПАРИНА. ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧИ ДО-НАЛЬДА ТРАМПА. (Обзор).

Ключевые слова: Дональд Трамп – речевой портрет; языковая личность; приемы политической риторики (лексические, синтаксические; фоностилистические); политический дискурс США.

А.А. Кустова [Кустова, 2019], рассматривая особенности инаугурационной речи Д. Трампа, произнесенной 20 января 2017 г.¹, основное внимание уделяет когнитивно-дискурсивным стратегиям речи. Отмечается, что они реализуются прежде всего в синтаксических и лексических характеристиках.

Это было первое публичное выступление Трампа на посту Президента США, его адресатами выступали все граждане страны. Отмечаются цели речи – привлечение слушателей на свою сторону, убеждение их в правоте и возможностях избранного президента, идейное объединение нации. Основными мотивами при этом выступают традиционные американские ценности – свобода, патриотизм, единство и активное участие народа в управлении госу-

¹ The Inaugural Address. [Электрон. ресурс] // The White House. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/the-inaugural-address/>

дарством, идея США как сильной передовой страны, уважаемой в мире. Обращает на себя внимание тот факт, что говорящий, фокусируясь на внутренней ситуации, стремится ассоциировать себя с народом, демонстрирует свою уверенность в идеалах и толерантность. Об этом свидетельствует употребление личных местоимений. Неоднократно повторяется местоимение *we* «мы»: «*Whether we are black or brown or white, we all bleed the same red blood of patriots*» [Кустова, 2019, с. 111] – «Черные ли мы, коричневые или белые – в нас всех течет красная кровь патриотов»¹. Новый президент прямо обращается к народу через местоимения *you, your, our* «вы», «ваш (и)», «наш (и)»: «*You will never be ignored again... Your voice, your hopes, and your dreams will define our American destiny*» – «Вами больше никогда не будут пренебрегать... Ваш голос, ваши надежды и ваши мечты будут определять судьбу нашей Америки» [там же, с. 113]; «*What truly matters is not which party controls our government, but whether our government is controlled by the people*» – «Что в действительности важно, так это не то, какая партия контролирует наше правительство, но то, контролируется ли наше правительство народом» [там же, с. 111]. А.А. Кустова полагает, что частое использование Д. Трампом личных местоимений, объединяющих его как адресанта сообщения с адресатами, является имплицитным способом манипуляции аудиторией.

В речи отмечается значительное количество повторов отдельных лексем и лексико-грамматических конструкций: «*We will bring back our jobs. We will bring back our borders. We will bring back our wealth. And we will bring back our dreams...*» [там же, с. 111] – «Мы вернем себе наши рабочие места. Мы вернем себе наши границы. Мы вернем себе наше благосостояние. И мы вернем себе наши мечты...». В отличие от многих интервью Д. Трампа, в его тщательно подготовленной и носящей более официальный характер инаугурационной речи доминируют полные предложения.

Целям эмоционального воздействия и привлечения адресатов на свою сторону служат также лексическая образность речи, ее экспрессивность, расчет на широкий круг слушателей. Речь Трам-

¹ Здесь и далее перевод, представленный авторами работ, нами скорректирован. – Е. О.

па отличается большим количеством оценочных слов с положительными или отрицательными оценочными знаками: *great* «отличный, великий», *peaceful* «мирный», *grateful* «благодарный», *triumph* «триумф», *hardships* «трудности, лишения», *poverty* «бедность», *crime* «преступление» и др.

Инаугурационная речь Д. Трампа характеризует не столько его самого как языковую личность, но, в большей степени, аспекты политического дискурса США, так как она подготовлена из расчета на общенародную аудиторию.

В работе Е. Кушниковой [Кушникова, Электрон. ресурс] также исследуются разноуровневые стилистические приемы инаугурационной речи Д. Трампа. Выделяя роль повторов и параллельных конструкций, Е. Кушникова отмечает разнообразие их форм: это анафорический и эпифорический повторы, рамочные конструкции («*The forgotten men and women of our country will be forgotten no longer*» – «Забытые мужчины и женщины нашей страны больше никогда не будут забыты») [там же] и другие риторические типы повторов.

Повторы и параллельные конструкции подчеркивают важность рассматриваемой проблемы, акцентируют внимание аудитории и создают эмоциональный эффект, как и инверсия, которая также несколько раз применяется в инаугурационной речи: «*From this day and forward, a new vision will govern our land*» – «Начиная с этого дня и впредь нашей страной будет управлять новое видение будущего» [там же].

Говоря о лексических стилистических средствах в речи Д. Трампа, Е. Кушникова обращает внимание на следующий текстовый прием: эпитеты, метафоры и сравнения с негативной коннотацией наблюдаются там, где оратор анализирует последствия недостаточного внимания прежней администрации к внутренним проблемам; им противостоит множество тех же фигур речи с положительной коннотацией при описании будущего страны при новом руководстве. Такая конденсация стилистических средств при их оценочном контрасте формирует эмоциональный настрой аудитории, например: «...*factories scattered like tombstones across the landscape of our nation...*» – «...заводы разбросаны как надгробия по всей нашей стране», но «*We will shine for everyone to follow*» – «Мы зажжем свет, который будет светить каждому». Особый эмо-

циональный контекст создается для вербализации идеи патриотизма, выражаемой через повторы и выбор словосочетаний: «...*it's going to be only America first, America first*» – «...только Америка будет на первом месте, Америка на первом месте»; «...*rebuilding our country with American hands and American labor*» – «...перестраивая нашу страну руками американцев и трудом американцев».

Авторы статей об инаугурационной речи Д. Трампа признают, что в целом она грамотно составлена для реализации воздействия на целевую аудиторию новоизбранного президента – рядовых работающих американцев, в том числе живущих «в глубинке», придерживающихся традиционных ценностей и имеющих основания для недовольства сложившейся при прежней администрации ситуацией [Кустова, 2019, Электрон. ресурс; Кушникова, Электрон. ресурс].

П.С. Акинина, сопоставляя инаугурационные речи Д. Трампа и Б. Обамы, выявляет характеристики американского политического дискурса и зависимость различий в этих речах от идеологии каждого из адресантов [Акинина, 2019].

Отмечается, что и в тематическом плане, и по составу риторических средств обе речи имеют много сходных черт. Основными топосами инаугурационных обращений двух президентов являются: негативный опыт прошлого, в том числе экономический кризис, который предстоит преодолеть; процветание страны в будущем, ее достоинство и лидерство в мире; необходимые реформы; демократия и права человека, право всех американцев на достойную жизнь; патриотизм и единство нации; равенство возможностей; отношения народа и власти. Таким образом, акцент делается на темах, связанных с традиционными американскими ценностями. Однако способы аргументации политиков могут различаться. Так, говоря о единстве нации, Д. Трамп апеллирует к Библии: «*The Bible tells us, how good and pleasant it is when the God's people live together in unity*» – «Библия говорит нам: “Как хорошо и приятно народу Божьему жить вместе, в единстве”» [цит. по: Акинина, 2019, с. 30]. Б. Обама напоминает, что единство американской нации базируется на разнообразии культур и языков: «*We are shaped by every language and culture, drawn from every end of the world*» –

«Мы как нация сформировались путем объединения языков и культур, собранных со всей Земли» [цит. по: Акинина, 2019, с. 30].

Риторические и стилистические средства, которыми оба политика пользуются для убеждения слушателей, тоже во многом общие: используются экспрессивные эпитеты, метафоры, повторы, синтаксический параллелизм, контраст, инвертированные и эмфатические конструкции. Говоря о будущем, Д. Трамп демонстрирует категоричность своих намерений: «*The time for empty talk is over. Now arrives the hour of action*» – «Время пустых разговоров закончилось. Наступает время действий» [там же. с. 31]. Б. Обама прибегает к прецедентным феноменам, входящим в когнитивную базу каждого американца, например, напоминая о целях борьбы за независимость США в XVIII в. Этот прием в его речи направлен на аргументацию того, что Америка достойна демократического правления и народного процветания: «*The patriots of 1776 did not fight to replace the tyranny of a king with the privileges of a few or the rule of a mob*» – «Патриоты в 1776 г. сражались не за то, чтобы заменить тиранию короля привилегиями для немногих или властью толпы» [там же, с. 32].

Инаугурационные речи обоих президентов составлены так, что их содержание и языковые средства воздействуют на сознание и эмоции аудитории (что предполагается манипулятивной составляющей политического дискурса) и делают послание доступным каждому американцу.

Г.И. Румянцев и Н.Г. Богаченко [Румянцев, Богаченко, 2018] на основе интервью Д. Трампа в американских СМИ анализируют его языковой образ, который сопоставляется с имиджем этого политика, возникающим в русскоязычных переводах.

В отечественной лингвистике наиболее известна теория языковой личности, разработанная Ю.Н. Карауловым, который определяет данный феномен как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, целевой направленностью» [цит. по: Румянцев, Богаченко, 2018]¹. Схожие явления исследуются зарубеж-

¹ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2010. – 264 с.

ными лингвистами. Так, Дж.К. Холл (Hall J.K.) ввел понятие индивидуальной идентичности (individual identity), возникающей и анализируемой как результат ситуационно обусловленного выбора говорящим определенных языковых средств из созданного социумом общего языкового репертуара. Именно этот индивидуальный выбор делает говорящего для остальных участников коммуникации особой личностью¹.

В современном мире языковой образ человека, особенно публичного, в значительной степени формируется через СМИ – как электронные, так и печатные. Сегодня Дональд Трамп, как глава одной из ведущих мировых держав, является постоянно присутствующей и часто обсуждаемой в СМИ всего мира личностью. Интервью, вероятно, можно считать жанром, в котором языковая личность проявляется наиболее ярко, так как здесь представлена речь от первого лица и выражена точка зрения говорящего на обсуждаемые факты и события. Г.И. Румянцев и Н.Г. Богаченко на основе одного из интервью Д. Трампа устанавливают особенности его речи, которые можно считать наиболее характерными для этого политика². К ним относятся: предпочтение неформального стиля, краткие (иногда незавершенные) предложения, избыточные повторы лексических единиц и оборотов, тавтология. Количество этих явлений увеличивается, когда Трамп говорит о серьезных вещах, затрагивающих его эмоционально. Например, множество повторов присутствует в рассуждениях Д. Трампа о ядерной сделке с Ираном, ранее заключенной администрацией Б. Обамы: «*I think it was the worst deal I've ever seen negotiated. I think it was a deal that never should have been negotiated. []... The deal that was made by Obama administration. I think it was a shame that we've had a deal like that... and that there was no reason to do it... and if you're going to do it, have a good deal*» [цит. по: Румянцев, Богаченко, 2018]. Отмечается, что в данном интервью частые повторы давали говорящему возможность избежать неловких пауз или вспомнить, что именно планировалось сказать в этом месте при подготовке речи.

¹ Hall J.K. Teaching and researching language and culture. – N.Y., 2013. – 280 p.

² Ellentuck M. Donald Trump Super Bowl interview transcript with Fox News' Bill O'Reilly. – Mode of access: <https://www.sbnation.com/2017/2/5/14516156/donald-trump-interview-transcript-bill-oreilly-super-bowl-2017> (accessed: Dec. 12, 2017.)

В некоторых случаях чрезмерное использование Д. Трампом повторов объясняется уходом от прямого ответа.

В некоторых русскоязычных переводах речей Трампа ошибки и неточности, допущенные оратором, устраняются¹. Избыточные повторы эллиптируются или передаются через синонимы, как обороты *I think* и *to do it* в ряде фрагментов перевода приведенного выше текста. Стилистические погрешности маскируются тем, что переводчики используют различные синтаксические конструкции русского языка: «Я считаю, что это была самая ужасная сделка из всех, что я видел. Эту сделку не следовало даже обсуждать. [...] Сделка, которую заключила администрация Обамы. Я считаю позором, что мы заключили такую сделку... и что не было никаких причин делать это. Если вам нужна сделка, то добейтесь хороших условий» [цит. по: Румянцев, Богаченко, 2018].

Сопоставление оригиналов и русскоязычных вариантов интервью Трампа позволяет сделать вывод о том, что в переводах он обычно предстает перед читателями как более грамотная языковая личность: то, что в оригинале могло трактоваться как показатель риторической неумелости или неуверенности говорящего, в переводах исправляется или подается так, что погрешности воспринимаются как убежденность и эмоциональность [там же].

О.В. Корецкая [Корецкая, 2017] подчеркивает, что политическая риторика как искусство выступления перед широкой аудиторией, имеющее целью управление обществом, высоко развито в англоязычных странах, прежде всего в Великобритании и в США. Поэтому изучение лингвостилистических особенностей языка британских и американских политиков является актуальной задачей для лингвистов.

О.В. Корецкая [Корецкая, 2017], Г.В. Порческу и О.С. Рублева [Порческу, Рублева, 2019] рассматривают классические речевые приемы, формирующие в публичных речах Д. Трампа ту картину мира, которую этот политик стремится утвердить в сознании слушателей². В обеих работах отмечается, что Трамп активно ис-

¹ Полный текст интервью Дональда Трампа для Билла О'Рейли из Fox News по случаю «Супербоула» // ИноСМИ. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/politic/20170206/238673152.html> (дата обращения: 12 дек. 2017.)

² Исследование проводится на материале публичных речей 2016–2018 гг. – Е.О.

пользует средства разных языковых уровней: лексического, синтаксического, фонетического.

В числе лексических приемов часто используемым приемом является контрастное использование эпитетов при их конденсации. Так, прилагательное *smart* «умный, сообразительный», «хитрый» и его синонимы Трамп употребляет для характеристики действий правительств других стран, одновременно характеризуя действия американской администрации как *stupid* «глупые»: «*Our leaders are stupid, our politicians are stupid, and the Mexican government is much smarter, much sharper, much more cunning*» – «Наши лидеры глупы, наши политики глупы, а мексиканское правительство намного умнее, сообразительнее, намного хитрее» [Корецкая, 2017, с. 351]. Такое построение текста создает смысловую оппозицию 'они против нас / мы против них'. Эта оппозиция далее разворачивается в речи в картину «разрушенной Америки» («*America is ruined*»), которой вредят недруги: «*We have been disrespected, mocked, and ripped off for many, many years by people who were smarter, shrewder, tougher*» – «На протяжении многих, многих лет нас не уважали, нас осмеивали и обкрадывали люди, которые намного умнее, хитрее и решительнее нас» [там же].

Другой распространенный риторический прием, на котором строится стратегия воздействия в речах Д. Трампа – гипербола. Так, стену между США и Мексикой он называет «*the Great Wall*», т.е. «Великая стена» по аналогии с Великой Китайской стеной; об исламском терроризме сказано, что он будет «полностью стерт с лица земли:» «*...we will eradicate completely from the face of the Earth*» [там же, с. 352].

Характерной чертой риторики Д. Трампа, отличающей его от большинства американских политиков, является демонстративное пренебрежение правилом политкорректности. Активное использование неполиткорректной лексики часто сочетается в его выступлениях с тем, что можно назвать фигурой фиктивного умолчания: говорящий намеренно, причем с использованием оценочных и экспрессивных слов и оборотов, говорит об оппонентах то, что он якобы стремится скрыть. В результате появляются фразы типа: «*I was going to say dummy Bush; I won't say it, I won't say it*» – «Я собирался сказать “тупица Буш”. Но я этого не скажу. Я этого не скажу» [там же, с. 353]. Кроме того, используется много слен-

говых слов и просторечных или грамматически ненормативных выражений, создающих эффект неформального, приятельского стиля общения: *dopey* – «обкуренный», «наркотический»; «*I'm for it, okay*» – «Ладно, я за это»; «...*and you watch*» – «...и ты посмотри» [Корецкая, 2017, с. 354].

Исследователи также обращают внимание на частое использование Д. Трампом приема инверсии: этот синтаксический прием не только усиливает экспрессию высказывания, но и прямо связывает его структуру с мышлением и эмоциями. Нарушение обычного порядка слов акцентирует внимание слушателей на тех фрагментах высказывания, которые расцениваются говорящим как первостепенные по смысловой значимости: «*Americans... who want and expect our government to serve the people, and serve the people it will*» – «Американцы... которые хотят и ждут, что наше правительство будет служить народу, и оно непременно будет служить народу» [Порческу, Рублева, 2019, с. 61].

Наконец, риторика Д. Трампа отличается определенными фоностилистическими особенностями: используемые им в публичных речах слова являются в подавляющем большинстве односложными и двусложными, только немногие содержат по три или четыре слога. Это в сочетании с дополнительными интонационными средствами (такими как замедление темпа, высокий нисходящий тон) создает отрывистый и динамичный ритм речи, делает ее понятной слушателю с любым уровнем образования [Корецкая, 2017].

Ритмизирующую функцию выполняет в речах Д. Трампа и синтаксический параллелизм, усиливающий эмоциональное воздействие на аудиторию: «...*the ravages of other countries making our products, stealing our companies and destroying our jobs*» – «грабители из других стран, которые производят наши товары, крадут наши компании и уничтожают наши рабочие места» [Порческу, Рублева, 2019, с. 61].

Исследователи отмечают, что лингвостилистические средства, используемые Д. Трампом, позволяют достичь главных целей – сформировать собственный положительный образ и позитивный образ своей программы при критическом отношении к прежней администрации, добиться доверия и одобрения массовой аудитории. Вместе с тем простота и доступность изложения делают

Д. Трампа понятным для рядового американца. В свое время эти черты публичных выступлений Д. Трампа обеспечили ему голоса избирателей [Корецкая, 2017; Порческу, Рублева, 2019].

Список литературы

Акинина П.С. Черты языкового портрета: (На материале инаугурационных выступлений Барака Обамы и Дональда Трампа) // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – Тамбов, 2019. – Т. 12, вып. 1. – С. 28–33.

Корецкая О.В. Лингвостилистические особенности политической риторики Дональда Трампа // Преподаватель: XXI век. – М., 2017. – № 2. – С. 349–355. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/lingvostilicheskie-osobennosti-politicheskoj-ritoriki-donald-trampa> (Дата обращения: 15.08.2019 г.)

Кустова А.А. Когнитивно-дискурсивный анализ американских публичных политических речей в контексте перевода: На примере инаугурационной речи Дональда Трампа 20 янв. 2017 г. // Электронный сборник статей по материалам LX студенческой международной научно-практической конференции, Новосибирск, 2019. – 2019. – № 1 (60). – С. 108–115. – Режим доступа: [https://sibac.info/archive/meghdis/1\(60\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/1(60).pdf) (Дата обращения: 03.09.2019 г.)

Кушникова Е. Лингвостилистический анализ инаугурационной речи Дональда Трампа // Docplayer. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/iblock/28a/voskanyan.pdf> (Дата обращения: 14 июля 2019 г.)

Порческу Г.В., Рублева О.С. Лингвостилистические особенности политических выступлений: (На примере публичных выступлений Дональда Трампа) // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – Тамбов, 2019. – Т. 12, вып. 1. – С. 60–63.

Румянцев Г.И., Богаченко Н.Г. Образ Дональда Трампа в англоязычных СМИ: Переводческий аспект // Постулат. – 2018. – № 2. – Режим доступа: <http://e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/view/1265> (Дата обращения: 14 июля 2019).

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

2020.01.015. КАЧИНСКАЯ И.Б. ТЕРМИНЫ РОДСТВА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: (По материалам архангельских говоров). – М.: Индрик, 2018. – 288 с.

Ключевые слова: диалектология (архангельские говоры); термины родства; метафоризация терминов родства; топонимы; антропонимы; междометия; обценная лексика; языковая картина мира.

В монографии анализируется система вторичных (преимущественно метафорических) значений терминов родства, зафиксиро-

рованных в русских говорах на территории Архангельской области. Работа состоит из введения и восьми глав.

Во введении определяются материал, цели и методы исследования. Автор отмечает, что лексико-семантическая группа терминов родства давно активно изучается в отечественном языкознании. Однако их вторичные значения и их роль в культуре стали привлекать внимание позднее. Термины родства как код (семантическая модель) в народной языковой картине мира славянских ареалов исследованы в сборнике, вышедшем под руководством С.М. Толстой в 2009 г.¹

Материалом для монографии послужили данные «Архангельского областного словаря»² (одним из авторов которого является И.Б. Качинская), собранные в течение 60 лет студентами и сотрудниками МГУ им. М.В. Ломоносова в результате полевой собирательской работы.

Автор работы не придерживается традиционного для диалектологии дифференциального принципа отбора материала, согласно которому исследованию подлежат только те лингвистические факты, которые отличают территориальную разновидность языка от языка литературного. И.Б. Качинская полагает, что отсутствие в диалектных словарях и в исследованиях диалектологов тех элементов, которые относятся к общерусской лексике, искажает представления о словаре территориального варианта языка и о семантических характеристиках его слов.

В принятом автором методе лексико-семантическая группа «Термины родства» рассматривается как «группа-донор» [с. 14], наименования которой через семантическое переосмысление экстраполируются в другие сферы лексики. Цели работы – изучение направлений экстраполяции, анализ типологии и путей семантических сдвигов, описание их механизмов.

В первой главе «Термины родства и мифологическое пространство» отмечается, что вторичные значения терминов родства чрезвычайно активно используются в мифологии – как языческой, так и христианской. «В народной культуре православие и язычест-

¹ Категория родства в языке и культуре / отв. ред. Толстая С.М. – М., 2009. – 312 с.

² Архангельский областной словарь. – М., 1980–2018. – Вып. 1–19. – (Изд. продолжается).

во тесно сплетены: появление духов может объясняться как свергнутое с небес воинство Сатаны» [с. 19], в результате чего мифологические существа (представители «нечистой силы») стали обителями самых разных земных локусов.

В народном сознании мифологические существа делятся на группы в соответствии с местами их обитания, в которых они являются «хозяевами»: дом и двор, овин, баня, водные пространства, лес, поля. Отмечается, что активное использование терминов кровного родства в этой сфере может быть обусловлено тем, что эти существа также осмысляются как духи-предки, в том числе «старшие родственники», которых необходимо уважать [с. 49]. Например, в наименованиях духа дома (домового) наиболее частым является переосмысленное слово *дед*, его производные и их варианты: *дедушко (дедушка), дедко (детко, дедка), дедо*¹. Применяются также: *батька, батюшко (батюшка), братанко, братанушка, дяденька*. Из женских персонажей встречаются *бабушка, матушка*. Так, во множестве примеров домовая выступает как *дед, дедушка*, при этом номинация часто дополняется приложениями-атрибутивами или субстантивами: *детко домовой, дедушко-домовеюшко*, по этой же модели образовались: *дед-сосед, хозяин-батюшко* и др. Домашние духи, подобно людям, составляют пары и семьи: *хозяин с хозяйшкой, матушка-хозяйка, бабушка-адамушка*. Обращение к домовому может состоять одновременно из двух терминов родства, как *дедушко-братанушко, дедушко-богоданушко* (термин *богоданной* обычно используется в отношении к родственникам по браку). Те же термины родства обозначают «хозяев» других локусов, например: *дед водяной, дедушко-лесовик, лешый отец*.

Мифологические персонажи заговоров, фольклора, колдуны также получали обозначения через термины родства и совпадающие с ними возрастные наименования: *бабушка Соломанидушка* (согласно народным представлениям, ухаживала за скотом), *стары бапки* (обозначение привидений), *бабушки-знатушки* (знахарки, ворожей), *лешова мать, чертова мать, чертов брат* (нехороший человек), *мороско-батюшко*.

¹ Иллюстрации приводятся в том написании, которое они имеют в реферируемой монографии. – *Прим. реф.*

С идеей родства связаны главные фигуры христианства: *Бог-отец, Бог-сын, Матерь Божья*. В русской народной православной традиции наименования Богородицы как *матери* широко варьируются: *царица матушка небесная, царица божья мать, матушка Мария, мать пресвята богородица*. Эти наименования используются в обращениях к Богородице как самому авторитетному началу, они же применяются по отношению к почитаемым иконам Богородицы: «*Это Казанска Богоматерь с сыночком*» [с. 54].

Во второй главе «Термины родства и животный мир» отмечается опосредованный характер метафоризации терминов родства по отношению к данной предметной сфере: часто наименование родства сначала переносится на номинацию неродственников и обращения к ним, а затем – на животный мир. Например: *братаны – 'братья, в том числе неродные' – 'люди мужского пола, близкие по возрасту говорящему' – 'подростки самцы семги'*.

Близость «семейного» и «зоологического» кодов является свойством культуры, и в архангельских говорах это свойство заметно проявляется. Гипероним *семья*, его дериваты и близкие по значению слова активно используются для наименования животных: «*Медвидица ходит семьей со своей...*»; «*Два колена, говорят, ни держат...*» (т.е. мать и детенышей) [с. 55–56]. Очеловечивание животных происходит также через другие лексемы, в прямом значении называющие людей: «*Барыня моя разволилась, лежит*» (о козе) [там же]. Происходит и обратный процесс – лексемы, называющие животный мир, метафорически переносятся на людей: «*Мать со своим гнездом живет*». Во многих случаях зоологический код служит характеристике человека или ситуации, как в устойчивых тропах, так и в окказиональных; «*Стадами эта ходили фотографировали*» [с. 57]; «*Ну и голос, как лягуха гуркают*» [с. 58]. Термины родства регулярно используются для обозначения отношений внутри домашних и диких животных, и практически любая лексема с корнем *дет-* может относиться к детенышу животного: «*Я за телешом как за детьшом ухаживала*» [с. 61]. Гендерное и возрастное распределение животных повторяет такие же характеристики человека: «*Жэребушка – дефка, жэребеноцек – парень*» [с. 68]. Вместе с тем через метафору зоологический код связан не только с человеческим, но и с другими кодами, например с мифологическим или зоологическим: *дедушко-брата-*

нушко – домовой, а также насекомое, поселившееся в доме или в подвале.

В третьей главе «Термины родства и растительный мир» автор обнаруживает в исследуемой сфере тенденции метафорического переноса, сходные с описанными в предыдущей главе. Отмечается, что метафора 'родственные отношения людей' – 'растительный мир' характерна не только для архангельских, но для всех русских и славянских говоров и, вероятно, является типологической для многих языков. Этот тип переноса затрагивает в русском языке даже официальную ботанику: например в ботанике используются термины *семейство, род, материнское растение* и др. «Ботанический» код применяется, в свою очередь, для обозначения человеческого родства: лексемы *корень, семья, порода* широко используются не только в говорах. В говорах частотны устойчивые сравнения, уподобляющие человека растению, плоду: (*красива*) *как ягода / яголка; «бапки – как поганы грибы»* [с. 83, 84]. Растения подразделяются на «мужские» и «женские», при этом в традиционной народной медицине женщин и мужчин положено лечить соответствующими им типами растений: *«Грызня трава – она мушская и жэнская, расьтет под елками»* [с. 89].

Через термины родства «ботанический» код связан с представлениями, свойственными народной картине мира, с идиомами и поговорками. Так, *ель-матушка* в заговорах персонифицируется как существо, которое может защитить от грозы: *«Елка-матушка, спаси-сохрани од дождя, грозы и молнии»*; ср. также выражения: *запеть кузькину мать, хоть матку-редьку пой* (в значении «испытывать нужду») [с. 95].

В четвертой главе «Термины родства и предметный мир» И.Б. Качинская отмечает значительное количество вторичных предметных значений у терминов родства. Наиболее продуктивны лексемы с корнями *баб-, мат-, дед-, бат-*.

В числе предметных областей, использующих термины родства, выделен целый ряд тематических групп: «соматизмы», «игрушки», «дом», «печь», «еда», «хозяйственная утварь», «орудия труда», «одежда». Через метафоризацию терминов родства обозначаются также трудовые процессы («строительство», «выпечка», «укладка бревен») и признаковые понятия. Например, *бабка* в строительстве – «толстое бревно или колода для забивания свай», а

в рыболовстве – «деревянный барабан, ворот, служащий для наматывания каната, удерживающего на берегу лодки»; *матерый, матеренный* и другие дериваты означают «крепкий, сильный, мощный». Лексемы с корнем *сестр-* применяются в ткачестве (*сестрицы* – «парные нитки в ткацком гребне») и вязании (*сестра* – «петля», «узоры в вязании называются: *посестерный, двусестерный*).

На связи семейного и предметного кодов построено множество поговорок, устойчивых сравнений, загадок: «*вдова, вдова, широко рукава*» [с. 149]; «*Дерзись прялоцки, как матенки*» [с. 150]; «*Мать толста, дочь красна, сын кудреватой в небеса улетел*» (ответ на загадку – «печь, огонь, дым») [с. 151].

И.Б. Качинская отмечает, что архангельские говоры дают достаточное количество примеров метафорических комплексов, т.е. таких номинаций, в которых перенос терминов родства действует системно, как метафорическая «сетка», накладываемая на область предметных наименований. В этой системе обнаруживаются параллели «кровный – некровный», «старше – младше», «мужской – женский». В типологическом плане подобные комплексы могут характеризовать одну языковую систему, в том числе диалект, но могут, как было показано Е.Л. Березович, носить межъязыковой характер¹. Следовательно, материал архангельских говоров дает возможность исследователям изучить общеславянские языковые явления более полно, реконструировать недостающие элементы комплексов не только в предметной лексике.

В пятой главе «Термины родства и абстрактные понятия, первоосновы мира» исследуется экстраполяция терминов родства в сферы географического и космогонического пространств, бытового и сакрального времени, болезней, характеристик человека.

Время и пространство, будучи фундаментальными категориями в любой картине мира, осваиваются через уподобление человеку [с. 185], и термины родства – одно из направлений такого одушевления. Архангельские говоры не являются исключением. Обозначения конкретного пространства часто сопровождаются в наименованиях, заговорах и гаданиях эпитетом с корнем *мат-*:

¹ Березович Е.Л. Метафорические комплексы, составленные терминами родства, в славянских языках // Категория родства в языке и культуре. – М., 2009. – С. 257–278; Русская лексика на общеславянском фоне: Семантико-мотивационная реконструкция. – М., 2014. – 488 с.

деревня-матушка, Россия-матушка, Москва-матушка, ср. Питербатюшка. Аналогично – *земля-мать (мать сыра земля), матушка-водица, мать-река*. При обозначении космогонического пространства одушевляются небо, солнце и стихии: *солнышко-батюшко, «Батюшко шелонник шалеет* (о северном ветре) [с. 166]; в загадках огонь персонифицируется как *дед: «Дет Ермолай фсе сйес, што не дай»* [с. 169]. Через термины родства осмыслиется также время, как бытовое, так и сакральное. Многочисленны обозначения поминальных дней как *родительских (родительская суббота, родительская Пасха)*; *братчиной* назывались семейные праздники, общие гулянья, угощение за аренду помещения для молодежной вечеринки: *«Напекут шанег да пирогоф, братишыной называли»* [с. 175]. Болезни разделялись на *мужские, женские, родимые (врожденные)*: *«Не родимо, так сходимо»* [с. 182].

Состояния человека и высказывания также характеризовались через термины родства: общерусское выражение *лень-матушка*; неадекватность поведения описывается в ряде архангельских говоров поговоркой *бабушка на фронте, дедушка в тылу* [с. 183]. Досужие выдумки – *бабы сплетни, жонкины думы*; чудодейственной силой обладают *материна молитва, материно (отцовское) благослов (л) ение*.

В шестой и седьмой главах («Термины родства и топонимы», «Термины родства и антропонимы») анализируется влияние «семейного» кода на имена собственные, зафиксированные исследователями в Архангельской области.

Отмечается, что многие апеллятивы из этой тематической группы превращаются в микротопонимы, проходя промежуточную стадию, на которой «семейная» этимология наименований осознается жителями местности. При этом прежние названия мест могут одновременно сохраняться в памяти: *Бабушкино болото* сохраняет название *Иванихино*. Термины родства охватывают разные подсистемы микротопонимов области: деревни *Бабкина Горка, Дедов Плот*; поселок *Внуковский*; сенокосные угодья *Вдовы, Пасынок, Братановка*; озеро *Матушкино*; поле *Мачуха*. Топонимика отражает жизненный уклад и занятия жителей региона. Так, охотой и рыбной ловлей на Русском Севере занимались не только мужчины,

но и женщины: «*Бабьё называйеца избушка, там рыболовы и охотники*» [с. 195]¹.

Исследование антропонимов проводится автором с учетом трехчастной модели, характерной для русского языка: личное имя – отчество – фамилия. Личное (крестильное) имя часто дается по родству, причем чаще всего через поколение: «*по дедушку*»; «*баб-кино имя*». В Архангельской области имена детей могли повторять имена и живых, и умерших родственников (однако в некоторых местах существовал запрет давать имя недавно умершего родственника).

Отчество служит одним из определителей «семейного гнезда» [с. 205]. Отчество в диалекте может быть образовано не только от полного имени, но также от уменьшительного, что сближает его с прозвищем, может образовываться и по модели фамилии: «*Вера Якунькина – Яковлевна. Йикунька – отец*»; «*У меня отец Панкрат, а меня звали Панкрашыха*» [там же]; «*Сашка Перша – Александр Перфильевич (Перша) – уменьшительный вариант от имени Перфил (ий)*».

В Архангельских говорах также распространены отчества-прозвища по матери (*Танич, Машикич, Ольгушич, Анин, Ирнин, Мотькин* и др.), причем они не обязательно связаны с отсутствием отца; встречаются и «отчества» по мужу: «*Жонок по мужыкам звали*» [с. 209].

Рассматривая фамилии и прозвища, И.Б. Качинская отмечает, что грань между этими видами антропонимов может быть нечеткой: исторически фамилии представляют собой официально закрепленные родовые прозвища, им присущи сходные словообразовательные модели. От фамилий образуются, в свою очередь, новые прозвища: «*А Серкова фамилия.... Ругают Серушкой, и фсе*» [с. 210].

Прозвища, фиксируемые в современных деревнях Архангельской области, имеют несколько уровней: 1) личное прозвище человека, как правило, мотивированное и противопоставляемое родовому имени; 2) «прозвищные отчества», связанные с личными именами ближайших родственников – отца, деда, матери, мужа;

¹ Согласно материалам И.Б. Качинской, корень *баб-* является наиболее распространенным в топонимике региона. – *Прим. реф.*

3) родовые прозвища, связанные с именами предков, начиная с деда или прадеда, в том числе по материнской линии: *«По дедушку, он был Царь – и сын был Царь»* [с. 213]. Ряд фамилий образованы от терминов родства, как *Бабкин, Братухин / Братаев, Дядькин*. Подобных прозвищ значительно больше, при этом большинство из них – от терминов со значением «родной отец»: *Батя, Батюшко, Папа, Папаша* и др. Встречаются также прозвища, образованные от терминов свойства и немногие – от наименований духовного родства: *Сенюшка Приёмши* (о муже, перешедшем жить в дом жены); *Божатка* (так на Севере часто называют крестную мать).

В восьмой главе «Термины родства и междометия» анализируются закономерности перехода терминов родства и выражений с их участием в междометия. Такой переход происходит с терминами и фразеологизмами, которые первоначально функционировали как обращения (к родным и близким, к божественным сущностям), а также с бранными и заменяющими их экспрессивными выражениями.

Междометия, в отличие от обращений (вокативов), не имеют адресата, однако уже в вокативах родственные значения могут быть зыбкими, «смешанными» по гендерным, статусным или возрастным показателям: *паря-брат, дефки-матушки, дефка-паря, государи-батеньки*. В бранных выражениях, перешедших в разряд междометий, теряется и адресат, и пейоративная функция.

Также: «В междометие способна превратиться любая фраза, используемая в качестве формульного обращения к Богу и Богородице, в том числе не содержащая термины родства» [с. 223]: *батюшки исусе / светы!; ой, мать пресвята!; свет-христос!; царица небесная!*. Такая модель образования междометий в русском языке характерна не только для областей Севера.

Отдельный раздел посвящен переходу в междометия бранных выражений с корнем *мат-*. Перечисляются функции обсценных формул, называемые исследователями: психологическая (повышение эмоционального фона общения и разрядка психологического напряжения); оскорбление и унижение адресата; демонстрация независимости говорящего и его пренебрежение к запретам; демонстрация принадлежности к «своим»; функция оберега. Среди лексических групп, регулярно используемых для создания вариантов обсценных фразеологизмов и их эвфемизмов, –

термины родства. Так, в брани часто упоминаются языческие духи: *водяная мать; к лешой-то матери; к леиэму мать*. Рассматриваются также способы эвфемизации «классической» трехчленной обценной формулы. Отмечается, что в подавляющем числе собранных примеров (как показывают также комментарии информантов об употреблении ими и их близкими обценных фразеологизмов) эти выражения являются сигналом эмоционального отношения к предмету сообщения: «*Ё... твою мать! Я чуть не матюкался!*» [с. 233].

В заключение И.Б. Качинская отмечает, что рассмотренная на материале архангельских говоров «экстраполяция терминов родства в иные языковые, культурные и этнокультурные области является одной из важнейших языковых универсалий, хотя в своем конкретном воплощении в разных языках и в разных говорах может осуществляться по-разному» [с. 239].

Е.О. Опарина

2020.01.016. КОВШОВА М.Л. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИДИОМ, ЗАГАДОК, ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК: Антропологический код культуры. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 400 с.

Ключевые слова: лингвокультурология; антропонимический код культуры; имена собственные (антропонимы); паремии; идиомы; культурная референция; культурные коннотации; полидискурсивный анализ.

Во введении М.Л. Ковшова формулирует задачу исследования: комплексное изучение идиом и паремий в лингвокультурологической парадигме, т.е. как знаков двух семиотических областей – языка и культуры. Автор называет два ключевых источника лингвокультурологии. Во-первых, это этнолингвистический метод исследования вербальных знаков в контексте традиционной культуры; во-вторых – когнитивная лингвистика, нацеленная на выявление разных типов информации, содержащейся в языковых единицах и текстах, в том числе элементов культурной информации [с. 5].

Монография состоит из двух глав.

В первой главе «Лингвокультурологический анализ идиом и паремий» анализируются способы кодировки культурных смыслов в семантике идиом и паремий и механизмы их извлечения из содержания – как в процессах употребления этих языковых единиц говорящими, так и в процессе их исследования.

Лингвокультурологическое направление в языкознании, возникшее на рубеже XX и XXI вв., исходит из убеждения, что в языке отображается образ мира, сформированный в культуре, включая те особенности мировоззрения, которые выработаны носителями определенного естественного языка (ментальные модели обыденного образа мира). Эти соображения высказывались Ю.М. Лотманом, Е. Бартминьским, В.Н. Телия, В.И. Постоваловой, Анной А. Зализняк, А.Д. Шмелевым и другими исследователями. Лингвокультурология стремится изучать язык как феномен, создаваемый человеком и используемый человеком. Другими словами, «лингвокультурологическое направление разрабатывает исследование языка, сознания, коммуникации, культуры как целостного феномена и ставит человека в центр этого объекта» [с. 5]. Идиомы и паремии – представители фразеологического слоя языка, по отношению к которому в настоящее время в лингвистических исследованиях преобладает «универсализующий» подход. Акцент делается не на национально-культурно специфике концептуальных моделей, лежащих в основе их внутренней формы, а на сходных и общих смыслах, на интернациональном образном «ресурсе» национальных фразеологий. Однако М.Л. Ковшова настаивает, что даже сходство формы и общность образов многих фразеологизмов, например библеизмов, не обеспечивают общности видения мира. Различия проявляются в культурных коннотациях, наслаивающихся, по выражению В.Н. Телия, на языковое значение, и выражаются в образных и семантических модификациях, в применении фразеологизмов в тех или иных дискурсивных практиках. При этом культурные коннотации оказываются достаточно стойкими: они могут не осознаваться носителями языка, но живут и действуют даже тогда, когда этимология и структура идиомы или паремии становятся непонятными. Например, современному рядовому носителю русского языка неизвестно происхождение идиомы *не в своей тарелке*, однако при ее интерпретации современное сознание может опереться на мифологемы и архетипы культуры. Архе-

типическая оппозиция 'свое / чужое' и мифологема своего пространства направляют понимание носителя языка на представление о негативной для субъекта ситуации, как если бы он оказался «не в своем» и потому неудобном для себя месте.

На примере идиом и паремий в наименованиях костюмных компонентов автор показывает, каким образом лингвокультурологический анализ позволяет описать семантику этих языковых знаков в координатах культуры – через ее архетипы, мифологеми, символы, стереотипы – и соотнести семантику с кодами и прескрипциями культуры. Этот вид анализа также выявляет ограничения на вариативность идиомы и контексты ее употребления. Культура определяется автором как «пространство смыслов, имеющих ценностное содержание, вырабатываемое человеком в процессе миропонимания» [с. 33]¹.

Исследуя образы чувств и эмоций в традиционных русских загадках, автор обращает внимание на их антропоморфизм: объектами загадывания обычно являются материальные предметы и природные явления, однако на роль способа кодирования выбираются чувства, эмоции и свойственные человеку действия: *Ног нет, а идет, / глаз нет, а плачет* (туча). Связь таких загадок с культурой проявляется в том, что они интерпретируются через стереотипные представления об эмоциях, которые приписываются денотатам. Так, загадки о солнце основаны на стереотипе 'все живое радуется восходу солнца'; образ свечи или опавшего листа создается через описание начала и конца жизни и связанных с этим переживаний: *Утром смеется, а вечером слезы текут* (свечка).

Идиомы и загадки являются образными единицами, основанными на метафорическом уподоблении разнородных категориальных сущностей, часто весьма (и намеренно) далеких друг от друга. Им не свойственна логическая пропорциональность, поэтому оба эти класса фразеологизмов содержат определенную загадочность для адресата.

Структура загадки, как и идиомы может быть представлена в виде фрейма, слоты которого, устанавливая «общее» между областью-источником и областью-преемником (денотатом загадки),

¹ Костюмный код культуры подробно исследован в монографии: Ковшова М.Л. Семантика головного убора в культуре и языке: Костюмный код культуры. – М., 2015. – 368 с.

указывают на основания интерпретации загадки в когнитивно-культурном поле. В монографии приводится пример формализации одной из традиционных русских загадок (*За стеной-стеной – каравашек костяной* – о ребенке в утробе матери) в виде фрейма, в котором разгадка выводится из слоя символов и прескрипций традиционной культуры [с. 104].

Загадки, как и идиомы и паремии, способны трансформироваться и входить в дискурс СМИ, которому свойственны оценочность и идеологизированность. Эта возможность обуславливается тем, что они исходно содержат константные, ценностно значимые для носителей языка прецедентные смыслы, которые сохраняются и могут применяться к разным ситуациям, требующим субъективной оценки. Так, фактически превратилось в клише выражение *без окон, без дверей*, в том числе в прямом значении: *«Теперь, как собищил нам проводник из местных, в «доме без окон, без дверей» обитают опустившиеся гастарбайтеры и прочие асоциальные типы»*, «Комсомольская правда, 2012.07.02 [с. 111]; *«Гостиницы и кемпинги стоят без окон, без дверей, с дорожками, покрытыми буйным травмами»*, «Труд-7», 2000.08.18 [с. 111–112].

Во второй главе «Собственное имя в паремиях и идиомах. Антропонимический код культуры» автор опирается на следующие теоретические положения: 1) у собственных имен (онимов) нет прямого значения в языке; 2) они активно используются для выражения вторичных смыслов, которые исследователи называют по-разному: идеосемантикой, или суммой познавательных и эмоциональных представлений, смысловых обертонов (В.И. Абаев) [с. 132]; «метафорическим» значением собственных имен (Д.И. Фонвизин), их «нарицательным» значением (Л.В. Щерба) [с. 146]; 3) благодаря этим качествам они, в том числе антропонимы, в составе идиом и паремий превращаются в знаки языка культуры – символы, стереотипы, эталоны, мифологемы. Они выступают средством типизации свойств объектов и их условными репрезентантами; они кодируют ценности и антиценности, которые соединены в коллективном сознании с собственными именами персон и персонажей из национальной и мировой культур. Совокупность антропонимов, наделенных дополнительными, культурными смыслами, образует антропонимический код культуры [с. 150].

По структурным характеристикам в русских поговорках, идиомах и загадках для наименования антропных и антропоморфных персонажей чаще всего применяется личное имя в прямой или преобразованной форме, например: в пословицах *Не идет Федора за Егора, а Федора идет, да Егор-то не берет; Один сынище, и тот Фомище*, в идиомах *Максим в голове* (о странном человеке); *Кондратика поймать* (о скоропостижной смерти) [с. 151]. Отчество – вместе с именем или изолированно – употребляется реже, преимущественно в поговорках: *Полюби Андреевну, будешь с хлебом* (о сохе) [с. 152]. Еще реже встречается фамилия в разных сочетаниях, в том числе в полной трехкомпонентной формуле, как в поговорке, зафиксированной В.И. Далем: *Мужик – Черт Иванович Вережкин*.

Анализируя роль онимов в рассматриваемых устойчивых выражениях, М.Л. Ковшова отмечает противоречивый характер их функций. С одной стороны, во многих случаях выбор онима обусловлен только формальными условиями – рифмой и ритмом текста, варьирование онимов детерминировано только их фонетическими свойствами: *Владей, Фаддей, кривой Натальей и Владей, Фаддей, нашей Наташей / моей Маланьей* [с. 159]. Поэтому их следовало бы признать «семантически пустым компонентом» [там же]. С другой стороны, онимы запечатлевают в себе и транслируют в вербальной форме, наряду с другими единицами языка, культурную информацию – «сведения о процессах и продуктах самопознания человечества на всех этапах его развития» [с. 173], выделяя при этом и главные общечеловеческие ценности, и те установки, которые «выстраивают иерархию ценностей в конкретной культуре на том или ином этапе ее развития у того или иного народа в ту или иную эпоху» [там же].

Культурная информация, содержащаяся в онимах и относящаяся к персонам и персонажам из мировой и национальной культуры (к реальным и вымышленным лицам, к антропным и антропоморфным существам и их группам) делает эти единицы условными репрезентантами культурных феноменов – символов, образцов (стереотипов) и единиц измерения свойств (эталонов). Культурная информация, связанная с антропонимами, образует антропонимический код культуры. По тому слою, через который осуществляется референция антропонимов к культуре, М.Л. Ков-

шова выделяет их типы: мифонимы, хрононимы, агιονимы, исторические онимы, литературные онимы и собственно антропонимы. Каждая из этих групп рассматривается в монографии отдельно.

К хрононимам автор относит имена собственные, через которые обозначаются отрезки времени в народном или церковном календаре и которые связаны в паремиях и идиомах с определенными традициями и поверьями. Хрононимы выполняют функцию стереотипов и эталонов, связывая традиционную культуру и язык и являются частью числового кода культуры. На хрононимах очень часто строятся паремии. Например: *Январь. 1. Васильев день... Новый год. Гадания. На Васильев вечер день прибывает на куриный шаг (на час)* [с. 176]; *Декабрь. 4. Св. Варвара ночи урвала* [с. 177]. Также в поговорках: *Евдокия благоволит, да насорит* (о 1 марта; все даты приведены по ст. стилю). В загадках хрононимы употребляются реже, при этом выбор имени обычно обусловлен не календарными сроками, а фонетическими свойствами онима, стремлением вызвать ложные ассоциации или отмеченным ранее исследователями (О.М. Фрейденберг, Д.С. Лихачёв, М.Т. Рюмина) применением сакральных имен в грубо-шутливых жанрах народной культуры. Однако через внимательный анализ содержания некоторых загадок можно выявить ассоциативную связь между календарным образом-стереотипом и образом, создаваемым загадкой. Так, *Федосье* во многих загадках «присваивается» свойство 'растрепанные волосы': *Сидит Федосья, растрепаны волосья (морковь)* [с. 182]. День Федосьи – 29 мая по ст. стилю – связывался в месяцеслове с идеей колосающегося хлеба и сева гречихи, отсюда уподобление растрепанных женских волос буйному всходу природных реалий в разгар лета. В идиомах хрононимы встречаются реже, чем в предыдущих типах фразеологизмов: нужно кому-л. что-л. *Как в петровки vareжки*, т.е. «совершенно не нужно» (имеется в виду Петровский пост в середине лета).

Мифонимы определяются как имена собственные, называющие антропоморфных языческих богов и демонов (*Чур, Баба Яга, Кощей*), героев мифов (*Геракл*), а также предметы, наделяемые в народном сознании сакральным значением (*Курилка*). Агионимы – имена персонажей из библейских текстов и легенд (*Ной, Адам, Христос, Иуда*). В загадках мифонимы не актуализируют знания мифов, мифологем или библейских текстов в их полноте,

они обычно служат культурным фоном или строительным материалом, на котором основаны рифма загадки или ее стремление «увести в сторону» от отгадки: *Лежит Рася, растеняся; яко станет – небо достанет* (дорога). Однако загадки все же хранят элементы мифов и мифологем и могут интерпретироваться в мифологическом коде, как миф о Чуре, славянском языческом боге очага в загадке *Стоит Чурило, замазано рыло* (светец) [с. 196]. При восприятии загадок с агнионимами, в любом случае, происходит референция к религиозному коду культуры, активизируя относящиеся к этому коду знания. М.Л. Ковшова отмечает частое использование агнионимов в традиционных и современных русских загадках, в которых персонаж представляет собой исходный денотат: *Не родился, не крестился, а во святость попал* (Адам); *Из Содома и Гоморры / Уходили очень скоро. / Оглянулась вдруг жена – / Камнем сделалась она...* (современная загадка о Лоте и его семье) [с. 201].

В русских пословицах и поговорках состав мифонимов и агнионимов более разнообразен, чем в загадках. Встречаются они из античной мифологии (*Богат, как Крѣз, а живет, как пес*) [с. 204], из славянской и русской языческой мифологии (*Наш Касьян на что ни взглянет, все вянет*) [с. 205]. В контексте поговорок и пословиц культурная семантика онимов проявляется поразному. Так, в бранной поговорке *Чтоб тебя Баба Яга в ступе прокатила* [с. 204] оним репрезентирует мифологему злой колдуньи, прямо указывая на ее атрибут – ступу; выражены также стоящие за мифологемой архетипы зла и смерти, мотив похищения детей. Однако в поговорке *Рад Аніка, что кромá велика* (*кромá* – большой ломоть хлеба, символ материального достатка) [с. 206] отсутствует смысловая связь с мифом об Анике-воине.

В паремиях с агнионимами, относящимися к религиозному слою культуры, культурная информация также проявляется неодинаково. В одних случаях культурная информация составляет все содержание паремии, и агнионимы являются ключевыми словами в сюжетах: *Адам грех сотворил – рай затворил* [с. 218]; в других – агнионимы добавляют культурную семантику и оценку в паремии, в целом имеющую отношение к обычной жизни человека: *По бороде Авраам, а по делам Хам* [с. 219].

Такие же группы мифонимов и агнионимов, но значительно чаще, используются в русских фразеологизмах (ФЕ), ядро которых составляют идиомы. Эти идиомы охватывают разные денотативные области и связаны с различными видами характеристики человека. Все ФЕ с античными мифонимами, в отличие от пословиц и поговорок, квалифицируются в словарях как книжные и интерпретируются в мифологическом слое культуры: *взгляд Медузы, открыть ящик Пандоры, весы / меч Фемиды, нить Ариадны* и др. Однако в идиомах, в отличие от пословиц и поговорок, нет сюжета, поэтому носители имен не являются в них действующими персонажами в полном смысле этого слова. ФЕ, содержащие агнионимы, также нацелены на образное описание человеческой жизни, а не на пересказ библейских сказаний. Однако при этом библейские сюжеты через агнионимы широко вовлечены в концептуализацию представлений, понятий, свойств и ситуаций, значимых для русской культуры: *поцелуй Иуды, Ноев ковчег, Фома неверный* и др.

Описывая литературные и исторические онимы, автор обращает внимание на неравное распределение их функций и частотности в исследуемых жанрах. Примеров таких онимов в пословицах и поговорках мало, так как здесь преобладают имена героев народного творчества. В современных загадках (активно развивающийся жанр, в том числе в Сети) литературные онимы применяются для тестирования на знание детской литературы, фильмов и мультфильмов. Многочисленные фразеологизмы с литературными онимами выполняют функцию стереотипов, эталонов, символов: *Лиса Алиса* (о коварном, лживом обманщике), *ревнивый как Отелло*. Многочисленны также цельнопредикативные идиоматические обороты с онимами, возникшие в качестве литературных и киноцитат. Такие выражения встраиваются в диалоги, развивают коммуникативную семантику: *Короче, Склифосовский!* как призыв говорить по существу и кратко [с. 251–252]. Такие цитаты могут стать идиомами, как вышедшая из театрального дискурса ФЕ *тень отца Гамлета*, обретшая доминантное значение 'пугающе выглядеть, действовать'.

В разделе, посвященном исследованию исторических онимов, автор отмечает наряду с использованием имен реально существовавших лиц случаи применения в идиомах и паремиях псевдоисторических онимов. Они называют вымышленных персонажей:

Мыр-царь, Гласим-царь, барон фон Мыльников (о ничтожном человеке, стремящемся произвести впечатление важного). Кроме того встречаются «онимы-фантомы», которые называют реальных исторических персон, но кажутся пустыми, никак не связанными с деятельностью данных лиц. В русских поговорках таким клишированным онимом с расширенной сферой применения стало имя *Пушкин*: *А кто платить будет, Пушкин?* [с. 256]. Однако даже такие онимы не лишены определенных культурных коннотаций. Так, выбор имени Пушкина объясняется значимостью этого лица для русской культуры, он – «наше все», поэтому его имя употребляется и всуе. В случае с *бароном фон Мыльниковым* культурный смысл поддерживается знакомством носителя русского языка с «мыльной метафорой», имеющей иронические и негативные коннотации: *намылиться куда-л., глаз замылился, Дунька / Машка с мылзавода* (о глупом, некультурном человеке). Однако онимы-фантомы встречаются также в идиомах-эвфемизмах, где они носят исключительно формальный и шуточный характер: *Маркс твою Энгельс!* [с. 277].

В отдельном параграфе описываются группы онимов в зависимости от того, каким образом они кодируют стереотипные представления и через них соотносят семантику идиом и паремий с культурой. Стереотипы понимаются автором как минимизированные и устойчивые представления о предметах или ситуациях, свойственные носителям определенной культуры. Имена собственные, соотносящиеся с такими представлениями, рассматриваются как знаки (индексы) стереотипов в языке и культуре.

Выделены три группы паремий и идиом: 1) те, в которых включение онима детерминировано только формальными требованиями рифмы или ритма текста: *плохо, Тереха; Что в комнате Фрол?* (стол); *вроде Володи* (о неуверенном заключении; о выдумке) [с. 309]; 2) паремии и идиомы с «говорящими» именами, в которых смысловая нагрузка «созвучна» фонетическим характеристикам: *Не гордись, Гордей, ты не лучше людей!* [с. 310]; 3) паремии и идиомы с онимами, стереотипные образы которых сформировались на основе культурных (фоновых) знаний или ассоциаций. На основе знаний, относящихся к разным слоям культуры, сформировались стереотипные образы: *Касьян, Адам, Наполеон, Шерлок* и др. Так, в идиоме *прокрустово ложе* отображено

стереотипное представление о том, что уравнивание объектов невозможно без их насильственного изменения и искажения. Благодаря именам собственным стереотипные представления и культурная референция таких идиом и паремий оказываются «в быстром доступе» [с. 311].

На основе ассоциаций между звуковой формой онима и семантикой соответствующих по значению лексических единиц создана, например, идиома *мели*, *Емеля*, значение которой ассоциируется с лексемой *пустомеля* и глагольной метафорой *молоть языком* – «говорить чепуху». Для этой подгруппы характерно то, что коннотации используемых онимов поддерживаются в культуре разными жанрами и дискурсами и этим проявляют свою укорененность в менталитете носителей языка. Так, данная идиома, возникшая из поговорки *Мели <Ври>*, *Емеля – твоя неделя!* [с. 313], имеет поддержку в других традиционных паремиях о глуповатом бездельнике *Емеле*, а также в известной сказке, в детских фильмах и дразнилках. Таким образом, оним *Емеля* является для русского языкового сознания знаком (индексом) стереотипного представления о лени, пустой болтовне, глупости. В современном интернет-фольклоре активно разрабатываются стереотипы, связанные с антропонимами *Лёша / Лёха* и *Маша (умная Маша)* [с. 315–136].

В загадках, в отличие от паремий и идиом, онимы не кодируют стереотипных представлений, при том что загадка в целом разгадывается с опорой на фоновые знания.

В заключительном разделе монографии М.В. Ковшова излагает результаты новаторского опыта полидискурсивного анализа антропонимов как дискурсивно маркированных единиц в жанрах народного творчества. В поле исследования, направленного на такие задачи, попадает множество паремийных микродискурсов. Помимо пословиц, поговорок и загадок это, например, трудовые, сатирические, плясовые и колыбельные песни, частушки, подблюдные песни (связанные с гаданиями), детские дразнилки и считалки. Это также виды неофольклора, имеющие преимущественно сетевые формы бытования (мемы, демотиваторы, «пирожки» – нерифмованные ямбические четверостишия в 34 слога и т.д.). Показано, что в зависимости от специфики дискурса поособому проявляются важнейшие характеристики антропонимов – их структура, позиции в тексте, соотношение формальной и смы-

словой функций, конкретная, фикциональная или обобщающая референция, способы и степень проявления культурной референции, способность модифицироваться исходя из ситуации применения.

Разработанный автором метод позволяет установить особенности применения антропонимов в статичной и динамичной формах существования жанров и дискурсов. Изучение антропонимов в статичном ракурсе предполагает систематизацию паремийных микродискурсов по формальным и содержательным признакам, их классификацию. Анализ динамического аспекта основан на выявлении коммуникативных показателей жанров и дискурсов (цель, роли участников и другие факторы: адресант – адресат, тактика, время, место и ситуация), языковых предпочтений дискурсов в зависимости от коммуникативных обстоятельств, участия невербальных элементов (жестов, картинок и др.).

Е.О. Опарина

КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА

2020.01.017. Л.Р. КОМАЛОВА. КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКЕ. (Обзор).

Ключевые слова: аннотация; семантика; нарратив; доктор; пациент; согласие между аннотаторами; обработка естественного языка; корпус текстов; французский язык; история болезни; машинное обучение; сущность; онтология; атрибут; клиническая практика; английский язык; спонтанная письменная речь; формализованный отчет; терапевт; врач общей практики; частеречная разметка; морфосинтаксическая аннотация; медицинский препарат; психотропное вещество; побочный эффект.

В работе Л. Кампиллос и коллег [A French clinical corpus..., 2018] описывается аннотированный корпус текстов на французском языке. Текстовый материал состоит из клинических записей, сделанных докторами во время приема пациентов, эпикризов при выписке больного, протоколов проведения медицинских процедур, выписанных рецептов и назначений. В корпус вошло 500 документов (148 476 токенов, 44 740 сущностей, 26 478 связей между сущностями и атрибутами).

Методика аннотирования была разработана таким образом, чтобы обеспечить возможность наиболее широкого охвата тематических областей клинической практики. Архитектура семантической аннотации включает 21 сущность (например: анатомия, биологический процесс или функция, химические / лекарственные препараты, инструменты, расстройство, гены / протеин, больница, медицинская процедура, персоналии, признаки / симптомы и др.), 11 атрибутов (например: утверждение, аспект действия, пространственная локализация, измерения и др.), 37 типов отношений между сущностями (например: эффект, последствия, осложнения, опыт, взаимодействие с кем-либо, предупреждение чего-либо, восстановление, излечение и др.).

Статистическая обработка корпуса показала, что наиболее частотным типом сущностей является «медицинская процедура», далее следуют такие сущности, как «персоналии» и «анатомия». Наиболее частотной в категории «заболевания» оказалась сущность «расстройство» (а не сущности «признаки / симптомы»). В корпусе широко представлены такие атрибуты, как «измерения» и «временные параметры», в то время как атрибуты, связанные с лекарственными препаратами, такие как «схема назначения» и «форма лекарственного средства», встречаются редко.

Представленный в работе корпус и методика аннотирования, по мнению авторов, могут быть использованы для разработки систем автоматического распознавания сущностей, атрибутов и отношений между ними в текстах на французском языке, формализующих клиническую практику.

В работе А. Савкова и коллег [Annotating patient clinical records..., 2016] описывается процедура создания аннотированного корпуса англоязычных записей из медицинских карт. Подобный материал трудно поддается автоматической обработке, в связи с этим исследователи ставят перед собой задачу разработать такую методику аннотирования, которая учитывала бы «телеграфный стиль» подобных клинических заметок, наличие орфографических ошибок и неправильного порядка слов, употребление профессионального жаргона и сокращений, порой отсутствующие пунктуационные знаки наряду с тематической спецификой подобных записей.

Разработанный корпус «Харви» (Harvey¹) состоит из 750 деперсонифицированных клинических записей (общие замечания терапевта, результаты клинических исследований, направления от специалистов / к специалистам) об оказании первичной терапевтической помощи врачами общей практики (около 17 656 слов, 22 914 токенов) с тремя уровнями лингвистической аннотации. Первый слой содержит частеречную разметку, осуществляемую автоматически при помощи системы cTAKES [Mayo clinical text analysis, 2010]. Второй и третий слои представляют собой фрагменты, снабженные синтаксической и семантической аннотацией, которая проводилась вручную. По мнению авторов, предлагаемая схема аннотирования пригодна для целей машинного обучения.

Направления, как правило, носят описательный характер, являются подробными описаниями течения болезни и проделанных диагностических процедур. Эти документы грамматически выверены и, как правило, предназначены для однозначного обмена информацией между терапевтом (врачом общей практики) и специалистом. Протоколы клинических тестов бывают дополнены комментариями врача. Общие замечания терапевта касаются различных взаимодействий с пациентами: телефонных переговоров, визитов на дом, госпитализации и т.д. Подобные записи часто включают две части: 1) фиксация терапевтом того, что пациент рассказал о своих проблемах, и 2) профессиональные заметки терапевта во время обследования, в состав которых помимо наблюдений могут также включаться выводы о течении болезни / ходе лечения, размышления терапевта о возможных альтернативных способах терапии, предписания и назначения.

Статистическая обработка данных корпуса дала следующие результаты. Описания, содержащие количественные данные, обычно сопровождаются соответствующей единицей измерения; заметки с указанием времени имеют большую вариативность (начиная от профессионального жаргона типа «2/7», что обозначает «два дня», до полных конструкций типа «за месяц до диагностики рака»); описания, локализующие определенное явление, обычно встречаются в качестве модификаторов существительного, кото-

¹ Корпус назван в честь Уильяма Харви, английского врача XVI в. и автора «De Motu Cordis», также известного как «On the motion of the heart and blood», первого серьезного описания процесса кровообращения. – *Прим. реф.*

рому они подчиняются, например «как боль в животе», или сокращенно «ВЛК», что означает «верхний левый квадрант» (*ULQ = upper left quadrant*). Среднее количество токенов на фрагмент – ниже 1,5, что свидетельствует о большой доле одиночных токенов.

Разработанный авторами текстовый корпус содержит исчерпывающие данные клинических наблюдений на уровне врачей общей практики, что делает его ценным ресурсом для широкого спектра областей исследований, таких как клиническая эпидемиология, модели заболеваний, лечение заболеваний, результаты исследований и использование лекарственных средств. В связи с этим корпус может использоваться при создании систем извлечения информации и классификации подобных текстов.

В статье М. Золноори и коллег [A systematic approach, 2019] описывается процесс создания аннотированного корпуса письменных описаний побочных действий от препаратов, назначаемых в ходе лечения психических расстройств (PsyTAR = Psychiatric Treatment Adverse Reactions). В корпус вошло 891 описание (6004 предложения, 7414 сущностей). Источником для сбора материала послужил онлайн-форум [Ask a patient – эл. ресурс], в котором люди, принимающие различные медицинские препараты, оставляют свои отзывы и описания действия определенного лекарственного средства. При создании корпуса отбирались отзывы о четырех психотропных веществах, которые, согласно докладу компании IMS Health, в США входили в десятку лучших антидепрессантов в 2013–2014 г.: Zoloft и Lexapro из группы препаратов селективных ингибиторов обратного захвата серотонина (СИОЗС, 432 описания), Effexor и Cymbalta из группы препаратов-ингибиторов обратного захвата серотонина и норэпинефрина (ИОЗСиН, 459 описаний). Большинство описаний было создано женщинами. Средний возраст всех участников, чьи описания включены в корпус, составил 37 лет; длительность приема препарата – от одного дня до 20 лет (медиана составила пять месяцев). Процесс создания корпуса включал три этапа: 1) обработка исходного материала, 2) классификация предложений, 3) определение сущностей и их нормализация.

Статистические данные показали, что в составе корпуса 36% предложений были помечены как «побочные реакции на лекарства», далее следует категория «другие (невозможно применить

классификацию)» (35%) и предложения, помеченные как «эффективность действия препарата» (18%). Наибольшую частоту встречаемости в корпусе имеют сущности, описывающие физиологические изменения под действием препарата (53%), за ними следуют психологические (40%), когнитивные (5%) и функциональные изменения (2%). Большинство идентифицированных сущностей относилось к побочным действиям препаратов (65%), за которыми следовали сущности, указывающие на признаки / симптомы заболевания и называющие заболевание (16%), сущности, соответствующие показаниям к применению препарата (11%), и сущности, характеризующие синдром отмены препарата (8%).

Показатель средней длины предложения для описаний препаратов группы ИОЗСиН (7,1 предложений, 117,5 токенов) оказался выше по сравнению с описаниями препаратов группы СИОЗС (6,4 предложений, 103,3 токенов). Пациенты, принимающие ИОЗСиН (215) указали больше побочных эффектов по сравнению с пациентами, принимающими СИОЗС (64). Соотнесение идентифицированных в корпусе сущностей показало соответствие с перечнем описаний «Единой медицинской языковой системы» (UMLS = Unified Medical Language System) и выявило 164 сущности, отсутствующие в «Систематизированной медицинской номенклатуре – Клинические термины» (SNOMED CT)¹. В разработанном корпусе описания психологических и когнитивных побочных действий от приема препаратов, а также функциональных проблем имеют большую семантическую вариативность и существенно отклоняются от описаний, представленных в стандартизированных словарях, по сравнению с описаниями физиологических побочных действий и показаний к применению препаратов.

¹ SNOMED CT (Систематизированная медицинская номенклатура – Клинические термины) – это систематизированная машинно-обрабатываемая медицинская номенклатура. В состав SNOMED CT входит совокупность элементов: медицинские термины (terms), коды терминов (codes) и определители кодов (definitions). SNOMED CT применяется в медицинской документации и отчетах для повышения эффективности работы с клиническими данными. Систематизация клинической информации способствует общему повышению качества оказываемых услуг по лечению. SNOMED CT является базовой терминологией, используемой для ведения электронных медицинских записей. – *Прим. реф.*

По мнению авторов, созданный корпус будет полезен при разработке алгоритмов машинного обучения и текст-майнинга, так как увеличит точность идентификации определенных сущностей. Его можно также использовать в целях оценки корреляции между побочными действиями от определенного препарата групп ИОЗ-СиН / СИОЗС и отношением потребителей к антидепрессантам.

Аналитический обзор [Clinical text classification research trends, 2019] охватывает 72 исследовательские статьи (временной интервал 2013–2018 г.), в которых в качестве источника данных использовались клинические отчеты / записи и медицинские документы, а для их обработки применялись автоматизированные системы классификации текстов. Проведенное архивное исследование позволило выделить шесть направлений: 1) классификация клинических отчетов / записей, 2) характеристика используемых баз данных, 3) методы предварительной обработки и техники отбора данных, 4) разработка алгоритмов извлечения данных, 5) подходы к машинному обучению, 6) применение показателей определения эффективности модели.

Классификация клинических отчетов / записей используется в таких предметных областях, как, например, рак молочной железы, рак легких, гриппоподобные заболевания, жестокое обращение с детьми, аутопсия и побочные реакции на лекарства. В каждой области различные типы клинических отчетов использовались для разработки модели классификации клинических текстов, включая отчеты о радиологических и патологических исследованиях, отчеты о диагностике / лечении рака, биомедицинские документы, отчеты о процедуре МРТ, отчеты о вскрытии, отчеты о гриппе, свидетельства о смерти и тексты с сайтов социальных сетей (например, Twitter и DailyStrength), связанных со здравоохранением. Во многих случаях эти отчеты собираются в медицинских учреждениях, таких как больницы. Размер и качество набора данных положительно коррелируют с характеристиками определенного классификатора. Однако в каждом конкретном исследовании чаще всего используется уникальная база данных, так как отбираемый материал предоставляется разными учреждениями, отличающимися подходом к протоколированию медицинской документации, что может затруднить создание универсальной системы классификации клинических отчетов / описаний. Кроме того, описание одного

и того же заболевания может включаться в записи различных специалистов. Для разработки классификатора клинических текстов авторы предлагают использовать гетерогенно-гетерогенные отчеты / записи.

Основным ограничением в исследовании классификации клинического текста является сбор сбалансированного набора данных с достаточным объемом выборки для обучения модели. Авторами было обнаружено, что во многих исследованиях используются несбалансированные наборы данных, в которых выборки прогнозирующих классов различаются по размеру. Во многих исследованиях не уделяется должного внимания использованию подходящего подхода к валидации и оценке эффективности классификатора. В связи с этим предполагается, что в случае несбалансированного корпуса данных следует использовать подходящие 1) техники отбора первичного материала (например, избыточная выборка (*over-sampling*), недостаточная выборка (*under-sampling*) или *SMOTING*), 2) метрики производительности (например, *AUC*). Авторы рекомендуют использовать несколько алгоритмов машинного обучения для повышения эффективности работы классификатора.

В связи с тем, что каждое из 72 анализируемых работ использовало свой метод сбора и обработки данных, авторам не удалось провести сравнение показателей эффективности работы классификаторов. В результате качественного анализа статей было выявлено, что применение метода опорных векторов (*SVM = Support Vector Machine*) в большинстве случаев дает лучшие результаты в алгоритмах на основе структурированного машинного обучения (*SML = Structured Machine Learning*). В некоторых исследованиях сообщается, что алгоритмы машинного обучения *RB* получили лучшие результаты классификации.

Обзор показал, что только в пяти из 72 статей представлен анализ выявленных ошибок классификации, которые были связаны 1) с неоднозначностью информации, представленной в клиническом отчете (классификатор столкнулся с трудностью отнесения текста к определенному классу); 2) с наличием орфографических ошибок; 3) с наличием неверной маркировки данных; 4) с потерей данных при кодировке (в некоторых исследованиях авторы создавали собственный лексикон, в процессе кодировки некоторые дан-

ные не попадали под правила соответствий и не были учтены при классификации текстов). Наконец, только несколько исследований использовали медицинские онтологии для извлечения соответствующих медицинских понятий из выделенных клинических терминов из отчетов. Эти исследования показали, что некоторые сущности не могут быть идентифицированы с помощью таких широко используемых онтологий, как SNOMED CT и MetaMap, что приводит к ошибкам классификации.

Список литературы

A French clinical corpus with comprehensive semantic annotations: Development of the Medical Entity and Relation LIMS annotated Text corpus (MERLOT) / Campillos L., Deléger L., Grouin C., Hamon T., Ligozat A.-L., Névéol A. // *Lang. resources & evaluation.*—2018. — Vol. 52. — P. 571–601. — DOI: <https://doi.org/10.1007/s10579-017-9382-y>

A systematic approach for developing a corpus of patient reported adverse drug events: A case study for SSRI and SNRI medications / Zolnoori M., Fung K.W., Patrick T.B., Fontelo P., Kharrazi H., Faiola A., Wu Y.S.S., Eldredge Ch.E., Luoa J., Conway M., Zhu J., Park S.K., Xu K., Moayyed H., Goudarzvand S. // *J. of biomedical informatics.* — Elsevier, 2019. — Vol. 90. — P. 103091. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbi.2018.12.005>

Annotating patient clinical records with syntactic chunks and named entities: The Harvey corpus / Savkov A., Carroll J., Koeling R., Cassel J. // *Lang. resources & evaluation.* — 2016. — Vol. 50. — P. 523–548. — DOI: [10.1007/s10579-015-9330-7](https://doi.org/10.1007/s10579-015-9330-7).

Ask a patient. — Mode of access: <https://www.askapatient.com> (Дата обращения: 29.01.2019 г.)

Clinical text classification research trends: Systematic literature review and open issues / Mujtaba G., Shuib L., Idris N., Hoo W.L., Raj R.G., Khowaja K., Shaikh Kh., Friday Nwek H. // *Expert systems with applications.* — Elsevier, 2019. — Vol. 116. — P. 494–520. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2018.09.034>

Mayo clinical text analysis and knowledge extraction system (cTAKES): Architecture, component evaluation and applications / Savova G., Masanz J., Ogren P., Zheng J., Sohn S., Kipper-Schuler K. et al. // *JAMIA: A scholarly j. of informatics in health and biomedicine.* — Oxford, 2010. — Vol. 17 (5). — P. 507–513. — DOI: <https://doi.org/10.1136/jamia.2009.001560>

SNOMED International. — Mode of access: <https://www.snomed.org> (Дата обращения: 29.01.2019 г.)

УРОВНИ ЯЗЫКА

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ. ФРАЗЕОЛОГИЯ. ОНОМАСТИКА

2020.01.018. БЕЛОВ В. А. СЕМАНТИЧЕСКАЯ БЛИЗОСТЬ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ. – Череповец: ЧГУ, 2018. – 210 с.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; грамматика; имена существительные; лексикон; русский язык; синонимические отношения.

Вадим Алексеевич Белов – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации Череповецкого государственного университета.

Монография состоит из введения, двух глав и заключения.

Монография посвящена использованию семантической близости имен существительных в лексиконе носителя русского языка. В основе исследования лежит гипотеза о том, что когнитивный и психолингвистический механизмы формирования отношений семантической близости имен существительных связаны с их лексико-семантическими свойствами. В работе проводится многоаспектный анализ семантических связей и ментальной организации синонимических экспериментов с одновременным привлечением корпусных данных. Автор использует широкое понимание синонимии: синонимами становятся единицы, обладающие семантической близостью в лексике человека.

Во введении отмечается, что в работе предпринята попытка проанализировать синонимические отношения имен существительных (ИС) как категорию, которая недостаточно полно исследована с точки зрения семантических и синонимических связей.

Актуальность данной темы подтверждается тем, что ИС занимают значительное место в синонимических ресурсах русского языка.

Автор полагает, что недостаточная изученность синонимических связей объясняется, во-первых, тем, что для ИС характерны более узкие (по сравнению с другими знаменательными членами речи) синонимические ряды, что делает синонимию ИС периферийным объектом семантических исследований. Ограниченность синонимических связей ИС связана с их категориальной семантикой, которая чаще всего сводится к предметности и конкретности. Во-вторых, для исследования конкретной лексики, составляющей основу ИС, оказываются в меньшей степени применимы традиционные, системоцентрические методы семантического анализа.

Действительно, подавляющее большинство работ по лексической синонимии выполнено в рамках системоцентрического подхода.

Развитие в последние десятилетия антропоцентрического и когнитивного подходов в лингвистике открывает новые перспективы в исследовании синонимических отношений ИС.

Дискуссионными также оказываются принципы формирования семантической близости лексических единиц. Выделяются пять подходов: 1) денотативный подход, трактующий синонимы как слова, выражающие одно явление действительности; 2) традиционный (сигнификативный) подход, рассматривающий синонимию как тождество или близость значений; 3) структурный подход, предполагающий совпадение формальных и семантических характеристик синонимов; 4) прагматический подход, требующий взаимозаменяемости синонимов; 5) психолингвистический подход, в рамках которого как синонимы рассматриваются слова, сближаемые в лексиконе.

Итак, целью монографии является исследование механизмов формирования отношений семантической близости имен существительных как лексико-семантической категории в лексиконе носителя русского языка.

Материалом исследования выступают следующие источники: 1) сведения словарей русского языка (словарей синонимов и толковых словарей); 2) серия психолингвистических экспериментов, проведенных по различным методикам, в которых приняли участие 869 человек – носителей русского языка; 3) статистика

ключевых слов (запросов в поисковых системах) на «Яндексе», 4) публикации в российских средствах массовой информации, в Интернете в период с 2014 по 2018 г., которые использовались для анализа современного употребления слов и изучения лексической изменчивости.

В основе исследования лежит гипотеза, связывающая механизм формирования отношений семантической близости ИС с их лексико-семантическими характеристиками. Категориальное значение, свойственное разным лексико-грамматическим разрядам ИС, во многом определяет механизмы формирования семантических связей в лексиконе носителя языка.

В первой главе «Отношения семантической близости и способы ее описания» проводится аналитический обзор теоретических источников по теме исследования. Композиционно глава первая организована с учетом задач работы: во-первых, дается характеристика категориального значения ИС и исследований отношений семантической близости для ИС; во-вторых, представлены подходы к семантической близости (денотативный, традиционный, формальный, психолингвистический, прагматический); в-третьих, охарактеризованы существующие типы синонимов; в-четвертых, дана характеристика методов описания лексического значения.

Автор анализирует природу формирования семантической близости в лексиконе; для анализа были взяты подходы, используемые для объяснения синонимии. В научной литературе представлены пять основных подходов к синонимии – денотативный, сигнификативный (традиционный), формальный, прагматический, психолингвистический. Представлена характеристика достоинств и недостатков каждого подхода. Отмечается, что для разных рядов ИС могут быть использованы различные подходы.

В проведенном исследовании автор использует прагматический и психолингвистический критерии для установления семантической близости слов. Методика описания отношений семантической близости опирается на следующие представления: во-первых, в лексиконе семантические и ассоциативные отношения тесно связаны; во-вторых, значение лексических единиц формируется в контексте высказывания с учетом общего замысла говорящего; в-третьих, смысл высказывания порождается и воспринимается си-

туативно: речевая информация «упаковывается» в пропозиционно-фреймовой форме.

Далее обсуждается теоретическое разграничение терминов «синонимический ряд» и «синонимическая группа». Несмотря на то что термин «синонимический ряд» чаще используется в лексикологии и лексикографии, его нельзя назвать удачным, по мнению автора, потому что он предполагает наличие иерархии между синонимами. В исследовании используется термин «синонимическая группа (СГ)», который применим по отношению ко всем типам синонимических отношений.

В данной главе проведен краткий обзор работ, посвященных организации СГ. Существует две точки зрения на объем синонимической группы (ряда). Согласно первой из них, СГ замкнут и не допускает включения новых членов на данном синхронном этапе развития языка. Вторая точка зрения, напротив, рассматривает СГ как безграничный, т.е. СГ представляет собой открытую структуру, не имеющую четких границ. В работе доказывается обоснованность второй точки зрения на эту проблему.

При рассмотрении доминанты как центра СГ также отмечаются две точки зрения. Согласно первой точки зрения, СГ предполагает выделение центрального элемента – доминанты СГ, вторая точка зрения не допускает выделения доминанты.

Также дается характеристика основных типов синонимов: абсолютные / относительные синонимы; стилистические / идеографические синонимы; синонимы языка / синонимы речи.

В работе показано, что абсолютная синонимия – это несвойственное для языка явление: полностью тождественных синонимов не существует. Все абсолютные синонимы и варианты слов семантически различны. Одним из основных семантических законов в сфере синонимов является дифференциация значений.

В основе деления синонимов на идеографические и стилистические лежит представление о наличии денотативного и коннотативного значений. Как показало исследование, выделение отдельного коннотативного, стилистического значения условно: собственно семантическая информация перемешивается в лексическом значении со стилистическим.

Автор также обсуждает основания разграничения ситуативных и языковых синонимов. Подобное разграничение становится

искусственным, потому что не имеет четких гносеологических оснований: семантическая близость слов, регистрируемая в речи, служит первичным фактом, на основе которого должно формироваться представление о близости значений в языковой системе.

При рассмотрении методов описания лингвистического значения синонимов отмечается, что подавляющее большинство работ по синонимии выполнено с использованием метода компонентного анализа. Однако сам метод не лишен недостатков, которые во многом препятствуют решению вопросов в области синонимии. Основным ограничением данного метода является его непсихологичность.

Для описания лексического значения слов, в работе используется фреймовый метод, который дополняется (для описания некоторых типов синонимических отношений) методом (теорией) прототипов. Фреймовая семантика пытается объяснить и понять, как значения и слова реально функционируют в лексиконе носителя языка. В основе обработки языковой информации лежит ситуативный фактор (связанность событий в предшествующем опыте человека).

В главе также дана характеристика корпусных методов. Основным преимуществом корпусного метода является объективность полученных сведений: анализ большого количества данных устраняет случайные, субъективные и «несистемные» явления. Подход, реализуемый в настоящей работе, совмещает общую когнитивную установку, которая проявляется во внимании к внутренним процессам (происходящим в лексиконе носителя языка), и использованием корпусных методов.

Также обобщаются результаты корпусных исследований синонимов и отношений семантической близости: такой анализ позволяет проанализировать совместную встречаемость и контекстуальные свойства слов.

Во второй главе «Исследование семантико-когнитивных оснований семантической близости в лексиконе носителя языка» представлены источники и материал исследования, а также результаты анализа семантико-когнитивных оснований семантической близости в лексиконе носителя русского языка. В соответствии с задачами работы, вторая глава композиционно разбита на несколько частей. Каждая из них посвящена решению конкретной

поставленной задачи: изучение отношений семантической близости разных лексико-грамматических разрядов ИС по сведениям словарей синонимов и экспериментов; исследование организации отношений семантической близости в лексиконе; анализ механизмов взаимозаменяемости синонимов в высказываниях; исследование методов описания отношений семантической близости и изучение изменчивости семантических связей.

В главе описывается научный инструментарий и материал исследования; источниками данных выступают, во-первых, сведения словарей синонимов; во-вторых, корпусные данные; в-третьих, результаты серии психолингвистических экспериментов; и, в-четвертых, сведения «Русского ассоциативного словаря».

Представлены результаты анализа семантико-когнитивных оснований семантической близости в лексиконе носителя русского языка. В соответствии с задачами работы исследование композиционно разбито на несколько частей. Каждая из них посвящена решению конкретной задачи.

Первой задачей исследования стало изучение свойств семантической близости разных лексико-грамматических разрядов ИС. В работе рассмотрены отношения семантической близости конкретных, абстрактных, вещественных, собирательных ИС и наименований лиц (конкретных ИС, обозначающих людей и поэтому обладающих синкретичными свойствами).

Результаты исследования показывают, что описание отношений семантических разрядов ИС может различаться при системноцентрическом (используемом в словарях синонимов) и антропоцентрическом (реализуемом в лексиконе носителя языка) подходах. В первую очередь, различия проявляются в объеме словарных синонимических рядов (СР) и СГ, полученных в результате эксперимента. По данным словаря синонимов, наиболее многочисленные СР представлены у абстрактных ИС и наименований лиц, однако, по результатам эксперимента, конкретные ИС обладают наибольшим количеством синонимов.

Различия в представлении синонимических отношений в словаре и лексиконе также могут касаться состава СГ: синонимы совпадают в ядре, но могут различаться на периферии. Для сравнения состава СГ было введено понятие «опорные синонимы»: такие синонимы образуют ядро СГ, наиболее устойчивую часть СГ

с сильными семантическими связями. В целом в более половины случаев наблюдается совпадение опорных синонимов и наиболее частотных реакций эксперимента, но регулярно фиксируются расхождения между словарными СР и СГ, представленными в лексике. Было выделено несколько типов подобных расхождений: во-первых, СГ в лексиконе оказываются шире за счет включения гипонимов, гиперонимов, ситуативных синонимов; во-вторых, СГ отличаются по глубине за счет включения нелитературных элементов. Также отмечается, что словари могут определить степень семантической близости слов, которая не соответствует отношениям в лексиконе: степень семантической близости в словарях проявляется положением слова в СР, а в лексиконе – частотностью реакции, полученной в эксперименте.

В заключении отмечается, что отношения семантической близости представленные в лексиконе носителя русского языка, характерны для всех лексико-грамматических разрядов ИС. Однако в силу различий лексико-семантических характеристик лексико-грамматические разряды могут различаться механизмами формирования семантической близости.

В рамках системоцентрического подхода, который используется в словарях синонимов, основной характеристикой конкретных, собирательных и вещественных ИС служит их слабая способность к образованию синонимических связей, что проявляется, в частности, в незначительном количестве СГ собирательных и вещественных ИС и малочисленных СГ этих разрядов ИС.

Абстрактные ИС наиболее полно представлены в словарях синонимов и имеют более обширные СГ по сравнению с другими разрядами ИС.

В словарях синонимов носителями используются разные критерии синонимии. В словарях синонимов используется традиционный критерий, согласно которому синонимами становятся слова, близкие по значению, при этом близость значений устанавливается, как правило, с помощью компонентного анализа. С точки зрения носителя языка, синонимами становятся слова, обладающие сильной семантической связью в лексиконе, которая формируется за счет тождественности обозначаемых ситуаций.

Антропоцентрический подход предполагающий обращение к лексикону носителя языка, и экспериментальные и корпусные

исследования показывают, что в лексиконе конкретные ИС имеют наиболее широкие синонимические связи.

Синонимические связи разрядов ИС определяются их семантикой и действием закона семантической дифференциации, согласно которому язык стремится избавиться от слов с тождественным значением. Конкретные и вещественные ИС, обозначая предмет действительности, имеют четкое семантическое представление, что ограничивает формирование традиционных синонимических связей. Абстрактные ИС в силу определенной размытости их семантики не испытывают такого значительного влияния закона семантической дифференциации, что приводит к появлению словарных синонимов.

Семантическая близость в лексиконе устанавливается за счет близости обозначаемых словами референтных ситуаций, что проявляется в наличии тождественных элементов ситуации (слов). При этом лексическое значение формируется в контексте высказывания с учетом общего замысла говорящего.

В лексиконе СГ расширяются за счет гипонимов и гиперонимов, которые обычно рассматриваются как ситуативные (контекстуальные, окказиональные, речевые) синонимы. Данная особенность характерна для всех разрядов ИС.

Компонентный анализ значения, который используется в системоцентрическом подходе для объяснения отношений семантической близости, применим лишь для конкретных и вещественных ИС: при их толковании носители языка используют данный метод. Для абстрактных и собирательных ИС характерны преобладание синонимического способа при толковании носителями языка значений слов и невыраженность компонентного разложения значений слов.

Е.А. Казак

2020.01.019. КИБАРДИНА С.М., ВАШИК К. ОТКРЫТИЕ ИКОНЫ: Лексикон иконописи. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Р. Валент, 2018. – 412 с. – Библиогр.: с. 409–411.

Ключевые слова: русская иконопись; лексикон; лексика иконописи; перевод иконописных терминов.

Светлана Михайловна Кибардина – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики и межкультурной

коммуникации Вологодского государственного университета, специалист в области германской филологии, истории языкознания, перевода.

Клаус Вашик – доктор философских наук, директор Института интенсивного обучения иностранным языкам при Рурском университете г. Бохума (Германия), специалист в области филологии, истории, культурологии, специалист в области истории русской и советской культуры, истории русского и советского плаката¹.

Название лексикона «Открытие иконы» предполагает несколько аспектов понимания, которые авторы объясняют следующим образом: «... в науке открытие – новое достижение в процессе познания мира, результат творческой деятельности; в повседневной жизни открытие – знакомство с чем-то новым, ранее неизвестным, найденным; в реставрации открытие («раскрытие») – освобождение иконы от поздних наслоений до первоначального авторского красочного слоя» [с. 4].

В предисловии подчеркивают значение иконы как неотъемлемой части христианской религии, в духовной жизни общества и называют функции иконы, выходящие за пределы функций, непосредственно связанных с религией.

Цель издания авторы видят в том, чтобы «собрать воедино материал, который позволил бы приблизиться к пониманию иконы и, кроме того, заставил задуматься не только о смысле и значении самой иконы, истории и техники иконописи, но и об истории России в контексте европейской истории, о роли изобразительного искусства в жизни людей» [с. 4].

Лексикон включает более 1800 статей, созданных на базе обобщения описаний соответствующих понятий в искусствоведческой и церковной литературе. Представлен ряд тематических областей: иконографические сюжеты, чудотворные и другие известные иконы Богоматери и Иисуса Христа, техника создания иконы, история иконописи, известные иконописцы (Дионисий, Даниил Черный, Андрей Рублев, Симон Ушаков, Феофан Грек и др.), богословские и богослужебные понятия, элементы церковной архи-

¹ (В соавт. с Н. Бабуриной): Реальность утопии: Искусство русского плаката XX века. – М., 2004. – 416 с.

тектуры, необходимые для понимания содержания, смысла и культурной значимости тех или иных икон и др.

Формулируется также лингвистическая задача лексикона: перевод всех представленных в лексиконе понятий на немецкий язык, поскольку, по мнению авторов, в существующих двуязычных немецко-русских и русско-немецких словарях лексика церковного искусства отражена не полностью.

Перевод иконописных и агиографических терминов связан с целым рядом специфических сложностей, обусловленных содержанием и происхождением данной терминологии. Книга должна помочь переводчикам открыть для себя эту предметную область. Теоретическую и практическую ценность лексикона авторы видят в том, что лексика иконописи представляет собой важный фрагмент языковой картины мира, но является недостаточно изученным объектом лингвистических исследований.

Структурно лексикон состоит из следующих разделов: краткой рецензии доктора исторических наук, профессора А. Камкина в форме обращения к читателям; предисловия авторов; списка основных сокращений, словника основной части; трех приложений и их словников, а также списка использованной литературы.

Статьи представлены в алфавитном порядке, за исключением названий икон Богородицы и Иисуса Христа, которые выделены в три отдельные приложения: Приложение 1 «Православные иконы Богородицы»; Приложение 2 «Католические иконы Богородицы»; Приложение 3 «Иконы Иисуса Христа». Названия икон даются в сокращенном виде.

Заглавное слово (вокабула) с проставленным ударением печатается полужирным шрифтом с абзаца в начале словарной статьи. В скобках дается указание на язык-источник и приводится написание вокабулы на языке-источнике (например, на древнегреческом языке, латыни, древнееврейском, старославянском и др.), в необходимых случаях приводится перевод на русский язык. Затем следует его толкование, приводятся примеры из соответствующих текстов, в которых эти понятия употребляются, даются ссылки на источник (и). В конце статьи приводится выделенный полужирным шрифтом перевод данного понятия на немецкий язык с указанием грамматического рода существительных и, в необходимых

случаях, других грамматических характеристик, например указания на единственное или множественное число. Например:

«**МАНДОРЛА** (итал. *mandorla* ‘миндаль’) – форма из двух пересекающихся сфер, дуги которых на плоскости создают миндалевидный силуэт. Символ духовного света, Божественного сияния. В древнерусской иконописи – сияние в форме овала, в котором изображались Христос и Богородица (Вознесение, Преображение, Сошествие в ад, Спас в силах и др.). Подобная форма часто изображается несколькими концентрическими окружностями, сочетаниями кругов красного, синего, белого цвета, поэтому имеет название “круг славы”. Символика мандорлы восходит к ветхозаветным пророчествам о цветении миндаля (Лев. 1:1; Чис. 17:1–8). В более сложной трактовке мандорла – образ единения неба и земли. **Mandorla f.**»

В статьях приводятся синонимические средства обозначения одного и того же понятия на немецком языке, например в статье «Церковь воинствующая (благословенно воинство небесного царя), посвященной иконе, написанной по заказу Ивана Грозного в память о его походе 1552 г., приведены четыре немецких соответствия: *Streitende Kirche, Streitbare Kirche; Kirche auf dem Kriegszug; Das gesegnete Heer des Himmlischen Königs*, в статье «Освящение икон» – семь эквивалентов: «**ОСВЯЩЕНИЕ ИКОН** – церковный обряд призвания благодати, благословения и освящения иконы. **Weihe f, Weihen n, Weihung f, Einweihung f, Heiligung f, Konsekration f, Einsegnung f.**»

Немецкие корреляты позволяют использовать данный лексикон как переводной русско-немецкий справочник. Некоторые православные богослужебные понятия и иконописные термины не имеют немецких эквивалентов и могут быть только транслитерированы или описаны.

Перекрестные ссылки в статьях выделены особым шрифтом, что облегчает поиск в лексиконе дополнительной информации, связанной с основной вокабулой, например: «**ЖЕНЫ-МИРОНОСИЦЫ У ГРОБА ГОСПОДНЯ**, см. СВЯТЫЕ ЖЕНЫ У ГРОБА ГОСПОДНЯ. **Myrontragende Frauen / Myrophoren pl.**»

Написание ряда слов с прописной или со строчной буквы приведено авторами в соответствие с нормами современного русского литературного языка, кодифицированными в справочных

изданиях Российской академии наук и в ряде случаев отличается от норм, принятых внутри Русской православной церкви.

Статьи значительно отличаются друг от друга по объему при соблюдении основных общих параметров. Наряду с подробными статьями («Икона», «Иконография ангелов», «Иконография Богоматери православная», «Иконопись русская», «Одигитрия», «Техника иконописи», «Вологодская иконопись», «Строгановские письма, строгановская школа», «Белозерская умиление» и др.) лексикон содержит краткие статьи, например по технике создания иконы и используемым в иконописи материалам («Аллаприма», «Багрец», «Бакан», «Вохрение, карнация», «Голубец», «Живица»), а также краткие статьи о разновидностях икон: адописная, аналойная, выносная, домовая, житийная, запрестольная (заамвонная), именная, литая, мироточивая, моленная, наместная, намоленная, оглавная, оплечная, поясная, ростовая др.

Таким образом, издание «Открытие иконы. Лексикон иконописи» сочетает черты толкового, терминологического, энциклопедического и переводного словарей.

Г.М. Фадеева

2020.01.020. КОВШОВА М.Л. СЛОВАРЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В РУССКИХ ЗАГАДКАХ, ПОСЛОВИЦАХ, ПОГОВОРКАХ И ИДИОМАХ. – М.: Ленанд, 2019. – 352 с.

Ключевые слова: лингвокультурология; культурная семантика; имя собственное; антропоним; оним; паремия; идиома; пословица, поговорка; загадка.

Мария Львовна Ковшова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела теоретического и прикладного языкознания Института языкознания РАН, руководитель группы «Лингвокультурологические исследования», специалист в области лингвокультурологии, общей и русской фразеологии¹.

¹ Автор работ: Семантика и прагматика эвфемизмов: Краткий тематический словарь. – М., 2007. – 320 с.; Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – М., 2012. – 453 с.; Семантика головного убора в культуре: Костюмный код культуры. – М., 2015. – 245 с.; (В соавт. С Гудковым Д.Б.): Телесный код русской культуры: Материалы к словарю. – М., 2007. – 288 с.; (В соавт. с Гудковым Д.Б.): Словарь лингвокультурологических терминов. – М., 2017. – 192 с.; и др.

В словаре описываются антропонимы, называющие антропные и антропоморфные (подобные человеку) образы в русских паремиях и идиомах. Словарь представляет собой новаторское лексикографическое издание, в основу которого положен лингвокультурологический принцип описания паремий и идиом как знаков, способных хранить и передавать из поколения в поколение культурную информацию, в том числе и с помощью собственных имен. Представлены различные имена собственные – прямые и производные, подлинные и искусственные, их структуры и конструкции в паремиях и идиомах.

Книга состоит из введения, списка условных сокращений, списка условных обозначений, раздела «Принципы словарного описания собственных имен в составе паремий и идиом» и трех блоков словаря: 1) «Собственное имя в загадках и отгадках»; 2) «Собственное имя в пословицах и поговорках»; 3) «Собственное имя в идиомах».

Во введении подчеркивается, что «противопоставление имен собственных и имен нарицательных – онимов и апеллятивов – одна из основных оппозиций в системе языка» [с. 5]. Описываемые единицы несемантически в системе языка, но в паремиях и идиомах они «становятся носителями культурной семантики, в них проявляется свойство обобщения объектов действительности и типизации тех или иных свойств» [с. 7]. Будучи олицетворенными символами, эталонами, мифологемами и стереотипами, они участвуют в процессах семиотизации ценностно значимого содержания культуры.

Описываются следующие типы собственных имен: 1) антропонимы (называющие и идентифицирующие конкретного человека); 2) хрононимы (называющие отрезки времени в народном календаре и связанные с церковно-календарными именами, например *Матрёна, Тарасиха, Николавна*); 3) мифонимы (называющие антропоморфных языческих богов и демонов, героев мифов, а также предметы, наделяемые в народном сознании сакральным значением, например *Баба-Яга, Кикимора, Дед Мороз*); 4) агионимы (называющие персонажей из Ветхого и Нового Заветов, например, *Адам, Ева, Христос*); 5) литературные онимы (называющие персонажей мирового литературно-художественного дискурса, например *Гамлет, Буратино*); 6) исторические онимы (называющие ре-

альных исторических лиц, например *Цезарь, Стенька Разин, Ленин*). При восприятии паремий и идиом собственное имя интерпретируется в пространстве культурной информации. В словаре зафиксировано большое количество образов, совпадающих буквально или сходных: «так культура кодирует исходные смыслы, воспроизводимые в паремиях и идиомах» [с. 13].

Для каждого блока разработана отдельная структура словарной статьи. Блок, посвященный загадкам и отгадкам, состоит из четырех зон: 1) заголовочной зоны; 2) зоны иллюстрации, или загадки; 3) зоны отгадки; 4) зоны шифров (ссылок на источники текстов загадок). В блоке, посвященном пословицам и поговоркам, зоны выглядят несколько иначе: 1) заголовочная зона; 2) зона иллюстрации, или зона пословицы, поговорки; 3) зона комментария (заполняется по необходимости); 4) зона шифров. Идиомы описываются в следующих блоках: 1) заголовочное слово; 2) зона отсылок (заполняется по необходимости); 3) зона словарных статей идиом: 3.1. зона вокабулы; 3.2. зона стилистически-функциональных помет; 3.3. зона толкования (семантизации); 3.4. зона иллюстрации, или примеров употребления идиомы; 3.5. зона комментария (заполняется по необходимости).

Н.Н. Трошина

2020.01.021. М.Б. РАРЕНКО. К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНА. (Обзор).

Ключевые слова: термин; терминология; терминоведение; полисемия; специальная лексика; терминотворчество; терминологические ловушки; фантомные термины; научное знание; межнаучная омонимия; лексикография; дипломатическая терминология; термины родства; кровное родство; брачное (свойственное) родство; индоевропейские языки; неполное понимание; язык; концепт; когнитивная лингвистика; лингвокогнитология.

А.Н. Александрова в статье «Особенности специализации значений многозначной лексемы “область”» обращается к анализу значений многозначной лексемы «область», проблеме выявления признаков межнаучной омонимии и исследованию использования и функционирования понятия «область» в различных терминологиях.

Становление терминоведения как науки, изучающей специальную лексику в рамках ее типологии, происхождения, формы, содержания (значения) и функционирования, а также использования, упорядочения и создания, можно отнести к XX в. Свой вклад в развитие терминоведения внесли такие ученые, как Г.О. Винокур, О.С. Ахманова, С.В. Гринев, В.М. Лейчик, Ю.Н. Марчук и др. Под специальной лексикой понимается определенный круг слов, употребляемых представителями той или иной научной отрасли. Центральным элементом специальной лексики являются термины, а совокупность терминов данной отрасли производства, деятельности, знания, образующая особый сектор (пласт) лексики, наиболее легко поддающийся сознательному регулированию и упорядочению называется терминологией.

Автор отмечает, что в настоящее время проблемы терминоведения все чаще привлекают внимание ученых, что обусловлено тем, что в XXI в. стремительно увеличилось количество понятий, требующих номинации. Научно-технический прогресс, а вместе с ним – и новые информационные технологии – открывают новые понятия и явления, требующие своего обозначения, благодаря чему происходит непрерывное увеличение лексического состава языка, а одним из способов обогащения словарного состава языка является создание терминов.

В связи с тем что термин служит для обозначения понятий и предметов, относящихся к определенной научной области знания, внутри данной науки термин должен быть однозначен, однако одна и та же звуковая оболочка может быть использована в разных терминологиях.

В статье подробным образом исследуется многозначная лексема «область», значения которой связаны как с общеупотребительным языком, так и отраслевыми разновидностями языка.

Как отмечает автор статьи, согласно толковому словарю русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, слово «область» может иметь следующие значения: 1. Часть страны, государственной территории (или территорий): *Южные области России; Северные области Европы*. 2. Крупная административно-территориальная единица: *Автономная область, Московская область, Начальство из области (из областного центра; разг.)*. 3. Чего или какая; пределы, в которых распространено какое-нибудь явление,

зона, пояс: *Область вечнозеленых растений; Озерная область* 4. чего или какая; Отдельная часть организма, участок тела: *Боли в области печени, в грудной области*. 5. перен., чего; отрасль деятельности, круг занятий, представлений.

Новая область науки, отошло в область преданий (больше не существует; книжн. и ирон.); В области чего, предлог с род. п. – в чем-н., в сфере чего-н. *специалист в области математики; работать в области народного образования*.

Перечисление значений рассматриваемой лексемы автор дополняет описаниями, которые представлены в научно-техническом словаре: **область** в математике – набор значений, которые можно приписать независимой переменной в функции или зависимости, причем набор, или множество, значений зависимой переменной, называется диапазоном.

В качестве иллюстративных примеров в статье рассматриваются случаи употребления лексемы «область» в медицине и в конституционном праве. Автор приходит к выводу о том, что в медицинских науках лексема «область», выступая в качестве специальной лексической единицы – термина, используется достаточно широко, а в конституционном праве лексема «область» используется в терминологическом значении для номинации административно-территориальных образований.

В результате проведенного автором статьи исследования было установлено, что лексема «область» одновременно является и общеупотребительной, и специальной. В качестве термина данная лексема присутствует в юридических науках, в медицине и многих других отраслях научного знания. Использование одной и той же звуковой оболочки для обозначения понятий, относящихся к разным отраслям знания, приводит к увеличению семантического объема лексемы за счет появления нового значения или оттенка значения. Многозначное слово обладает сложной семантической структурой. Анализ многозначной лексемы «область» позволяет говорить о том, что при вступлении слова в терминологическую систему конкретной профессиональной отрасли (иначе говоря – при получении словом статуса термина) значение специализируется, ограничивается, слово теряет прежние лексические связи с другими словами и употребляется только в специализированной среде.

М.В. Беляков в статье «Дипломатическая терминография» приводит анализ терминологических словарей данной тематики (переводного и толкового), оценивается возможность их использования для работы с дипломатическими текстами, представленными на официальном сайте МИД РФ (www.mid.ru). Автор отмечает, что язык дипломатии представляет собой сложно организованную систему, лексика которой состоит из разнородных терминов – собственно дипломатических, политических, экономических, исторических, юридических, лингвистических и ряда других.

Дипломатия, появившись в глубокой древности вместе с развитием государства как общественного института, является одним из средств осуществления внешней политики государства. Несмотря на то, что международные споры в то время нередко решались вооруженным путем, древние государства все же развивали и дипломатическую деятельность. С помощью дипломатии в ту эпоху разрешался сравнительно ограниченный круг вопросов, но уже тогда появились разные типы договоров, сложился обычай направлять посольства для урегулирования проблем международной жизни, соответственно надо было постепенно вырабатывать общую понятийную базу.

Автор отмечает, что наличие устоявшейся терминологии указывает на то, что научная дисциплина или какая-либо сфера деятельности человека прошли период становления. Если терминология зафиксирована в соответствующем толковом или терминологическом словарях, можно говорить о надежной лексической оформленности науки.

Несмотря на давнюю историю, дипломатическая терминология фиксировалась крайне редко, как правило ее термины попадали не в специальные, а общие толковые или переводные словари.

Одним из наиболее востребованных направлений теории и практики также называют терминографией языка для специальных целей (LSP). Следует отметить, что среди обилия словарей языков для специальных целей (экономики, медицины, бизнеса, информатики и пр.) по-прежнему нет словарей дипломатических терминов. Автор отмечает, что русскую дипломатическую лексику описывают (лишь отчасти) один энциклопедический («Дипломатический сло-

варь»¹ и несколько переводных печатных словарей – «Русско-английский дипломатический словарь»²; «Политика. Дипломатия. СМИ: Англо-русский словарь активной лексики. сост. Г.М. Ростова³; «Англо-русский дипломатический словарь»⁴.

Главная цель терминологического словаря состоит в описании состояния конкретной терминологии на данный момент времени. Нормативные терминологические (специальные) словари задают некоторую норму, стандарт использования терминов в определенной терминосистеме. Автор подчеркивает, что одним из важных свойств термина является содержательная точность, под которой обычно понимается четкость, ограниченность значения терминов. Эта четкость значения обусловлена тем, что специальное понятие, как правило, имеет точные границы, которые обычно устанавливаются с помощью научного определения (дефиниции), которое одновременно является и определением значения термина как специальной лексической единицы. Поэтому дефиниция является необходимой принадлежностью термина, играя важную роль в выделении терминологической лексики из словарного состава языка. По мнению автора статьи, переводной терминологический словарь должен сочетать в себе свойства словарей обоих типов, иначе он превращается в переведенный на иностранный язык индекс.

Хотя в переводных словарях вместо толкования значений на том же языке даются переводы этих значений на другой язык, в зависимости от того, предназначен ли словарь для чтения текста на чужом языке или для перевода с родного языка на чужой, он строится по-разному. Переводной словарь должен содержать грамматические и стилистические пометы и особо отмечать случаи, когда переводной эквивалент является неточным в стилистическом отношении. Перевод терминов и терминосочетаний всегда

¹ Дипломатический словарь / общ. ред.: Громько А.А., Ковалев А.Г. и др. – М., 1984. – 1680 с.

² Русско-английский дипломатический словарь / под ред. Журавченко К.В. – М., 2001. – 734 с.

³ Ростова Г.М. Политика. Дипломатия. СМИ: Англо-русский словарь активной лексики. – М: РУССО, 2002. – 224 с.

⁴ Англо-русский дипломатический словарь / Волкова Н.О., Гераскина Н.П., Журавченко К.В. и др.; под общ. рук. Журавченко К.В. – М., 2005. – 852 с.

связан с определенными трудностями, так как объем значения слова в разных языках зачастую не совпадает. Хотя значение термина в идеале должно стремиться к однозначности, многие современные терминологии, возникающие на стыке разных дисциплин и обслуживающие более одной научной или практической сферы, к которым также относится и терминология дипломатии, обладают свойствами полисемии и омонимии, которые требуют особого подхода.

Примером терминологических переводных словарей дипломатических терминов в отечественной лексикографии могут послужить «Русско-английский дипломатический словарь», созданный группой лингвистов в составе Н.П. Гераскиной, К.В. Журавченко, И.Я. Мелех и др. в 2001 г. и «Англо-русский дипломатический словарь», созданный под руководством К.В. Журавченко в 2005 г. Словари содержат около 50 тыс. слов и словосочетаний, относящихся к области дипломатии, а также к основным экономическим, юридическим, политическим и военным аспектам современной внешней политики и международных отношений. В словарь включена лексика по следующим темам: дипломатическая служба и протокол, консульская служба, международные отношения (история и современность), внешняя и внутренняя политика, вопросы военной политики и стратегии, гонка вооружений и разоружение, ООН и международные организации, международное право, дипломатическое и консульское право, вопросы международного космического, морского и воздушного права, вопросы международных экономических отношений, текущие международные отношения.

С.А. Бухтиярова в статье «Концепт как термин, служащий объяснению единиц ментальных ресурсов человеческого сознания» раскрывает содержание понятия «концепт» и его ключевые характеристики. Особое внимание автор уделяет современному состоянию исследований термина в когнитивной лингвистике, представляя краткий обзор основных лингвокогнитивных исследований, рассматривающих содержательные составляющие концепта.

Отмечается, что язык является формой существования мыслительной деятельности человека, охватывая собою все сферы индивидуальной и общественной жизни человека. Взаимопонимание людей, осуществляемое как между индивидуумами, принадлежа-

щими к одной языковой системе, так и между группами людей, принадлежащими к разным языковым системам, может быть объяснено единой логико-мыслительной базой, на которой могут строиться различные концептуальные картины. Автор отмечает, что единая логическая база создает предпосылки для любой взаимной интерпретации любых семантических микро- и макросистем, выражаемых как в индивидуальном речетворчестве, так и в общенациональном. Индивидуальные концепты проявляются, прежде всего, в результатах эстетической речевой деятельности, т.е. художественных текстах, где фигурируют как единицы индивидуального сознания автора, образуя сегменты его концептуальной системы. Поскольку текст обладает коммуникативной, смыслообразующей и информационной функциями, то текстам произведений в художественной культуре свойственны адекватная передача значений и порождение новых смыслов. Имея такую способность, как реконструкция целых пластов культуры, восстановления памяти, достаточно ярко проявляющейся во всей истории культуры, в том числе художественной, тексты превращаются в ее своеобразные символы. Отсюда следует, что в современном семиотическом понимании текст, уходя от своего пассивного, статичного состояния как носителя определенного смысла, становится ярким, динамическим, внутренне противоречивым феноменом, одним из фундаментальных концептов современной семиотики.

Автор подчеркивает, что художественный текст апеллирует не только к индивидуальным стереотипам (концептам – картинкам, концептам – схемам, индивидуальным когнитивным системам и т.д.), но и к коллективным стереотипам / концептам, существующим в данной культуре. Читатель опирается на конвенциональные правила и значения, выходя за рамки синтаксиса и семантики. Текст группирует сцены, сценарии, относящиеся к ним действия и состояния и упорядочивает собственную предметную область. Ситуация, в которой пребывает читатель при текстовой коммуникации, определяет «фокус» восприятия и понимания.

В заключение автор делает вывод о том, что концепт – это такой феномен, посредством которого читатель входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее. Термин «концепт» вошел в понятийный аппарат когнитивистики, семантики, лингвокультурологии и рассматривается как дискретное ментальное образование,

являющееся базовой единицей мыслительного кода человека. Из вышесказанного следует, что именно непрерывная познавательная и практическая деятельность человека признается основным источником терминологической информации, классифицирующей и организующей новые научные знания.

Н.В. Бхатти и Е.Ю. Харитоновна в статье «Особенности терминов кровного родства и свойства в индоевропейских языках (на примере английского, немецкого, русского и урду)» систематизируют и классифицируют термины родства в четырех индоевропейских языках: английском, немецком, русском и урду на основании ряда признаков, позволяющих установить наиболее точно специфику языковой репрезентации указанной семантики в данных языках.

Семья, являясь ключевым понятием в общественном укладе, представляет собой интерес с лингвистической точки зрения в плане терминов, используемых для обозначения отношений между ее членами.

Установление родственных отношений происходило параллельно с формированием и развитием самого общества, поэтому термины родства являются древнейшими терминами общественного строя. Следовательно, можно говорить о том, что они отображают специфику национального пути и своеобразие языка, характеризуют менталитет.

Несмотря на более чем вековую историю исследования, тема терминов родства различных языков остается объектом многочисленных историко-этнографических и лингвистических трудов. Различные подходы к изучению терминов родства встречаются в работах Л.Г. Моргана, Дж.П. Мердока, А.И. Моисеева, О.Н. Трубочёва, С.М. Толстой, А.В. Исаченко и других ученых. Термины родства являются объектами исследования не только лингвистики и этнологии, но и биологии, социологии, юриспруденции, культурологии, антропологии, религиоведения и других наук.

В статье рассматриваются термины кровного и брачного родства в рамках лингвистики с целью выявления особенностей этнокультурного развития, этнических связей семейных и брачных норм в таких индоевропейских языках, как английский, немецкий, русский и урду.

Согласно данным этнологии, системы родственных терминов английского, немецкого и русского языков относятся к так называемому эскимосскому типу систем родства, а система терминов родства урду к суданскому типу. Для первого типа характерно отсутствие различий между родственниками по отцовской и материнской линии, при этом учитывается родство с обеих сторон. Центром является нуклеарная семья: мать, отец, брат, сестра. Все остальные родственники объединяются в несколько групп, каждая из которых обозначается одним термином. При этом различаются поколение, пол родственника, прямое и боковое родство. Братья и сестры родителей дифференцируются только по полу, их дети называются одним термином. Второй тип предполагает особые названия практически для каждого родственника в зависимости от пола, типа его связи с его и степени удаленности от его. Отец, брат отца и брат матери имеют каждый свое наименование. Для кузенов разных степеней родства, принадлежащих к различным наследственным линиям, существует восемь разных терминов. Термины родства принято разделять на те, что обозначают кровное родство (основанное на принципе общего происхождения людей) и брачное родство (свойство) (возникающее в результате брачной связи).

И для тех, и для других терминов свойственна дифференциация по следующим признакам: *пол, поколение / генеративность, возраст*.

В ходе исследования были рассмотрены 67 русских терминов родства и свойства, 51 – английский, 58 – немецких и 73 – урду. К терминам свойственного родства в рамках данного исследования были отнесены также и те, которые номинируют лиц, условно выполняющих роль родственников: *мачеха, отчим, пасынок, падчерица* (рус.) и их соответствия в других изучаемых языках. Учитывая выделенные дифференциальные признаки, можно говорить о нижеследующих семантических особенностях терминов родства и свойства в исследуемых языках.

Гендерное различие во всех изучаемых языках является принципиально важным, например: *внук – внучка* (рус.), *Enkel – Enkelin* (нем.), *granddaughter – grandson* (англ.), *nawasa – nawasi, poota – pooti* (урду). Однако в английском языке, в силу специфики

его категориального аппарата, гендерное различие выражено слабее, чем в остальных исследуемых языках.

В урду проявляется при этом бифуркация – разграничение терминов для обозначения родственников со стороны отца и матери: *daadi* (мать отца), *dada* (отец отца), *nani* (мать матери), *nana* (отец матери). Подобное различие наблюдается и в обозначениях внуков – дети сына и дети дочери называются по-разному – *nawasa* (сын дочери), *nawasi* (дочь дочери), *poota* (сын сына), *pooti* (дочь сына).

Анализ устаревших терминов, имеющих индоевропейские корни, показал, что в древнерусском, древневерхненемецком, древнеанглийском языках термины боковой линии различались по указанному признаку, названия дифференцировались в зависимости от того, по какой линии (мужской, женской) они употреблялись. Например: рус. *стрый* / *строй* (дядя по отцу), рус. *уй* / *вуй* / *вой*, нем. *Oheim* (дядя по матери); нем. *Muhme* (тетя по матери); англ. *fædera* (дядя по отцу), *suhtor-fædera*, *suhtor-ge-fædera* (дядя по матери); англ. *mōdrige*, *moddrige* (тетя по матери), *fadu* (тетя по отцу); рус. *сестринич*, *сестринец*, *сестрич* (племянник по сестре), *сыновица* (племянница по брату). Таким образом, авторы фиксируют процесс упрощения системы и слияния терминов.

Генеративность, отображающая последовательность поколений, в русском языке проявляется посредством применения аффиксации, в немецком и английском – аффиксации и словосложения: рус. *бабушка* – *прабабушка*, *прапрабабушка*, *дедушка* – *прадедушка*, *прапрадедушка*; нем. *Mutter* – *Großmutter*, *Urgroßmutter*, *Ururgroßmutter*, *Vater* – *Großvater*, *Urgroßvater*, *Ururgroßvater*; англ. *grandparents*, *grandfather*, *grandmother*, *greatgrandparents*, *great-grandfather*, *great-grandmother*, *great-great-grandparents*, *great-great-grandmother*, *great-great-grandfather*. Что касается урду, то в нем для выражения терминов родства через поколение используются дополнительные (мать матери) – *per dada* и *pera nana* (прадед по отцу / матери), *per dadi*, *per nani* (прабабушка по отцу / матери).

Возрастные различия в терминологической системе родства отмечаются в урду потому, что данный язык относится к суданскому типу систем родства. Так, для обозначения дяди по отцовской линии, который является старшим братом отца, используется

лексема *taya*, в то время как для младшего брата отца – *chacha*. Разница проявляется и во всех остальных терминах, связанных этой семантикой: *tai* (жена старшего брата отца), *chachi* (жена младшего брата отца), *taya-zaad bhai* (сын старшего брата отца), *chacha-zaad bhai* (сын младшего брата отца), *taya-zaad bahen* (дочь старшего брата отца), *chacha-zaad bahen* (дочь младшего брата отца).

Для обозначения бокового родства в русском языке существуют такие понятия, как *двоюродный*, *троюродный*. Как двоюродными, так и троюродными могут быть *брат*, *сестра*, *дядя*, *тетя*, *племянник*, *племянница*, *дедушка*, *бабушка*, *внук*, *внучка*. В остальных рассматриваемых языках данные термины родства представлены менее градуированно. Боковое родство отображается в немецком языке терминами *Vetter / Cousin*, *Kusine*, *Großonkel*, *Großtante*, *Großneffe*, *Großnichte*, о троюродном родстве, как о специфически обозначаемом отдельным термином, речи не идет. В английском языке мы находим слова *cousin* или *first cousin once removed* для обозначения двоюродных братьев или сестер, *great uncle* и *great aunt* для обозначения двоюродных бабушки и дедушки. Троюродное родство передается лексикой: *second cousin*, *second cousin twice removed*. В урду для таких целей используются конструкции типа *phuppo-zaad bhai* (сын сестры отца), *khalazad bhai* (сын сестры матери), *tamu-zaad bhai* (сын брата матери), *taya-zaad bhai* (сын старшего брата отца), *chacha-zaad bhai* (сын младшего брата отца), *phuppozaad bahen* (дочь сестры отца) *khala-zaad bahen* (дочь сестры матери), *tamu-zaad bahen* (дочь брата матери) *taya-zad bahen* (дочь старшего брата отца) *chacha-zaad bahen* (дочь младшего брата отца).

Несовпадения обнаруживаются при сравнении терминов свойства в исследуемых языках. В русском языке система данных терминов шире, чем в немецком и английском языках. Нем. *Schwiegermutter*, англ. *mother-in-law* соответствуют два отдельных термина в русском языке – *теща* (мать жены) и *свекровь* (мать мужа). Аналогичную ситуацию наблюдаем в следующих примерах: нем. *Schwiegervater*, англ. *father-in-law*, – рус. *тесть* (отец жены) и *свекор* (отец мужа), нем. *Schwager*, англ. *brother-in-law* – рус. *деверь* (брат мужа) и *шурин* (брат жены), нем. *Schwägerin*, англ. *sister-in-law* – рус. *золовка* (сестра мужа) и *свояченица* (сестра жены).

В урду наблюдается еще более сложная система выражения отношений свойства. Если для обозначения родителей мужа и родителей жены используются одни и те же языковые единицы для обеих сторон, *sussar* (отец мужа / жены) и *saas* (мать мужа / жены), то в обозначении, например, жен братьев отца эксплицируется возрастная разница между братьями. Так, *tai* – жена старшего брата отца, *chachi* жена младшего брата отца. В то время как словом *tutani* обозначается жена брата матери. Муж сестры отца и муж сестры матери также выражаются разными словами: *phupa* и *khalu*.

Несовпадение количества значений у лексем, номинирующих одних и тех же репрезентантов, наблюдается и в следующих примерах:

рус. *зять* – 1) муж дочери; 2) муж сестры / нем. *Schwiegersohn* – муж дочери; *Schwager* – муж сестры, англ. *son-in-law* – муж дочери, *brother-in-law* – муж сестры; урду *damaad* – муж дочери, *behn'oi* – муж сестры;

рус. *невестка* – 1) жена сына; 2) жена брата / нем. *Schwiegertochter* – жена сына; *Schwägerin* – жена брата, англ. *daughter-in-law* – жена сына, *sister-in-law* – жена брата, урду *bahu* – жена сына, *bhaabi* – жена брата.

Помимо присутствующих во всех исследуемых языках эквивалентах русскому слову *родители* (нем. *Eltern*, англ. *parents*, урду *waldain*), в немецком и английском языках обнаруживаются также и другие обобщающие слова, объединяющие несколько репрезентантов: *Großeltern*, *Urgroßeltern*, *Ururgroßeltern*, *Schwiegereltern*, *Stiefeltern*, *Geschwister* (нем.), *grandparents*, *greatgrandparents* (англ.).

Говоря о тенденциях развития терминологической системы родства в исследуемых языках, авторы отмечают процесс конвергенции (сужения), что подтверждается выпадением из активного употребления некоторых терминов родства (в первую очередь терминов свойства) и заменой их описательными конструкциями: *брат жены* вместо *шурин*, *брат мужа* вместо *деверь* и т.п. Есть и такие термины родства, которые не употребляются в современном русском языке, однако еще встречаются в толковых словарях, например: *ятровка* – жена брата мужа (деверя), *шурич* – сын шурина, *дщерич* / *дщерша* – племянник / племянница по тетке. Некоторые из существовавших ранее терминов родства были вытеснены современными обобщающими словами. Данный факт наблюдается

как в русском, так и в немецком и английском языках. Например: рус. *сирый / сирой*, англ. *fædera* – дядя по отцу, рус. *уй / вуй / вой*, нем. *Oheim*, англ. *suhtor-fædera, suhtor-gefædera* – дядя по матери обозначаются общим *дядя / Onkel / uncle*; нем. *Muhme*, англ. *mōdrige, moddrige* – тетья по матери заменена на обобщающее слово *Tante / aunt*; вместо рус. *сестринич, сестринец, сестрич* (племянник по сестре), *сыновица* (племянница по брату) в литературном языке стали употребляться термины *племянник* и *племянница*.

На современном этапе активным использованием отмечены лишь слова, связанные с ближайшим кровным родством: мать / отец, сын / дочь, брат / сестра, дядя / тетья, племянник / племянница, внук / внучка, бабушка / дедушка. Из терминов свойства, кроме мужа и жены, используются лишь тетья / свекровь, тетья / свекор, зетья / невестка.

Этот факт свидетельствует об изменениях, происходящих в социуме. Семья со сложной иерархией отношений и фиксированными ролями уменьшилась до небольшой ячейки общества, состоящей из родителей, их детей, бабушек, дедушек. Братья, сестры родителей со своими детьми, а также родственники по браку находятся на периферии. В наибольшей степени это проявляется в английском и немецком языках. Консервативность устоев сохраняет в урду более разветвленную терминологическую систему родства. Русский язык занимает промежуточную позицию, проявляя верность традициям в сохранении устаревшей тематической лексики в пассивном словаре.

Н.В. Васильева в статье «Неполное понимание как когнитивный оператор в терминотворчестве» рассматривает термины, возникшие в результате неполного понимания при трансферах из других терминосистем и других языков. Как поясняет автор статьи, когнитивные последствия такого процесса могут быть различны: от возникновения ложно ориентирующих фантомных терминов с размытым сигнификатом до терминологических переосмыслений, формирующих и развивающих научное знание.

Случаи неполного понимания терминов, имеющие различные последствия для научного знания, относятся к одной из малоисследованных проблем терминотворчества, связанных как с языковой формой терминов, так и с функционированием их в специальных текстах.

К неполному пониманию как к когнитивной проблеме интерес возник относительно недавно, и сформулировали ее сначала философы. Неполное понимание как когнитивный оператор, т.е. одна из общих аналитических функций человеческого ума, может привести к возникновению ложного знания, но может послужить и катализатором нового знания. И может также стать причиной возникновения терминологических «поручиков Куже» – терминов-фантомов, пустых оболочек, не несущих в себе когнитивного смысла.

Автор обращается к ситуации, которую условно обозначает как «слышал звон»: термин появляется в результате весьма приблизительного понимания исходного термина и теряет присущий последнему когнитивный смысл. Так произошло с термином *номема* в одной российской кандидатской диссертации. Автор диссертации ориентировался на немецкий термин *Notet*, введенный в научный обиход специалистами по исторической ономастике Ф. Кольхаймом и К. Хенгстом, который обозначает некую абстрактную единицу, которая дает возможность носителям языка и культуры в определенном хронотопе распознавать различные варианты имен как функционально идентичные. Такая единица получила название *Notet* ‘номема’ (от лат. *notet* ‘имя’ + эмический формант). Реализуемые письменно и устно варианты, согласно структурно-лингвистической терминологической модели, получили обозначение *аллономы* (герр. *графоаллономы* и *фоноаллономы*). Восприятие имеющего различные варианты антропонима описывалось как переход от уровня *аллонома* (область реализации) на уровень *номемы* (в ментальное пространство, в которой содержится информация о данном объекте, адресом доступа к которой является номема). Как отмечает Н.В. Васильева, для топонимики введение понятия «номема» позволяет систематизировать различные вариантные формы топонимов (разговорные, диалектные, жаргонные, окказиональные и пр.), с учетом всех фонетических вариантов (что важно для немецкого языка), а также параллельных форм на другом языке. Существенно, что в систематизации, основанной на *номематическом подходе*, отсутствует необходимость жестко противопоставлять официальную и неофициальную номинацию, а это расширяет исследовательское поле (и исследовательскую толерантность) социономастики. Такой подход, который

второй автор статьи К. Хенгст проиллюстрировал историческими и современными формами немецких топонимов, без сомнения, обогащает теорию и практику топонимических исследований. Номематическая система обнаруживает определенную динамику, и в каждый период времени номемы можно квантифицировать. Таким образом, концепция *номемы* значима прежде всего для исторической ономастики, а также для социономастики и контактной ономастики.

В работе, посвященной прецедентным именам, понятие номемы участвует в трактовании и описании прецедентных имен и сначала определяется через гипероним *механизм* («механизм сопряжения языкового и неязыкового содержания в когнитивной базе»), а далее возникает определение номемы как способа хранения семантической информации уже в прецедентном имени. Еще номема определяется как «смысловой “стержень” содержания онама», «семантический накопитель информации» и, наконец, как единица плана содержания имени собственного. Таким образом, имеется целый веер дефиниций, в том числе метафорических, лишь отдаленно схожих с дефиницией прототермина.

Н.В. Васильева отмечает: «Довольно сомнительно, что данный способ категоризации номемы с помощью вариантных дефиниций ведет к приращению знания; более пристальный анализ контекстов показывает, что элиминация этого термина мало изменяет содержание текстовых фрагментов. Это позволяет сделать вывод, что перед нами термин-фантом, выполняющий в основном орнаментальную функцию» [с. 154].

В статье также описывается история термина *маркированный* (франц. *marqué*), которым Ж. Кантино, воспользовавшись термином из стиховедения, передал термин Н.С. Трубецкого *merkmalhaltig* при переводе книги «Основы фонологии», т.е. ‘признаковый’ (‘содержащий признак’) член фонемной оппозиции в противоположность ‘беспризнаковому’ – *merkmallos*. Как отмечает исследователь, в терминах Трубецкого была отчетливо видна внутренняя форма, которая утратилась во французском термине.

Н.В. Васильева приводит примеры «терминологических ловушек» – различные случаи неполного понимания терминов как их творцами, так и пользователями. Так, термин *диверсификация* ‘расширение’ при устном восприятии может трактоваться как ‘ут-

рата стихосложения', т.е. *де-версификация* (пример С.Е. Никитиной). Но еще более интересны случаи, связанные с категориальными дрейфами, т.е. колебаниями при категоризации. В терминологии это сопряжено с категориальным значением терминологической модели. Неслучайно в примере с термином *номема* сознание заимствовавшего термин автора дрейфовало от значения 'категориальная сущность' к значению 'инвариант' и обратно. Именно таково в современном лингвистическом обиходе значение эмической терминологической модели и «угадывание» значения термина обусловлено этими категориальными рамками. Если ломается сама модель, то не происходит и угадывания, а полученные таким путем термины несут на себе печать терминологического диссонанса.

В заключение автор статьи отмечает, что «неполное понимание может считаться одним из способов терминологического заимствования, который – в зависимости от общего научного уровня исследования, а также его текстового воплощения – может послужить толчком к новому знанию, а может лишь выполнять орнаментальную функцию. В последнем случае кто-то попадает в терминологическую ловушку – либо тот, кто таким образом термин заимствует и употребляет, либо тот, кто в результате пытается этот термин понять. Взгляд на терминообразование сквозь призму неполного понимания позволяет, на наш взгляд, увидеть некоторые явления, которые не попадают в поле зрения при оперировании статическими понятиями «правильно / ложно ориентирующий термин» [с. 156].

Список литературы

Александрова А.Н. Особенности специализации значений многозначной лексемы «область» // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф [Электрон. текстовые дан. (15,6 Мб)]: Сб. статей по материалам Междунар. науч.-практич. конф. памяти д-ра филол. наук, проф. Юрия Николаевича Марчука (г. Москва, 1–2 марта 2019) / редкол.: отв. ред. Валуйцева И.И., отв. сек. Савченко Е.П., ред. англ. текста Улиткин И.А.; под общ. ред. Валуйцевой И.И. – М.: ИИУ МГОУ, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 43–47.

Беляков М.В. Дипломатическая терминография // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф [Электрон. текстовые дан. (15,6 Мб)]: Сборник статей по материалам Междунар. науч.-практич. конф. памяти д-ра филол. наук, проф. Юрия Николаевича Марчука (г. Москва, 1–2 марта 2019) / редкол.: отв. ред. Валуйцева И.И., отв. сек. Савченко Е.П., ред. англ. текста Улиткин И.А.; под общ. ред.

Валуйцевой И.И. – М.: ИИУ МГОУ, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 87–92.

Бхатти Н.В., Харитоновна Е.Ю. Особенности терминов кровного родства и свойства в индоевропейских языках (на примере английского, немецкого, русского и урду) // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф [Электрон. текстовые дан. (15,6 Мб)]: Сборник статей по материалам Междунар. науч.-практич. конф. памяти д-ра филол. наук, проф. Юрия Николаевича Марчука (г. Москва, 1–2 марта 2019) / редкол.: отв. ред. Валуйцева И.И., отв. сек. Савченко Е.П., ред. англ. текста Улиткин И.А.; под общ. ред. Валуйцевой И.И. – М.: ИИУ МГОУ, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 133–139.

Бухтиярова С.А. Концепт как термин, служащий объяснению единиц ментальных ресурсов человеческого сознания // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф [Электрон. текстовые дан. (15,6 Мб)]: Сборник статей по материалам Междунар. науч.-практич. конф. памяти д-ра филол. наук, проф. Юрия Николаевича Марчука (г. Москва, 1–2 марта 2019) / редкол.: отв. ред. Валуйцева И.И., отв. сек. Савченко Е.П., ред. англ. текста Улиткин И.А.; под общ. ред. Валуйцевой И.И. – М.: ИИУ МГОУ, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 130–132.

Васильева Н.В. Неполное понимание как когнитивный оператор в терминотворчестве // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф [Электрон. текстовые дан. (15,6 Мб)]: Сборник статей по материалам Междунар. науч.-практич. конф. памяти д-ра филол. наук, проф. Юрия Николаевича Марчука (г. Москва, 1–2 марта 2019) / редкол.: отв. ред. Валуйцева И.И., отв. сек. Савченко Е.П., ред. англ. текста Улиткин И.А.; под общ. ред. Валуйцевой И.И. – М.: ИИУ МГОУ, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 152–157.

ЯЗЫКИ МИРА

2020.01.022. Э.Б. ЯКОВЛЕВА. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕГИОНАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИЗМА И РЕВИТАЛИЗАЦИИ УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ. (Обзор).

Ключевые слова: уральские народы; уральская языковая семья; региональный национализм; лингвистический национализм; лингвистическая палеонтология; этнополитика; карельский язык; создание письменности; ревитализация письменности.

В настоящее время на уровне государственной идеологии и массового сознания влиятельной становится идея российской гражданской идентичности, которая в российских республиках воспринимается отдельными этническими активистами и культуртрегерами как угроза сохранению этнического отличия.

В своем экспертном докладе [Шабаев, 2018] Ю.П. Шабаев освещает проблему регионального национализма и этнополитики на примере уральских народов России. Он отмечает, что уральские народы объединяются в единую общность по языковому признаку. Многочисленные этнические группы Северной Евразии от финнов, саамов и венгров на западе до нганасан и селькупов на востоке говорят на языках, обнаруживающих между собой значительные сходства. Это дает основания полагать, что все эти языки образовались в результате разделения и исторической эволюции единого уральского праязыка, на котором говорил единый уральский пранарод. Название «уральский» закрепилось за этим праязыком и пранародом в связи с тем, что, как полагают ученые, территория расселения говорившего на этом праязыке пранарода располагалась в Уральском регионе.

Отмечается, что уральская языковая семья делится на две большие ветви – финно-угорскую и самодийскую. Самодийская ветвь включает современные ненецкий, энецкий, нганасанский и

селькупский языки. Финно-угорская ветвь делится на две менее крупные ветви – угорскую и финно-пермскую. Угорская группа включает венгерский и более близкие друг к другу мансийский и хантыйский языки (последние объединяют под общим названием обско-угорских). Финно-пермские языки делятся на несколько групп, каждая из которых объединяет более близкородственные между собой языки. Пермская группа включает коми (коми-зырянский и коми-пермяцкий) и удмуртский языки. В волжскую группу входят марийский и два мордовских языка – мокшанский и эрзянский. К прибалтийско-финской группе принадлежат финский, эстонский, карельский, а также языки ливов, вепсов, ижоры, води. Языки саамов, которые раньше часто считались диалектами единого саамского языка, представляют собой особую группу, обнаруживающую наиболее тесные связи с прибалтийско-финской группой.

Идея о том, что саамы, финны и венгры являются потомками одного древнего народа и у них была общая прародина, первоначально была высказана и обоснована путем языкового сравнения еще в XVIII в. венгерским ученым Я. Шайновичем [Шабаев, 2018, с. 210].

Сообщается, что значительное влияние на изучение проблемы прародины уральских этносов оказала разработка приемов и методов лингвистической палеонтологии, суть которых состояла в том, чтобы на основании имеющихся в современных языках уральской семьи названий животных и растений, происходящих из общеуральского языка-основы, вычленил ареал расселения предков уральских народов. Этот прием впервые был использован русским ученым Ф.П. Кеппенем, который пытался определить общую прародину финно-угорских и индоевропейских народов.

Автор отмечает, что дальнейший прогресс в поисках прародины уральских народов связан с появлением в 1961 г. работы венгерского профессора археологии Д. Ласло «Самые ранние периоды нашей древней истории», в которой он обратил внимание на то, что под влиянием климатических изменений менялись условия жизни и ареалы распространения отдельных представителей флоры и фауны.

Указывается, что известный венгерский языковед Петер Хайду предложил другую версию определения прародины уральских народов. Хайду, в первую очередь, проанализировал слова,

относящиеся к общеуральскому языковому пласту. Не рассматривая названия из мира фауны, он отобрал всего десять названий растений, принадлежащих к общеуральскому лексическому фонду: семь из них он отнес к эпохе прауральского языкового единства, а остальные три, не имеющие самодийских аналогов, отнес к эпохе финно-угорской общности. Все избранные им для установления прародины угрофиннов растения представляют собой названия деревьев, которые одинаково характерны для сибирской тайги и для европейской зоны смешанных лесов. Особую роль при определении прародины уральских народов, по мнению Хайду, играет дерево вяз. Его название является общим для всех финно-угорских народов. Согласно данным анализа цветочной пыльцы, в предшествовавшие новой эре тысячелетия ареал произрастания вяза простирался по Европе в восточном направлении до северных границ Уральского хребта и верховьев Печоры. Для этих же территорий были свойственны хвойные древесные породы, названия которых являются общими по своему происхождению в современных языках уральской семьи.

П. Хайду высказал мысль о том, что уральскую прародину нужно искать там, где все эти породы встречаются рядом на относительно компактной территории. В VI–IV тыс. до н.э. эти породы деревьев могли произрастать вместе в Западной Сибири и на северо-западных склонах Уральских гор.

Уральские языки обладают очень большим разнообразием и сегодня заметно отличаются друг от друга, что связано с общей историей развития уральских народов и обширной территорией расселения их носителей.

Далее сообщается, что традиционно историю уральских языков принято представлять в виде последовательного дробления цепочки праязыков, которые совместно с современными языками составляют родословное древо языков. Прауральский язык-основа, от которого собственно и берут начало все уральские языки, согласно традиционной точке зрения, которая продолжает доминировать в финноугроведении, распался на прафинно-угорский и прасамодийский не позднее VI–IV тыс. до н.э. Прафинно-угорский существовал до конца III тыс. до н.э. и затем распался на прафинно-пермский и праугорский. Примерно в середине II тыс. до н.э. прафинно-пермский язык, в свою очередь, распадается на прафин-

но-волжский и прапермский, и к VIII в. н.э. из прапермского формируются коми и удмуртский языки (из прафинно-волжского языка до конца I в. н.э. сформировался прибалтийско-финский, впоследствии также распавшийся на финский, эстонский, карельский и другие языки). Из праугорского в середине I тыс. до н.э. выделяются венгерский и обско-угорские языки.

Восстанавливаемая праязыковая лексика позволяет представить в общих чертах специфику материальной культуры носителей праязыка.

Указывается, что применение метода лингвистической палеонтологии дает основание полагать, что уральская прародина все же находилась в зоне сибирской темнохвойной тайги, а для VI–IV тыс. до н.э. это означало территорию, расположенную в основном восточнее Урала: между бассейном нижней и средней Оби и верхним течением Печоры. Но уже для прафинно-угорской эпохи характерен сдвиг территории расселения древних финно-угров в район Прикамья. Именно отсюда впоследствии финно-угры расселились по местам своего нынешнего проживания. Одни племена мигрировали отсюда довольно рано, другие, как, например, венгры, достаточно поздно, что позволило зафиксировать этот процесс в письменных источниках. Сегодня общая численность уральских народов составляет 23–25 млн человек, крупнейшими из них являются венгры, финны, мордва и эстонцы. Но определить точную численность некоторых из этих народов довольно трудно из-за большого количества переходных маргинальных групп, находящихся в процессе аккультурации или ассимиляции [Шабаев, 2018, с. 214].

Далее говоря о нынешней идеологии этнических организаций финно-угров и паннационализме, Ю.П. Шабаев останавливается на «языковом вопросе» в республиках России, где проживают уральские народности. Отмечается, что власти Мордовии сразу же после выступления Путина в Йошкар-Оле¹ отменили практику обязательного изучения мордовских языков в школах республики всеми учениками.

В Республике Коми напротив подписанный министром образования приказ о добровольном изучении коми языка в школах

¹ Выступление В.В. Путина на заседании Совета по межнациональным отношениям в 2017 г.

республики был приостановлен распоряжением главы республики. Это произошло после нескольких скоординированных акций: одиночных пикетов в защиту языка, писем в адрес главы от местной национальной интеллигенции, выступлений этнических активистов, публикаций в Интернете. Но, как отмечает автор, в администрации главы республики явно переоценили значение и влияние этих акций, а равно и влияние самого коми движения. Большинство людей в целом позитивно восприняли решение о добровольном изучении коми языка, а русскоязычное большинство долго добивалось этого. Тем не менее приказ был «заморожен», и все осталось, как прежде, что вызывает обоснованное недовольство русскоязычного большинства, включая и русскоязычных коми.

Автор сообщает, что в Удмуртии так и не было введено всеобщее обучение удмуртскому языку. Многие представители удмуртского истеблишмента остались на позициях, выражаемых формулой «сделаем позже, когда все заинтересуются удмуртским языком и полюбят его» [Шабаев, 2018, с. 226].

Отмечается, что язык и языковые проблемы становятся сегодня ядром идеологии этнонациональных движений и их лидеров и на смену этническому национализму приходит лингвистический национализм.

Этнический национализм маскируется языковой проблематикой и заботами о сохранении родных языков. При этом в качестве культуртрегеров, которые решают за простых граждан, какие ценности они должны выбирать (включая язык), выступают именно этнические активисты и этнически ангажированные эксперты [там же, с. 230].

Автор указывает, что общая позиция этнических активистов и примкнувших к ним представителей национальной интеллигенции состоит в том, что региональные языки, а точнее языки титульных этнических групп, находятся в бедственном положении и надо оказывать им всяческую государственную поддержку. «В принципе, с идеей государственной поддержки никто не спорит и программ развития языков и мероприятий, направленных на их поддержку, в республиках проводится достаточно, а сами языки почти повсеместно объявлены государственными. Не имеет этого статуса только карельский язык, но, скорее всего, в ближайшее время и он его получит» [там же].

Ю.П. Шабаев отмечает, что, как правило, ратующие за сохранение родных языков культуртрегеры сами ими не владеют: «...в условиях глобализации и серьезной культурной конкуренции, которая имеет место в поликультурных регионах, влияние региональных языков продолжает слабеть. И самое примечательное это то, что дети многих представителей национальной интеллигенции и известных деятелей этнонациональных движений, которые ратуют за сохранение и развитие языков российских финно-угров, этими языками либо не владеют, либо владеют плохо. При этом именно семья является главным транслятором культурных ценностей, главной ареной, где сохраняются традиции» [Шабаев, 2018, с. 230].

Этнические активисты и местные культуртрегеры хотят придать языку не только значение носителя культуры, но также и политического маркера, исходя из идеи «язык есть власть». Как отмечает автор, «именно поэтому они добивались (и в ряде республик им это удалось), чтобы языки титульных этнических групп стали обязательными предметами для изучения в средней школе, хотя иноэтничное население такую идею не поддерживало, о чем свидетельствовали данные массовых опросов» [там же, с. 231].

Далее отмечается, что в идеологии этнических движений финно-угров изначально присутствовала идея «коренных народов» как символических собственников территорий республик, которые названы их именами. При этом «коренной народ» рассматривался ими как ГЛАВНЫЙ НАРОД (выдел. Ю. Шабаевым), который должен был политически доминировать на территории той или иной республики. Но поскольку идею политического доминирования не удалось реализовать, то родились альтернативы политическому доминированию, которые связаны с формированием представлений о республиканских сообществах как иерархически организованных социумов, где на вершине культурной пирамиды находятся представители «коренного», т.е. главного народа. И если это главный народ, то его культурные ценности, и прежде всего язык, должны не только уважаться всеми остальными жителями, но их можно и нужно всем остальным навязывать насильно. «Когда же эта практика была осуждена на федеральном уровне, этнические активисты начали активно сопротивляться практике добровольного изучения языков, называя ее попыткой уничтожить региональные языки, что было откровенной ложью. Практически

повсеместно имели место некие попытки сопротивления» [Н. Шабаев, 2018, с. 231].

Автор заключает, «тем не менее надо признать, что идея коренного народа как главного, чьи ценности должны иметь безусловный приоритет, глубоко укоренилась в сознании достаточно большой части коми населения, и эта доля за последние годы возрастала, как показали наши исследования (но это не большинство)» [там же, с. 232].

Ю.П. Шабаев указывает, что принципиальная ошибка республиканских властей в Коми и в других республиках с финно-угорским населением состоит в том, что не была создана необходимая информационная среда, обеспечивающая адекватное понимание идеи добровольного изучения языков титульных этнических групп. Речь не шла о наступлении на языки титульных групп, а лишь о защите законных прав всех других граждан, также живущих в северных российских республиках. А поскольку все граждане РФ обладают равными правами, постольку навязывание культурных ценностей одной группы другим недопустимо. Более того, это противоречит нормам международных документов, в частности принятому ООН в 1966 г. Пакту об экономических, социальных и культурных правах, так как в числе культурных прав есть право на культурную свободу, т.е. на свободный выбор языка обучения и общения, свободный выбор культурных ценностей. «Реальной и содержательной дискуссии по поводу региональных моделей этнополитики и проблем этнокультурного образования власти регионов организовать не смогли, что способствует сохранению в массовом сознании культурных стереотипов, прямо противоположных идее гражданского единства россиян и идее гражданской российской нации» [там же].

Статья [Бойко, 2019] Т.П. Бойко посвящена проблеме ревитализации письменности карельского языка. Отмечается, что возрождение карельской письменности на основе латинской графики началось в конце 1980-х годов. В процессе ревитализации карельского языка были определены основные задачи, заключающиеся в создании новой терминологии и внедрении ее в социальную практику, в издании новейших словарей карельского языка, и в целом – в подъеме карельского языка до уровня литературного, способного функционировать в различных сферах общения.

Указывается, что у истории формирования письменности карельского языка довольно сложный и противоречивый характер. Развитие письменности, начавшееся в 1920-е годы, было прервано, а карельский язык был объявлен непригодным на новом витке развития общества.

Первый этап создания карельской письменности относится к 1930-м годам и связан с именем известного ученого-лингвиста, профессора Д.В. Бубриха. В конце 1937 г. был утвержден алфавит карельского литературного языка на основе русской графики письма. Однако первый опыт создания письменности на карельском языке успехом не увенчался. Этот период функционирования языка был очень коротким, что не позволило ему стать родным и узнаваемым. Изменилась политическая ситуация в стране, в том числе и в Карелии. Преподавание местных языков было объявлено национализмом, мешающим полноценному овладению русским языком. Таким образом, письменная традиция карельского языка была прервана почти на полвека, и долгие годы карельский язык оставался в стороне от новых реалий жизни, использовался только в бытовой сфере сельской среды.

Перемены в жизни коренных народов наметились лишь в конце 1980-х годов. Тогда на фоне типичного для всей страны бурного всплеска общественно-политической активности в Карелии впервые открыто заговорили о возрождении карельской письменности. В мае 1989 г. в Петрозаводске состоялась конференция «Карелы: этнос, язык, культура, экономика, проблемы и пути развития в условиях совершенствования межнациональных отношений в СССР». Одним из важнейших вопросов, обсуждаемых на конференции, был вопрос о возрождении карельской письменности и возможностях обучения карельскому языку в школах Республики Карелия. Главный акцент был сделан на создание предпосылок для перехода от устной языковой традиции к письменной. После проведения конференции в рекомендации от 25 мая 1989 г. в области языкового строительства было принято решение создавать карельскую письменность на основе латинской графики на двух наречиях – собственно карельском (северном) и ливвиковском (южном), поскольку эти два наречия карельского языка обладают существенными различиями во всех областях.

Автор сообщает, что для того, чтобы облегчить изучение родных языков школьникам и студентам, позднее было принято решение о создании единого алфавита. Ученым, преподавателям, писателям и журналистам, пишущим на национальном языке, удалось выполнить эту задачу – был создан единый алфавит карельского языка, утвержденный правительством Республики Карелия в 2007 г.

После того как были написаны и изданы буквари, стали выходить в свет книги для чтения на карельском языке, были созданы словари и грамматики карельского языка. С возрождением новописьменного языка потребовались словари нового типа – словари новописьменных языков.

С 2007 г. началась работа над составлением «Большого русско-карельского словаря (ливвиковское наречие)», который был издан в 2011 г. Своеобразным ответом на «Большой русско-карельский словарь» является «Большой карельско-русский словарь (ливвиковское наречие)», увидевший свет в 2016 г. В 2015 г. был издан также «Русско-карельский словарь (севернокарельские диалекты)».

В 2009 г. началась работа по созданию корпуса вепсского языка. Корпус является информационно-справочной системой, в которой все диалектные тексты даются с подробной паспортизацией. В 2016 г. на основе корпуса вепсского языка было начато создание «Открытого корпуса вепсского и карельского языков», программное обеспечение которого позволит учитывать особенности двух родственных языков.

Создание таких словарей является важным шагом в развитии новописьменного карельского языка, так как словарь закрепляет норму, утверждает письменную форму языка, что непосредственно отражается на процессе преподавания и овладения языком. Наличие письменности повышает статус всякого языка как у тех, кто им владеет, кто соприкасается с языковыми и этноязыковыми проблемами, так и у тех, кто его изучает.

Сообщается, что в процесс языкового строительства активно включились сотрудники Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Ими были созданы буквари, грамматики, учебные пособия, составлены словари младописьменных языков Карелии. Выявлены основные проблемные момен-

ты при создании новой лексики и терминологии, отраженных в двуязычных русско-карельском и карельско-русском словарях, учебных пособиях.

В заключение указывается, что актуальность данного исследования обусловлена тем, что развитие карельского языка продолжается на современном этапе, язык не только функционирует в традиционных сферах коммуникации, но и осваивает новые сферы, например Интернет.

Список литературы

Бойко Т.П. Ревитализация карельской письменности // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. – Петрозаводск, 2019. – № 1 (178). – С. 97–101.

Шабаев Ю.П. Уральские народы в этнополитическом ландшафте России: региональный национализм и этнополитика // Этнические и языковые проблемы в современной России: Региональные аспекты. – М., 2018. – С. 209–265.

2020.01.023. Э.Б. ЯКОВЛЕВА. СОВРЕМЕННЫЕ ДАРГИНСКИЙ И КУМЫКСКИЙ ЯЗЫКИ В КОНЦЕПТУАЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ. (Обзор).

Ключевые слова: даргинский язык; кумыкский язык; кубачинский язык; аштынский говор; кайтагский диалект; русский язык; английский язык; арабский язык; омоформы; сопоставительный анализ; лексико-семантические классы; исконная лексика; фразеологизм; прототипическая ситуация; концептуализация; композиционная семантика; этническое сознание; термины родства; апеллятив.

Проблема сопоставительного изучения типологически разносистемных языков вызывает постоянный интерес лингвистов. В данном обзоре представлены нахско-дагестанские языки в сопоставлении друг с другом, а также с английским, арабским и русским языками.

В статье [Никатуева, 2019] З.Ш. Никатуева представила сопоставительный анализ грамматических омонимов даргинского¹ и английского языков. Автор отмечает, что в даргинском и англий-

¹ Даргинский язык – один из нахско-дагестанских языков. – *Прим. наше.*

ском языке встречаются различные типы омонимов, в том числе и грамматические омонимы, т.е. омоформы.

В исследуемых языках налицо множество таких форм, которые при совершенно разных значениях совпадают как в звучании, так и на письме во всех или в большинстве своих грамматических форм. Они появляются в языке как результат тождества грамматических форм слов. Это слова разные по своему значению, относящиеся к одной или разным частям речи.

В качестве примеров приводятся следующие пары слов:

дарг. *мах* «тяжесть, ноша» – *мах* «вязанка сена»;

мегь «замок» – *мегь* «железо»;

лухьес «вариться» – *лухьес* «красить нитки или ткань» и др.

англ. *band* – *band* «отряд / группа – завязка»;

сие – *сие* «намеки / подсказка – очередь»

well – *well* «хорошо – колодец» [там же, с. 449].

Указывается, что явление омонимии может распространяться не только на лексику. Омонимами в широком смысле являются два или более совпадающих в плане выражения слова, но совершенно разных по содержанию, по значению. В связи с этим различают омонимию фонетическую, или звуковую, грамматическую и словообразовательную. Омоформы могут случайно совпадать и стать тождественными по звучанию и правописанию в своих некоторых грамматических формах:

дарг. *аги* «мелодия» (сущ.) – *аги* «не было» (глагол ед. ч., пр. вр.);

бара «чуть» (нареч.) – *бара* «сделай» (глагол повел. накл.);

х1 ябалра «даже могилы» (сущ.) – *х1 ябалра* «все трое» (числ.);

дуц1 ли «бег» (эргатив., ср. *дуц1* «бег» – *дуц1 ли* «бегом» (нареч.) [там же, с. 449].

В даргинском языке встречается множество омоформ. Со ссылкой на свои более ранние исследования¹ автор указывает: «Нами обнаружено в общей сложности 290 пар таких омонимичных единиц. Из них омоформы представлены в 140 примерах, омофония – в 100 примерах, омографы – в 50 примерах» [там же].

¹ Никатуева З.Ш. Даргинско-русский словарь омонимов. – Махачкала, 2014. – 294 с.

Автор отмечает, что омоформы в английском языке мало изучены из-за определенных теоретических трудностей, подобных тем, что вызываются лексической омонимией. У данных видов омонимии имеется ряд общих качеств: звуковое совпадение единиц, имеющих разные значения (у грамматических омонимов могут совпадать также почти все семантические компоненты) – *a work* «дело» – имя существительное и «*to work*» – «работать» – глагол.

Омонимия в обоих исследуемых языках представлена многочисленными омонимичными рядами, относящимся к различным лексико-грамматическим разрядам слов. Наиболее широко засвидетельствована омонимия именная: дарг. *гьалаб* «раньше, *гьалаб* «впереди»; *бирцини* «стирка», *бирцини* «продажа»; англ. *arm* «оружие», *arm* «рука»; *bank* «насыпь», *bank* «банк»; *bat* «летучая мышь», *bat* «бита» [там же, с. 449].

Значительно реже, по сравнению с омонимами-существительными, представлены в даргинском языке омонимы-глаголы. Ряды омонимов в даргинском языке могут быть и смешанными, т.е. принадлежать к разным частям речи. Автор отмечает, что явление омоформ в даргинском встречается шире, чем в английском языке.

В заключение делается вывод о том, что в даргинском и английском языках встречаются различные типы омонимов. Они появляются в языке как результат совпадения грамматических форм слов.

Статья Р.Т. Исмаиловой [Исмаилова, 2019] посвящена сопоставительному анализу лексико-семантических классов кубачинского языка¹, аштынского² говора, кайтагского диалекта³ и даргинского литературного языка.

Автор отмечает, что основной словарный фонд того или иного языка может дать представление о жизни говорящего на нем народа. К основному словарному фонду относятся большей частью исконные слова, которые обозначают жизненно важные понятия, составляющие неотъемлемую часть мышления любого че-

¹ Кубачинский язык – один из даргинских языков. – *Прим. наше.*

² Аштынский даргинский – диалект кубачинского языка. – *Прим. наше.*

³ Кайтагский диалект – один из даргинских диалектов. – *Прим. наше.*

ловека, говорящего на определенном языке. В исконную лексику входят слова наиболее древнего происхождения, составляющие основу словарного фонда того или иного языка. В словарном фонде кубачинского языка исследователь выделила несколько хронологически различных пластов: слова общедаргестанского происхождения, общедаргинские слова и собственно-кубачинские лексемы. Все слова кубачинского языка, входящие в состав исконной лексики, в данной работе автором условно разделены на лексико-семантические классы. Для исследования выбирались слова, обозначающие наиболее важные, жизненно необходимые понятия: наименования растительного и животного мира, наименования пищи и напитков, материалов, тканей, одежды, предметов быта, украшений, строений, посуды.

Указывается, что системное исследование лексико-семантических классов дает возможность проследить распространение того или иного слова, степень его употребления в языке, семантическое развитие, сужение или расширение значения слова на современном этапе.

Проанализированы наиболее употребительные в кубачинском языке слова, которые освещены в сравнении с аштынским говором, кайтагским диалектом даргинского языка и литературным даргинским языком. Автор приводит большое количество примеров из данных языков:

наименования растений и плодов:

«грецкий орех» – куб. *кких*, аштын. *хъихъ*, кайт. *чух*, дарг. *хив*

«кизил» – куб. *ччунабе*, аштын. *ччунабе*, кайт. *ччимби*, дарг.

жунаб;

наименования животных:

«бык» – куб. *к1 яшише*, аштын. *к1 ашша*, кайт. *к1 ашша*, дарг.

бугъа

«вол» – куб. *ус*, аштын. *ус*, кайт. *уц* дарг. *униц*;

наименования птиц и насекомых:

«воробей» – куб. *хъалчила*, аштын. *хъалчин*, кайт. *чваква*, дарг. *чяка*

«голубь» – куб. *нахъва*, аштын. *нахъва*, кайт. *лахъва*, дарг. *лагъа*

«вошь» – куб. *нитт*, аштын. *нид*, кайт. *нез*, дарг. *нур*;

наименования драгоценных камней и женских украшений:

«рубин» – куб. *якьут*, аштын. *ляг1 лу якьут*, кайт. *ит1 ин кьаркьа*, дарг. *якьут*

«цепь» – куб. *яххас*, аштын. *яххас*, кайт. *рагьаз*, дарг. *рахаж*;

наименования одежды, тканей:

«ткань» – куб. *масс*, аштын. *мас*, кайт. *ч1 янк1 и*, дарг. *ч1 янк1 и*

«ситец» – куб. *хьябяхь*, аштын. *кьябьякь*, кайт. *чит.*, дарг. *чит*

«платье» – куб. *ава*, аштын. *ава*, кайт. *ккуртти*, дарг. *х1 ева*

«платок» – куб. *ккат1 е*, аштын. *к1 ат1 и*, кайт. *к1 ат1 и*, дарг. *к1 ана*;

наименования посуды, предметов домашней утвари:

«веревка» – куб. *аргьамчи*, аштын. *дишхан / аргьамчи*, кайт. *кьвалтик* дарг. –

«стул» – куб.-, аштын. *кууси*, кайт. *курси*, дарг. *ута*;

наименования пищи:

«бублик» – куб. *уригала*, аштын. *уригар*, кайт. *бублик*, дарг.-

«урбеч» – куб. *урбиш*, аштын. *п1 яц1 ик1 в*, кайт. *п1 яц1 ик1*, дарг. *урбеш*;

наименования строений:

«терраса» – куб. *т1 ант1 ала*, аштын. *т1 ант1 и*, кайт. *сяхьяла*, дарг. *гьаргала*

«крыша» – куб. *хьялтала*, аштын. *хьялтала*, кайт. *хьялжила*, дарг. *хьялч* [там же, с. 431].

В заключение отмечается, что сбор и изучение состава исконной кубачинской лексики дает ценнейший материал для исследования истории и культуры кубачинского этноса. При исследовании лексико-семантических классов кубачинского языка в сравнительном освещении с аштынским говором и кайтагским диалектом даргинского языка выявилось, что часть лексических единиц представляет собой варианты общедагестанских слов, причем, часть из этих лексем подверглась фонетическим изменениям. Но в большинстве случаев сохранились исконные кубачинские слова, в частности среди наименований одежды и тканей, среди наименований посуды и домашней утвари. В этих лексико-семантических классах отсутствуют лексемы, материально совпадаю-

щие с даргинским литературным языком. Данные лексемы кубачинского языка имеют большее материальное сходство с аштынским говором и кайтагским диалектом даргинского языка. Исследованные говоры и диалекты показывают большое несходство с даргинским литературным языком. В них трудно найти исконные слова, которые не получили бы фонетическую дифференциацию.

Статья А.А. Омарова [Омаров, 2019] посвящена сопоставительному анализу фразеологической семантики и ее концептуализации в картине мира, кодифицированной соматизмом «грудь» в даргинском и арабском языках. Предметом исследования послужило фразеологическое пространство соматизма «грудь» в сопоставляемых языках. Цель своего исследования автор видит в определении особенностей концептуализации объективной реальности, кодифицированной фразеологизмами с компонентом «грудь» в даргинском и арабском языках. Материалом исследования явились устойчивые сочетания с компонентом «грудь» в даргинском и арабском языках.

Отмечается, что картина мира, номинированная устойчивыми сочетаниями слов с компонентом «грудь» в арабском языке подразделяется на темы. Наибольшее количество фразеологизмов репрезентируют тему, которая в переводном эквиваленте имеет инвариантный смысл «широта души». Виртуальное открытие груди в арабском сознании воспринимается как «открыть свои объятия», букв. «открыть свою грудь для...» [там же, с. 395]. Этот же виртуальный сценарий является признаком свободного без стеснения общения: «не стесняться» букв. «раскрывать грудь».

Равным образом «простор груди» может быть показателем приветливости и великодушия.

В сознании арабов «самая большая грудь» ассоциируется с социальным величием: *истор*. «великий визирь» букв. «величайшая, самая большая грудь» [там же].

Эта же пространственная характеристика груди транспонируется в широту ментальных сущностей – ума и образованности: «широкий кругозор, широта ума» букв. «широта, обширность груди» [там же].

В этническом сознании арабов радость представляется в образе охлажденной груди: «это нас обрадовало» букв. «это охладило нашу грудь». Подобное восприятие радости, по мнению исследо-

вателя, объясняется климатическими условиями ареала обитания арабов: в условиях жаркого климата определенное охлаждение тела (груди) вызывало у бедуина чувство удовлетворения, радости [Омаров, 2019, с. 395].

В отличие от «широты души», воспринимаемой через метафорическую широту груди, моральная подавленность, угнетенное состояние ассоциируется с образом уменьшающейся в размерах груди: «подавленный, в угнетенном состоянии» букв. «сокращающийся, сжимающийся грудью» [там же, с. 396].

В случае, когда подавленное состояние оказывается перманентным, оно переходит в тяжелый характер в образе «узкой» груди: «с тяжелым характером» букв. «узкий, тесный грудью» [там же].

Виртуальная метафорическая «узость груди» выступает маркером болезни астмы и скуки: 1) *мед.* «астма»; 2) «скука» букв. «узость, теснота груди» [там же].

Выражение «колоть глаза» в арабском сознании представляется как «вызвать гнев в груди»: «колоть глаза» букв. «вызвать злобу, гнев в груди» [там же].

Ассоциативная ряд «грудь → женская грудь → новорожденный → начало жизни → начало» явился, по мнению исследователя, мотивационной базой наименования семемы «начало»: «начальная эпоха ислама» букв. «грудь ислама» [там же].

Попарное сравнение корпуса фразеологизмов даргинского и арабского языков свидетельствует о различном видении мира.

Раскрывающаяся грудь в сознании даргинца представляется в образе человека, испытывающего большое горе: *Михъири царкбирули саби* – букв. «грудь раскрывается», т.е. «о матери в трауре, испытывающей большое горе» [там же].

Чувство беспокойства, тревоги в даргинской этничности воспринимается как грудь, в которой пылает огонь: *Михъирлизир џла алки сари* – букв. «в груди огонь горит», т.е. «очень сильно беспокоится» [там же].

Чувство печали, горести в сознании даргинца представляется в образе разбитой груди: *Михъири бячун* – букв. «грудь разбилась», т.е. «душа разбилась» [там же].

Прототипическая ситуация пребывания воина на огневой позиции отложилась в сознании даргинцев в образе груди, подстав-

ленной пуле: *Михъири хІярхІялис бедили* – букв. «грудь отдав пуле», т.е. «стоит на огневой позиции», «находится на поле боя» [Омаров, 2019, с. 395].

В заключение автор делает вывод о том, что концептуализация прототипических экстралингвистических ситуаций, вербализованных фразеологизмами с компонентом «грудь» в сопоставляемых языках происходит на основе различных параметров одних и тех же сценариев; композиционная семантика одних и тех же вербализованных экстралингвистических реалий в даргинском и арабском языках различна.

В статье [Алиева, 2019] С.А. Алиевой и Н.Э. Гаджихмедова анализируются особенности употребления терминов родства в роли обращений к лицу в разносистемных русском и кумыкском языках.

Целью работы авторы указывают выявление общего и национально-специфического в употреблении обращений в данных языках.

Выбор лексико-семантической группы обращений – обозначений семейно-родственных отношений – объясняется ими тем, что именно эта группа слов имеет более четкую структурно-семантическую организацию. К данной лексико-семантической группе относятся такие обращения, как *дедушка, бабушка, отец, мать, дядя, тетя, брат, сестра* и некоторые другие обозначения родства.

В русском языке родителей называют *отец, мать*. Наиболее употребительными и нейтральными обращениями к отцу и матери со стороны их детей, как взрослых и невзрослых, являются слова *папа* и *мама*. В кумыкском языке родителей называют *ата* ‘отец’ и *ана* ‘мать’, и наиболее употребительными обращениями к родителям являются обращения *ата* и *ана*. Сопоставляя функциональные особенности этих обращений, авторы отмечают, что в русском языке родителей называют одними словами, а обращаются к ним обычно другими. В кумыкском языке для обозначения родителей и для обращения к ним используются одни и те же лексемы. Авторы отмечают, что с середины прошлого столетия лексемы *папа* и *мама* как заимствования из русского языка вошли в активный запас слов кумыкского языка. Они же используются в современном ку-

мыкском языке и для называния родителей, и для обращения к ним [Алиева, 2019, с. 361].

В отличие от русского языка, в кумыкском языке для обращения к отцу используется дополнительно и ряд других апеллятивов: *ада, дада, тата, аби, агъа*. При обращении к лицу эти апеллятивы чаще всего употребляются в уменьшительно-ласкательной форме: *адай // адаи, дадай // дадам, абий, агъай // агъав, татай*. Апеллятив *отец* в русском языке не имеет уменьшительно-ласкательных форм, а апеллятив *мать* при обращении употребляется в уменьшительно-ласкательной форме *матушка*. В кумыкском языке оба термина родства, обозначающие родителей, имеют несколько уменьшительно-ласкательных форм: *ана – анай, анав, анашка; ата – атай, атав, аташка* [там же].

В русском языке родителей называют словами *отец, мать*, а обращаются к ним обычно *папа* (прост. почтит. *папаня, разг., прост. папаша, разг. уст. папенька*), *мама* (ласк. *мамочка, разг. устар. маменька, разг. ласк. мамуся, прост. почтит. маманя*). В русском языке в данном случае в роли обращения выступает особое слово. В этом находит выражение явление расподобления (дивергенции) именованного родственника и обращения к нему [там же]. Таким образом, авторы указывают две разные функции этих слов: номинативную и апеллятивную.

Исследователи отмечают, что возможности использования терминов родства, обозначающих родителей и выступающих в роли обращений, этим не ограничиваются. В определенных контекстуально-ситуативных условиях в роли обращений выступают и апеллятивы *мать, отец*. Речь идет о социально-обусловленных обращениях взрослых детей к родителям в момент серьезного разговора.

В отличие от кумыкского языка, в русском языке обращение *мать* используется и по отношению к жене. Выбирая подобное обращение, говорящий именуется не адресата, а определяет то, кем коммуниканты друг другу приходятся. В русском языке апеллятивы *папа* и *мама* употребляются как обращения обычно пожилых – жены к мужу или мужа к жене, а также как обращения зятя к теще (теще), невестки к свекру (свекрови). По мнению авторов, в данном случае наблюдается переход апеллятивов в регулятивы, основная функция которых заключается в выражении отношения

между говорящими. Сема родства здесь отступает на задний план. Обращения служат только для констатации половозрастных различий. При этом происходит расподобление данных обращений в социально-регулятивном и номинативном значениях. Аналогичное явление характерно для слов *отец*, *мать* (*прост. папаша и мамаша*) и при их использовании как уважительных обращений-регулятивов по отношению к посторонним пожилым лицам со стороны младших по возрасту людей. Обращение-регулятив *отец* используется по отношению к лицу, которое отечески заботится о других, к покровителю, благодетелю. В кумыкском языке обращения *ана* 'мать' и *мама* по отношению к свекрови также используются, однако нормой считать это нельзя [Алиева, 2019].

Авторы также отмечают, что в русском языке в момент серьезного разговора с детьми мать может, обращаясь к своей дочери, использовать слово *мама* [там же].

С точки зрения исследователей, варианты обращений *маменька* // *папенька*¹. с оттенком ласковой почтительности (эмоционально-экспрессивный аспект) используются в русском языке.

Указывается, что в русском языке при фамильярном обращении к пожилой женщине // мужчине также используются обращения *мамаша* // *папаша*.

Слово-обращение *матушка* служит ласково-фамильярным обращением к пожилой женщине. Авторы указывают на расподобление в социально-регулятивном и номинативном значениях. Данное обращение используется женщинами при обращении к женщинам, младшим по возрасту и не имеющим родственных отношений.

Обращение *матка*, по мнению исследователей, задает совершенно определенный характер отношений говорящего и адресата – муж и жена. В отношении к кормилице, няньке используются обращения *мама* // *мамка*.

В лексической системе русских обращений к лицам встречается ласковое фамильярное обращение к собеседнику апеллятивом *батьюшка*².

¹ Данный эмоционально-экспрессивный вариант в современном дискурсе русскоговорящих уже не встречается, только в худ. литературе. – *Прим. наше.*

² Данный апеллятив является устаревшим. В современном русском языке может употребляться как ироничная форма. – *Прим. наше.*

В качестве просторечных обращений к отцу словари отмечают формы *батьа, батька*. Апеллятив *отец* служит также в качестве официально регламентированной формы обращения-регулятива к лицам духовного звания.

Сообщается, что термины родства *брат* (уменьш.-ласк. *братик, уничижит. и ласк. братишка, прост., уничижит. и ласк. браток*) и *сестра* (уменьш.-ласк. *сестренка, сестричка, сестрица*) редко встречаются в кругу семьи в роли апеллятивов-индексов. У русских братья и сестры обычно обращаются друг к другу по имени. В русском языке в сфере обращения к непосредственным родственникам – *брату и сестре*, как указывают исследователи, также обнаруживается тенденция расподобления именованного родственника и обращения к нему. Слово *брат (братец)* широко функционирует в русской речи в роли регулятива, расподобляясь в номинативном и социально-регулятивном значении и выражая дружески-фамильярное значение с оттенком угрозы и предостережения. Использование этого обращения основывается обычно на отношениях равенства при дружеском обращении к мужчине, юноше, мальчику. Форма *братишка*, предназначенная для обозначения младшего брата, в русской речи дагестанцев используется в социально-регулятивном значении при дружеском обращении к юноше, мальчику [там же, с. 362].

В кумыкском языке обращение к младшему и старшему брату дифференцировано: к младшему брату кумыки обращаются апеллятивом *ини*, а к старшему брату апеллятивом *агъа*. Такой дифференциации в системе обращений к родственникам в русском языке нет [там же].

В русской речи *сестра, сестренка, сестрица, сестричка* используются как фамильярно-ласкательные обращения к постороннему лицу женского пола или медицинской сестре. Слово *брат* является и формой обращения (регулятива) среди монахов, а апеллятив *сестра* – среди монахинь, сестер милосердия, медицинских сестер. Апеллятивы *сестры* и *братья* с давних пор являются также вежливыми формами обращения духовного лица к верующим. В кумыкском языке в этом контексте используются обращения *къардашлар* ‘братья’ и *къызардашлар* ‘сестры. В отличие от русского языка, в кумыкском языке в данной коммуникативной си-

туации возможно использование и формы единственного числа [Алиева, 2019, с. 362].

Слово **сын** в русском языке также является формой обращения лица мужского пола по отношению к своему духовнику или лицу духовного звания. В кумыкском языке обращение *уланым* «сын мой» по отношению к духовному лицу не используется.

Слова **сын** и **дочь**, а также их уменьшительные формы **сын-нок**, **дочка** как обращения к сыну или дочери со стороны родителей имеют ограниченную сферу употребления. В кумыкском языке обращения *уланым* ‘сын мой’ и *къызым* ‘доченька (моя)’ используются довольно часто.

Наиболее нейтральными обращениями к **сыну** или **дочери** являются в русском языке в настоящее время обращения по имени. Аналогичное явление наблюдается и в кумыкском языке [там же]. Разговорный оттенок имеет обращение **сын-ка**.

Авторы сообщают, что в русском языке в сфере функционирования апеллиатива **дедушка** происходит его расподобление с именованьем *дед*, и наоборот, именование и соответствующее обращение к **бабушке** совпадают. В роли апеллиатива лексемы *дед*, *дедушка* (разг. ласк. *дедуля*) и *бабушка* (разг. ласк. *бабуля*, *бабуся*), нередко используются в социально-регулятивном значении: как почтительно вежливые обращения к пожилым людям.

В тюркских языках для обозначения понятий *дедушка* или *бабушка* нет обобщенных терминов родства, они передаются описательным способом по модели *уллана* ‘старшая мама’, *уллата* ‘старший отец’.

Обращаются кумыки к дедушке и бабушке вокативными терминами родства *ада*, *дада*, *ата*, *аби*, *дата*, *уллу папа* и *аба*, *апай*, *ажай*, *ими*, *папу*, *анав*, *ажав*, *уллуанам*, *уллу мама* [там же].

Обращения **дядя** и **тетя**, а также их уменьшительно-ласкательные производные (**дяденька** и **тетенька**) обозначают соответственно брата (сестру) отца или матери; мужа тетки; жену дяди. Как отмечают исследователи, тенденция расподобления проявляется и здесь – в том смысле, что к родным дяде и тете обычно обращаются в настоящее время по модели **дядя //тетя + имя личное**.

В детской речи слова **дядя** (**дяденька**), **тетя** (**тетенька**) служат также доверительными обращениями-регулятивами к

взрослым лицам мужского и женского пола, расподобляясь в своем значении от их значения в функции обращения-индекса [Алиева, 2019, с. 362].

В заключение указывается, что анализ совокупности обращений к родственникам в сопоставляемых языках выявил их особенности как лексической системы. Ядром системы являются слова, в основном функционирующие в роли обращения, превратившиеся в стандартизированные формулы общения. На периферии системы находятся экспрессивно-оценочные обращения, широко используемые в неофициальной речи.

Слова остальных обращений занимают ряд промежуточных положений между центром и периферией. Степень их экспрессивной оценочности может быть разной.

Лексической особенностью русских обращений, употребляющихся среди родственников, является тенденция к расподоблению общих названий родственников и обращений к ним. Она выражается в том, что основное слово, служащее для именованья родственника, часто выступает как обращение-индекс к этому родственнику (для этой цели используется отдельное слово.

В кумыкском языке для обозначения родственников и для обращения к ним используются одни и те же лексемы.

Особенностью русской лексической системы обращений является множество образований с уменьшительно-ласкательными суффиксами, которые используются при обращении к сыну и дочери, дяде и тете. В кумыкском языке уменьшительно-ласкательные формы используются при обращении к отцу и матери, бабушке и бабушке. В обоих языках апеллятивы с уменьшительно-ласкательными суффиксами отражают отношение адресанта к адресату.

Список литературы

Алиева С.А., Гаджихамедов Н.Э. Особенности обращений к лицу в русском и кумыкском языках: (На материале терминов родства) // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2019. – № 1 (74). – С. 360–363.

Исмаилова Р.Т. Сравнительный анализ лексико-семантических классов кубачинского языка с диалектами и говорами даргинского языка // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2019. – № 1 (74). – С. 430–431.

Никатуева З.Ш. Сопоставительный анализ омоформ даргинского и английского языков // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2019. – № 1 (74). – С. 448–449.

Омаров А.А. Фразеологическая картина мира соматизма «грудь» в даргинском и арабском языках // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2019. – № 1 (74). – С. 395–396.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ЗАГЛАВИЙ РАБОТ, ОПИСАННЫХ НЕ НА АВТОРА¹

Ассоциативный эксперимент:
Теоретические и прикладные
перспективы психолингвистики
01.009

Вашик К. 01.019

Белов В.А. 01.018

Бондарчук Г.Г. 01.003

Брженек О. 01.011

Виноградов В.А. 01.004

Дмитрийчук А.Ю. 01.002

Качинская И.Б. 01.015

Кибардина С.М. 01.019

Ковшова М.Л. 01.016, 020

Комалова Л.Р. 01.017

Миграционная лингвистика
в современной научной парадигме
01.010 Опарина Е.О. 01.014

Падучева Е.В. 01.005

Раренко М.Б. 01.012–13, 021

Семантика коннеторов: Контрастивное
исследование 01.006

Скорвид С.С. 01.001

Теория языка и метаязыка
филологических наук 01.007

Трошина Н.Н. 01.008

Шевелева Е.О. 01.003

Шоков Н.Н. 01.002

Яковлева Э.Б. 01.022–023

Яроцкая Л.В. 01.003

Вітеньк О. 01.011

Составитель: *Л.Р. Комалова*

¹ В номерах рефератов алфавитного и предметного указателей год издания РЖ (2020) опущен.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ (№ 1)

- Адекватность перевода 01.012
Аналогия 01.003
Английский язык
– стилистика 01.014
– фразеология 01.003
Аннотирование 01.017
Ассоциативный эксперимент
01.009, 01.010
- Визуальная стилистика 01.008
Виноградов В.А. 01.004
- Гипотаксис 01.005
Говорящий 01.005
- Даргинский язык 01.023
Дискурс 01.008, 01.010
Дискурсивные слова 01.012
- Загадка 01.016, 01.020
Значение лексическое 01.009, 01.021
- Идентичность этническая 01.022
Иконопись русская 01.019
Имена родства 01.015, 01.021,
01.023
Имена собственные 01.016, 01.020
- Карельский язык
– социолингвистические
исследования 01.022
Картина мира языковая 01.009,
01.015, 01.017
- Когнитивная лингвистика 01.007,
01.018
Коннекторы 01.006
Контекст 01.012
Концепт 01.021
Корпусная лингвистика 01.017
Креолизованный текст 01.008
Кумыкский язык 01.023
- Лексико-семантическое поле 01.013
Лексикография 01.013
Лингвистическая статистика 01.017
Лингвокультурология 01.016
- Междометие 01.015
Метафора 01.016
Миграционная лингвистика 01.010
Мифология 01.015
- Научно-популярная литература
01.002
Немецкий язык
– социолингвистические
исследования 01.011
Немецкий язык (австрийский)
01.011
- Парадигматика 01.007
Паремнология 01.016, 01.020
Перевод научной литературы 01.013
Полисемия 01.013
Постмодернизм 01.007

- Притяжательное прилагательное
01.001
Продуктивность 01.003
Прозвище 01.015
- Риторика 01.014
Русский язык
– диалектология
– – Архангельская область 01.015
– словари 01.020
– – немецкий язык 01.019
– стилистика историческая 01.002
- Самодийские языки 01.022
Семантический анализ текста
01.006, 01.017
Семантическое изменение 01.012
Синонимия 01.018
Синтаксис семантический 01.005,
01.006
Синтаксическая деривация 01.001
Синхронный перевод 01.012
Славянские языки
– история 01.001
Словари терминологические 01.021
Словообразование 01.003
Сопоставительный метод 01.023
- Социокультурный контекст 01.016
Тема путешествий 01.002
Термин 01.021
Терминологическая система 01.021
Терминология 01.007
Трамп Д. 01.014
- Философия языка 01.007
Финно-угорские языки 01.022
- Художественный перевод 01.012
- Эгоцентризм 01.005
Эквивалентность 01.012, 01.013
Этнопсихоллингвистика 01.009
Этносоциоллингвистика 01.010
- Язык и культура 01.008
Язык и политика 01.014
Язык науки 01.007
Языковая личность 01.014
Языковая политика 01.022
Языковая система 01.007
Языковой знак 01.007
- Составитель: *Л.А. Перевезенцева*

Уважаемые читатели!

В настоящее время вышли в свет:

Языковое бытие человека и этноса: Сборник научных трудов по материалам XVI Березинских чтений (Москва, 24–25 мая 2019 г.) / Под ред. В.А. Пищальниковой, Л.Р. Комаловой. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 21: Материалы XVI Березинских чтений. – 184 с. DOI: 10.31249/berez/2019.20.00. – Режим доступа: <http://inion.ru/publishing/journals/iazykovo-bytie-cheloveka-i-etnosa/>

Сборник содержит статьи по материалам докладов, представленных на ежегодных международных Березинских чтениях. В статьях представлены различные актуальные направления современной лингвистики, отражающие современную картину лингвистических исследований в России и отчасти за рубежом. Сборник включает статьи по методологии лингвистики и психолингвистики, по экспериментальным и прикладным психолингвистическим и когнитивным проблемам, исследованию социального существования языка, переводоведению, функциональным, прагматическим аспектам изучения разных типов текста, использованию достигнутых языкознания в современной лингвистической экспертизе.

Издание предназначено для широкого круга специалистов, аспирантов и магистрантов гуманитарных областей знания.

Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты = Human being: Image and essence. Humanitarian aspects: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. культурологии; Ред. кол.: Скворцов Л.В. (гл. ред.) и др. – М., 2019. – **№ 1 (36): Культурный ландшафт = Cultural landscape** / Ред.-сост. вып. Лавренова О.А., Калуцков В.Н.; Отв. ред. Кулешова О.В. – 222 с. DOI: 10.31249/chel/2019.01.00. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=37239204>

Описывается современное состояние и перспективы развития междисциплинарной концепции культурного ландшафта. История исследований в России свидетельствует о тесной взаимосвязи концепции с идеологическими и социальными процессами,

происходящими в стране. Концепция культурного ландшафта сыграла важную роль в преодолении «бесчеловечности» советской географии и, наоборот, во многом обусловила «пространственный поворот» в гуманитарном знании. Потенциал междисциплинарного взаимодействия наук о Земле и наук о человеке в рамках концепции «культурного ландшафта» проявился при комплексном изучении городов, сельской местности, в этно- и лингвокультурной проблематике. Для широкого круга специалистов в области гуманитарного знания.

Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты = Human being: Image and essence. Humanitarian aspects: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Ред. кол.: Скворцов Л.В. (гл. ред.) и др. – М., 2019. – № 2 (37): **Семантика русскости = Semantics of Russianess** / Отв. ред. Комалова Л.Р., Трегубова Д.Д. – 190 с. DOI: 10.31249/chel/2019.02.00. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=38524393>

Рассматривается вопрос о содержательном наполнении номинаций «русский» / «российский» в аспекте междисциплинарности. Исследуются культурологическая и религиозная основы самоидентификации россиян, ценностные трансформации в образе России, исторический аспект формирования концепта «русскость». Для широкого круга специалистов в области гуманитарного знания.

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Реферативный журнал

Серия 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2020 № 1

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 10.12.2019

Формат 60×84/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Цена свободная

Усл. печ. л. 11,4

Уч.-изд. л. 9,0

Тираж 300 экз.

Заказ № 155

(1–150 экз. – 1-й завод)

Институт научной информации по общественным наукам РАН
Нахимовский просп., д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:
Е-mail: inion@bk.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов, ул. Чернышевского,
д. 88 литера У

